

"Мечты и реальности (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталия Котьянова

Мечты и реальности

— Лер, ты опять?

— Угу.

Я машинально сунула рисунок в конец папки и под ехидную мамину улыбку пошла на кухню. Да, она вроде бы уже два раза звала ужинать... На третий раз меня просто аккуратно взяли за шиворот и стали символически тянуть из-за стола. Символически — потому что мне давно уже не три года, и маме всё равно не удалось бы сдвинуть меня с места. Только глобально переключить внимание и на время прервать пресловутую связь творца и его очередного шедевра. Впрочем, какой там шедевр...

На кухне за накрытым столом с абсолютно такой же ласковой улыбочкой восседал отец.

— А, ваше высочество, наконец, пожаловало! Какая радость, мы с королевой-матерью чрезвычайно польщены!

Поборов желание показать ему язык, я молча присела в неглубоком реверансе и уже не столь изящно плюхнулась на своё место. М-да, если бы я знала, что сегодня макароны, поторопилась бы. Наверное...

Мама взяла мою тарелку и поставила на минутку в микроволновку.

— Над чем сейчас трудимся? — невинно поинтересовался отец.

— Ничего особенного. Средневековый замок.

— А прекрасный принц к нему прилагается?

— Представь себе, нет.

— А бесстрашный рыцарь? — не отставал он. — Или хотя бы...

— Твои макароны.

— Спасибо, мама.

Я с почти не наигранным энтузиазмом принялась за еду.

— Отстань ты от неё, Олег. Твои шутки стары, как моя борода.

— О, у меня, оказывается, бородатая жена?! Не замечал!

Пока родители шутили пикировались, я быстренько доела, налила в кружку чай и предприняла стратегическое отступление в свою комнату. Точнее, попыталась — папочка тоже любил, чтобы последнее слово оставалось за ним.

— Ты уже нас покидаешь?

— Спасибо за ужин!

— Лера!

— Мне надо доделать, правда...

— Замуж тебе надо!

— Опять... — мы с мамой синхронно возвели глаза к потолку.

— Да, опять и опять! Я хочу, чтобы моя дочь жила с нами, в этом мире, как все нормальные люди, а не витала чёрт знает где! Учти, вот устрою смотрины, как царь в твоих сказочках, и выдам тебя замуж за какого-нибудь третьего слева...

Я не выдержала и хихикнула. Да, отец мне уже плешь проел этой своей грандиозной идеей, но, как бывший комический актёр, он и возмущался очень забавно, и каждый раз злился, что я не воспринимаю его увещевания всерьёз.

— Пап, а кого ты строить-то будешь? У меня что, поклонников целый мешок?

— Ничего, придумаю что-нибудь, — отмахнулся он. — Пообещаю богатое приданое...

— Интересно, и где ты его возьмёшь?

— Это моё дело, женщина! Банк ограблю или навру поубедительнее, а после свадьбы поздно будет.

Да уж, моего деятельного папочку, если уж он вбил что-нибудь себе в голову, никакие силы не остановят! Кроме, мамы, пожалуй. Она у меня человек чуткий, понимает, что на единственное дитя давить бесполезно, а там, глядишь, и отец отвлечётся на что-нибудь ещё, и ситуация, как это часто бывает, разрешится сама собой. Вот только, наверное, не эта...

Я медленно пила остывающий чай и пялилась на разложенные по столу рисунки. Старинные замки, хитромордые драконы, рыцари в исторически неправильных доспехах, девушки с распущенными волосами до пят... И типа принцы, куда ж без них! Один особенно хорошо получился, прямо не парень, а мечта. Угу, идиотки.

Я со вздохом убрала рисунки в папку и критически уставилась в настольное зеркало. В общем-то, большинство героинь я срисовывала с себя, так удобнее, да и внешностью, честно говоря, родительские гены не обидели. И всё же конечный результат отличался от оригинала как картина маслом и незатейливый карандашный набросок. Глаза — ярче и с километровыми ресницами, волосы водопадом, роскошное платье и загадочная полуулыбка... К такой и прекрасный принц подкатить не побрезгует.

Зато у меня-реальной сейчас сразу два ухажёра: недавно вернувшийся из армии сосед Игорь по кличке Валенок (такой же простой — до зубовного скрежета) и однокурсник Вовка, с точностью до наоборот, ботан и жуткий зануда. Пока более-менее успешно бегаю от обоих...

Неужели папа всерьёз хотел бы одного из них себе в зятя? Ни за что не поверю. В конце концов, мне только двадцать один, это по средневековым меркам уже «старушка», а сейчас хоть до сорока можно будет резину тянуть. Пацаны, между прочим, ещё менее склонны обременять себя в столь нежном возрасте, так что с реальными женихами папе грозит безоговорочный облом. Сам он женился в девятнадцать, как ни странно, на маме — то есть у них оказался ранний, но на редкость удачный брак. Так что я вот уже два года «наслаждаюсь» чуть не ежедневными советами последовать их примеру и обрести, наконец, натуральное

женское счастье взамен нарисованного. Как ещё с ума не сошла, не знаю...

На самом деле отец весьма гордится моим художественным талантом, сам в своё время отдал меня в детскую школу живописи, но не настаивал на последующей Академии. Вместо этого я поступила на исторический, выбрав рисование в качестве жизненно важного хобби. Потому что любила рисовать не то, что скажут (от гипсовых голов и ваз меня уже давно трясло), а то, что нравится мне самой. А нравились мне в основном сентиментальные «девчачьи» сюжеты. Кстате, не мне одной. Я посылала свои работы на разные интернет-выставки, конкурсы рисунков в стиле фэнтези, на лучшую иллюстрацию к книге и тому подобное — и даже снискала себе определённую славу. Там же, в и-нете, меня заметили сразу два издательства, и теперь время от времени я поставляла на их обложки всё тех же драконов и принцесс. Платили, между прочим, неплохо, и я почти всё отдавала родителям, дабы не уподобляться сидящей на их шее великовозрастной корове. А они ещё и недовольны!

Представляю, если бы я завтра заявила папе, что и в самом деле выхожу замуж, неужели он распрыгался бы от радости? Уверена, он подверг бы жениха суровому допросу с пристрастием и доказал, что этот индивидуум категорически недостоин его единственной дочери. Так что можно смело считать его матримониальные планы надоедливой, но безобидной «пластинкой» и спокойно продолжать витать в своих любимых, оторванных от реальности, облаках...

Я сидела на кровати, заплетала на ночь косу и рассеянно думала о завтрашнем экзамене, к которому из-за срочного заказа совершенно не успела подготовиться. Ну и что, не впервой, выкручусь как-нибудь... Прежде, чем окончательно погасить свет, метнулась к своей заветной папочке, вытащила портрет самого любимого «принца» и решительно засунула под подушку. Сама себе покрутила пальцем у виска, сама себе показала в ответ язык. Ну и пусть ребячество, Святки ведь! Если не этот красавчик, так хоть кто-нибудь путный приснится, почин задан. Только бы не Валенок с ботаном и не Филипп Киркоров, как в прошлом году, я этого не заслужила!

Скороговоркой пробубнив «Суженый-ряженый...», я поворочалась-поворочалась, да и заснула.

И проснулась от того, что что-то маленькое и щекотное поползло по моей ноге. Первой мыслью было «таракан!!», второй «дура, их у нас нет!», а третьей «надо хотя бы глаза продрать, а потом уж панику разводить...» К ней-то я и прислушалась.

Открыла глаза и обнаружила сидящую на ноге... мышь. Обычную маленькую полёвку, которая оказалась не очень-то довольна таким вниманием к своей персоне. Я дёрнулась, пуская наглого грызуна в незапланированный полёт, и он, мелькнув светлым брюшком, с возмущённым писком шлёпнулся куда-то в траву.

В... траву? В какую ещё траву?!

Я огляделась и поняла, что повод завизжать у меня всё-таки есть.

Нет, ну а как бы поступила любая уважающая себя девушка, внезапно проснувшись посреди какого-то леса, хотя ложилась спать в городе и зимой. Правда, надолго меня не хватило, зато начался «веселенький» нервный колотун. Я поплотнее запахнулась в толстую серую накидку с капюшоном и обнаружила к ней в довесок длиннущее платье и немилосердно расшитые камушками светлые туфли. Блин, ну что за дурацкий сон, в таком виде только по лесу и шляться! То, что это всё-таки сон, я решила принять для себя априори, просто чтобы не начать прыгать по травке с воплями «а я сошла с ума, какая досада!»

Ну что ж, наверное, нет смысла тупо сидеть на одном месте с надеждой проснуться, можно и

прогуляться, посмотреть, что тут есть... хм... интересненькое. Сказано — сделано. Я сделала вид, что моё бесцельное шатание между деревьями на самом деле исполнено глубокого смысла, и некоторое время добросовестно блуждала, пока не напоролась на какие-то колючие кусты. Выдирая из них край накидки, я искололась до крови и зашмыгала носом. Не от боли, а от окончательного осознания реальности этой непонятной пугающей реальности. Что же это, в самом-то деле!! За что?!

Начинающуюся истерику загубил на корню приближающийся собачий лай. Я застыла в нерешительности — то ли привлечь к себе внимание (у собак ведь должны быть хозяева) или, наоборот, на всякий случай попытаться залезть на дерево (угу, в таком платье), если это вдруг окажется агрессивная бродячая стая. Пока я раздумывала, затрещали ветки, и первая собака, похожая на перекармливаемого волкодава, выскочила из кустов и затормозила прямо передо мной. Воцарилось непродолжительное молчание — зверюга изучала меня, а я мысленно подсчитывала, на сколько кусочков она меня порвёт, прежде чем появятся остальные. Остальные — ещё две тупорылые собачьи морды, не заставили себя долго ждать.

Я каким-то чудом удержалась на ослабевших от страха ногах и словно со стороны услышала дрожащий писк:

— Хорошие собачки, хорошие...

Хорошие собачки подумали ещё немного и неторопливо приблизились. Первая внимательно обнюхала мой локоть (кисти я успела спрятать в широкие рукава), а потом неожиданно завиляла хвостом, две другие согласно поддержали.

— Ой... Вы хорошие, да? Вы умные собачки, не будете меня есть, правда? — засюсюкала я, не веря своему счастью. — А хозяин у вас есть?

Ответом мне послужил новый треск веток и легкомысленный мужской голос:

— Эй, Мит, Чорро, где вы?! Гияна, девочка моя, гони этих бездельников, нечего на белок глазеть, мы ищем медведя! Давайте-давайте, шевелитесь!

Собаковладелец, весело ругаясь на колючие кусты, продрался к нашей скульптурной группе и тоже замер, с успехом «влившись в коллектив». Я же в это время, кажется, забыла, как дышать.

Потому что это был Он. Парень с моей картинки.

Не обращая внимания на радостно заскакавших вокруг него питомцев, «принц» ещё какое-то время поизображал столб, а потом медленно и как-то неуверенно приблизился. Безупречно «скопированные» прекрасные серые глаза так пристально изучали моё лицо, что мне стало неловко. Интересно, о чём он сейчас думает? «Что за дура в таком виде шляется по кустам?» Или, и того хуже, «а у неё вся тушь размазалась, хи-хи...» Я на всякий случай провела рукой по щеке и украдкой скосила глаза на палец. Вроде всё чисто. Тогда в чём дело, что он так на меня смотрит?!

Я занервничала, и тут он, наконец, спохватился и отвесил мне церемонный поклон. Стебётся...

Я кивнула и ответила вопросительным взглядом.

— Простите, если мои собаки напугали вас. Они не причинят вам вреда...

— Я это уже поняла, спасибо.

Я легонько погладила по голове ближайшую зверюгу, и она с новой силой замолотила хвостом. На лице же её хозяина отразился чуть ли не священный ужас. Впрочем, он быстро справился с собой и задал тот вопрос, которого я больше всего опасалась:

— Кто вы, о прекрасная дева, и как оказались в столь удалённом от людей месте? Я могу предложить вам свою помощь?

Столь несовременная форма вопроса требовала такого же стилизованного ответа. Пока я подбирала слова, парень смущённо улыбнулся и хлопнул себя по лбу:

— Прошу прощения за свою невоспитанность. Разрешите представиться — Лориан.

— Очень приятно. А я... ээ... Леризэла.

Я улыбнулась ему в ответ, радуясь, что так быстро придумала созвучный эквивалент своего имени, но он, похоже, принял это «художество» за чистую монету. И снова учтиво поклонился, прижав руку к сердцу.

— Э... Лориан, я безмерно рада, что встретила с вами. Боюсь, мне и в самом деле необходима помощь.

— Всё, что угодно, о прекраснейшая!

(Ой, да ладно, зачем уж так неприкрыто льстить! Хотя взгляд у него и в самом деле какой-то такой... Восхищённый... Блин, приятно!)

— Я заблудилась и совершенно не представляю, в какую сторону идти, чтобы выбраться из леса хоть к какому-то жилью...

— Я с радостью провожу вас куда изволите, это честь для меня!

— А сами вы откуда?

Он слегка замялся, недоверчиво глядя на меня.

— Из столицы. Я там живу.

«В Москве, что ли?» — чуть не ляпнула я, но благоразумно решила промолчать. Неважно, в любой столице уж наверняка найдётся телефон, чтобы позвонить домой. Родители наверняка с ума сходят... если это опять-таки не сон. Затяжной, дурацкий, но благодаря внезапному воплощению моего любимого «принца» такой волнительный!

— Столица меня прекрасно устроит. Если только я вас не затрудню...

Лориан горячо запротестовал, а потом, в очередной раз извинившись, повторил вопрос о том, кто же я такая и что делаю в лесу совсем одна. И тут я удачно вспомнила пару фильмов и, старательно хлопая ресницами, поведала о своей амнезии. Точнее, заявила, что «очнулась уже тут, и ничего, ну ничегошеньки о себе не помню, кроме имени. Ни семью, ни где жила раньше — совсем ничего... Это так ужасно!»

К моему огромному удивлению, Лориан слопал эту полнейшую чушь как миленький. Вместо одобрительного хихиканья и заявлений типа «ну ты гонишь!», он предпочёл остаться в

«образе» благородного рыцаря. Выразил мне искреннее сочувствие и галантно протянул руку, чтобы «проводить к стоянке». Мне ничего не оставалось, как принять её и последовать со своим спасителем в неизвестном направлении. Я доверилась ему — потому что у меня не было другого выхода. И — потому, что мне очень этого хотелось.

Примерно через полчаса неспешной ходьбы («вы не устали? осторожно, впереди низкие ветки! позвольте вам помочь...») лес, наконец, поредел, и мы со спутником вышли на обширную поляну. Собаки давно убежали вперёд и теперь радостно приветствовали хозяина вместе с небольшой компанией людей и лошадей. Ура, не обманул...

Пока я с беспокойством искала на поляне следы присутствия хоть какой-нибудь машины — не ехать же в город верхом, в самом деле! — вперёд выступил пожилой мужчина. Подошёл, поклонился сначала Лориану, потом — отдельно — мне.

— Ваше высочество, охота была удачной? Прикажете седлать?

У меня медленно отвисла челюсть. Лориан это заметил и хмуро потёр лоб, пытаясь скрыть досаду.

— Седлай.

Я не совсем представляла, что следует сказать, и не является ли эта сценка розыгрышем. Какое, нафиг, высочество?? В наше время их днём с огнём не найдёшь, тем более русскоязычных. Хотя... Ведёт он себя просто канонически, одет куда богаче товарищей, печатка вон какая гигантская на пальце. Схваченные тонким обручем светло-русые волосы романтично падают на плечи — в точности как на моём рисунке. А там был именно «принц». И что же из этого следует... Моя глупая девичья мечта воплотилась наяву?!

Видя моё волнение, Лориан помрачнел ещё больше и осторожно коснулся моей руки.

— Простите меня... Простите, прекрасная Лериэла, что не сказал вам сразу. Я не посмел...

— Это... было ваше право.

— Не сердитесь на меня, прошу! Я не хотел, чтобы между нами сразу встал мой нелепый титул и заставил нас обоих чувствовать себя неловко. Я так обрадовался, что вы не поняли, кто я, и совершенно забыл, что всё так скоро откроется. Скажите, что прощаете меня, молю вас!

— Мне нечего прощать... ваше высочество.

— О, будьте милосердны! Называйте меня просто по имени!

— Но...

Он медленно наклонился и поцеловал мою руку.

— Пожалуйста.

— Хорошо... Лориан.

Он просиял и чуть не кинулся меня обнимать, я же была порядком смущена и озадачена.

— Далеко ли отсюда до столицы?

— Нет, всего каких-то пара часов.

— На... кхе-кхе... лошадях?

— Да вы не переживайте, — улынулся принц. — Мы всегда берём в собой запасную. Ах да, на ней же мужское седло!

Я хотела сказать, что хоть мужское, хоть женское, а я в любом случае пойду пешком, чтобы ненароком не сломать себе шею — я сроду не садилась на лошадь и вообще-то не собиралась восполнять этот пробел. Но, с другой стороны, машины у них тут действительно нет...

— У меня довольно просторное седло, если хотите, можем поехать вместе, я вас поддержу, — предложил Лориан.

Я скрепя сердце согласилась, и он вздохнул с явным облегчением.

Послав кого-то из (видимо) слуг вперёд, кого-то — в лес, искать обронённое где-то (у колючих кустов) оружие, принц подвёл меня к высоченному светлому жеребцу. Я с ужасом подумала, где же мой подъёмный кран, но умное животное, повинувшись жесту, по-верблюжьки опустилось на колени.

Лориан аккуратно посадил меня в седло, сел сам и одной рукой подцепил поводья, а другой крепко обнял за талию, не забыв, впрочем, извиниться. А потом жеребец без видимых усилий резво встал на ноги. Мне же оставалось подавить желание завопить от страха и на всякий случай зажмуриться. И мы поехали.

Я думала, что уже через пять минут намертво отобью себе пятую точку или сползу с этой высоченной животины в какую-нибудь гостеприимную лужу, но, как ни странно, мой дебют оказался вполне удачным. Лориан держал меня крепко, ехал размеренно, да ещё пару раз останавливался, чтобы дать мне время отдохнуть. Он вёл себя по-джентльменски безупречно — руки втихаря не распускал, не болтал без перерыва и терпеливо отвечал на мои вопросы из разряда «а что это за дерево такое» или «как называется воон та деревня справа».

А потом околородный пейзаж неуловимо перетёк в городское предместье, и, наконец, моему ошалелому взору предстала и сама обещанная «столица». Она раскинулась на двух берегах широкой извилистой реки и явно намекала на то, что находится как минимум в Европе. А как максимум — вообще непонятно где. Ибо эту роскошную перспективу — с бесчисленными милыми домиками под разноцветными черепичными крышами, изящными особняками в окружении собственных парков, площадями с фонтанами и огромным даже издали уличным базаром — не нарушала ни одна современная высотка. Ни единая. Кроме разве что нескольких блестящих на солнце шпилей — они выглядывали из-за могучих деревьев в самой высокой точке города.

— Вы ведь не были здесь раньше, правда? — Лориан не мог видеть моего лица, но словно почувствовал моё невольное восхищение. — Как вам наша Кальберра?

— Вау! То есть... Очень, очень красивая!

— Спасибо.

— А где живёте вы?

Он небрежно показал рукой на шпили.

— Королевский замок. Ему больше трёх веков, но он в прекрасном состоянии и считается признанным архитектурным шедевром.

— Как интересно.

— Послушайте, Лериэла, если вас не обидит моё предложение... Ээ... Не согласитесь ли вы посетить наш замок? Мама будет очень рада.

— Да?

Упс, если честно, я и надеялась, что он пригласит меня (идти-то всё равно некуда, а будет приставать, выкручусь как-нибудь...) — но совершенно забыла о том, что Лориан может жить не один. Мама... Вот уж кто будет действительно «рад» меня видеть! Привёз сыночек из леса какую-то оборванку с амнезией — какое счастье! А если учесть, что мама — королева?! Ой, ма-а-маа!

— Лериэла? Почему вы молчите?

(Думаю, что мне ещё делать?? И — куда деваться?)

— Боюсь, такой неожиданный визит будет для вас обременительным и неуместным.

— Как раз наоборот! Мама очень любит гостей, а новый человек — это для неё вообще праздник!

— Но я же ничего о себе не знаю, как я могу...

— Прошу вас, — выдохнул принц мне в волосы. — Я очень прошу вас... Если вас смущает только лишь отсутствие статуса — точнее, его неопределённость, будьте просто моей личной гостьей. Это вас ни к чему не обяжет, — тут же добавил он.

И я, как ни странно, поверила, что так оно и есть. Даже несмотря на то, что я (кажется) ему (чем только?) понравилась. Ну что ж, замок — значит, замок!

— Я согласна.

Юноша на радостях дал коню шпоры, и мы помчались. К концу этой недолгой вдохновенной скачки цвет моего лица, наверное, мог составить конкуренцию молодой травке на встречных газонах.

Соскочив на землю, Лориан принял меня в свои объятия. Я бы с удовольствием в них задержалась — затёкшие ноги немилосердно гудели — но из опасений испортить свою (и его?) репутацию вынуждена была стиснуть зубы и куда-то пойти. Если принц ожидал сейчас громких восторгов по поводу той громадины, куда мы приехали, то его ждало жестокое разочарование. Мне пока было не до красот, хотелось тупо лечь, и чтобы на какое-то время меня оставили в покое.

Похоже, Лориан догадался о моём состоянии и сразу же вызвался проводить в гостевые покои, чтобы я отдохнула с дороги (счастье есть!!).

Мы поднялись по широкой бесконечной лестнице и повернули направо, но тут раздалось радостное «сынок!», и я чуть не выругалась вслух. Счастья — нету... Есть — мама.

Лориан обернулся и приветливо помахал рукой приближающейся женщине. Я невольно

сморгнула. Что за ерунда? Она не может быть ему матерью. Разве только старшей сестрой...

Я сообразила, что невежливо пялюсь на неё и молчу, и торопливо присела в реверансе. Надеюсь, это уместно...

Когда я снова подняла глаза на королеву, она улыбалась вполне дружелюбно.

— Лориан, милый, познакомь меня со своей спутницей! Где ты нашёл такую прелестную девушку?

Я почувствовала, что краснею. Ну-ну, «прелестную»... За это время мне не встретилось ни одного зеркала, и, наверное, это к лучшему. Растрёпанная, в мятом платье и с исцарапанными руками — такая гостя просто обязана вызвать умиление у монаршей особы.

— Мама, познакомься, это Лериэла. Мы случайно встретились в лесу, и я пригласил её погостить у нас.

Я бы на её месте, наверное, сказала грозное «хмм» и втихаря показала сыночку кулак, но королева продолжала улыбаться как ни в чём не бывало.

— Замечательно! Вы не можете себе представить, как я рада! Надеюсь, вам у нас понравится.

— Благодарю, ваше величество, — проямлила я.

— О, бедное дитя, да вы же едва держитесь на ногах! Лориан, не буду больше вас задерживать, покажи госте её комнаты и позови кого-нибудь помочь. Встретимся за ужином.

— Спасибо...

Я доползла до указанной принцем комнаты, рухнула на первый попавшийся диванчик и со стоном взгромоздила ноги на подлокотник. Да, старушка, что-то ты не в форме!

Через пару минут в дверь тихонько постучали, и я нехотя приняла более приличную позу. Вошедшая девушка робко поинтересовалась, что госпоже нужно. Я на всякий случай оглянулась, но, похоже, этим словом наградили именно меня. Поскольку я продолжала молчать, она предположила стандартное «помыться и переодеться» и, получив кивок, убежала исполнять.

Я обозвала себя «классовым эксплуататором» и на этом с муками совести решила закончить: оба предложения были сейчас как нельзя кстати. А если меня потом и накормят — совсем красота!

Разматывая надоевшую накидку, я задела скреплявшую косу заколку, и она упала на пол. Я резко нагнулась — и расплетённые волосы мощным каскадом заструились вдоль тела до самого пола. Что за ерунда?!

Я метнулась к замеченному в углу большому зеркалу и остановилась как вкопанная. А потом медленно сползла на пол.

Из зеркала на меня офанарело пялилась каноническая «принцесса», одна из тех, что пачками оживали на моих картинках. «Оживали»... Ну и каламбур!

Я машинально заправила за ухо длинную золотистую прядь, девушка в зеркале сделала то же самое. Я нервно сглотнула и продолжила изучение собственного, но доведённого до

совершенства лица. Зеленоватые глаза стали ярко-зелёными и огромными, почти как в японских мультиках, к тому же были увенчаны длинными тёмными ресницами. Я потёрла их рукой — так и есть, никакой туши. Несмотря на трудный день, кожа казалась ровной, без единого недостатка, на щеках нежный румянец, губы красивой формы цвета розовой розы — словом, полный набор классической «неземной красоты». Так вот почему Лориан впал от меня в полный ступор! Здесь, судя по всему, ценится такая «нарисованная» внешность. Если учесть, что он и сам, собственно, был живым воплощением сентиментальной девичьей мечты, то кто же в таком случае я?

От сумбурных размышлений меня отвлекло вежливое покашливание. Я встала и послушно поплелась за приставленной ко мне девушкой — кажется, Риной — в соседнюю комнату, мыться.

Ванна с какими-то душистыми травами и вправду была превосходна, и я мало-помалу расслабилась. Мне дали чистое светлое платье, длинное и, несмотря на непривычный покрой, довольно удобное. Я села у окна — посушить волосы на ветерке. Поскольку они теперь «отрасли» ниже пояса и стали гуще раза в два, я опасалась, что мне вполне светит пропустить ужин.

Рина подала мою заколку, про которую я уже и думать забыла.

— Такая красивая вещь, госпожа. И у самой королевы такой не найдётся...

— Да это обыкновенная бижутерия, — отмахнулась я. — И называй меня, пожалуйста, просто по имени — Лериэла, договорились?

— Да, госпожа Лериэла...

Я со вздохом возвела глаза к потолку. Субординация, блин... Да я сама неизвестно кто такая, а со мной носятся, как с принцессой!

Рина на время оставила меня в одиночестве, которое я употребила для дальнейших размышлений. Ещё и заколка эта... тоже мне ценность! Красивая, конечно, со стразами и перламутром, любимая подружка подарила, но не золотая же. Вот кольцо бабушкино и вправду дорогое, старинное, с большим жёлтым топазом в изящной оплётке — кстати, надо его снова надеть, пока тоже где-нибудь не забыла...

Так, стоп. Интересно как-то получается — я оказалась здесь не совсем в своей «шкуре», в совершенно другой одежде (даже бельё, хе-хе, было отнюдь не современное), а эти две вещи принадлежали именно мне — Валерии Олеговне Казаковой из Питера. Я их очень любила, но под подушку к рисунку со «своим» принцем точно не пихала. И тем не менее вот они, тут... Что это значит?!

Думать и страдать можно было хоть до посинения, а вот додуматься до чего-то путного, особенно на голодный желудок — увы.

Когда через некоторое время в комнату снова заглянула Рина и сообщила, что меня ждут к ужину, я вдруг осознала, что волосы уже полностью высохли. Но ведь прошло точно не больше часа! Решив удивиться этому позже, я несколько раз провела гребнем по волосам и еле-еле скрепила их у шеи заколкой. На что-то более изысканное просто не было времени, но не идти же к королевскому столу лахудрой! По бесхитростно-восхищённому взгляду девушки я поняла, что выгляжу более-менее пристойно, и не стала больше тратить времени на сборы.

Рина повела меня по широкому коридору, вниз по лестнице (вроде той же самой) до гостеприимно распахнутых дверей. За ними и находилась столовая, судя по размерам, не парадная, и потому очень уютная. За овальным столом в центре сидело всего несколько человек. Один из них, Лориан, сразу же вскочил, чуть не опрокинув стул, и лично проводил меня к месту рядом с собой. После взаимных расшаркиваний королева (до чего всё-таки приятная женщина!) предложила мне чувствовать себя как дома и представила остальных присутствующих. Ими оказались пара министров, длинноносый старичок — главный духовный чин с совершенно непроизносимым именем, и красивая молодая девушка, приёмная дочь королевы. Эта последняя так и впилась в меня глазами, и я тут же поняла, что лично она мне совсем не рада. Неудивительно...

Король отсутствовал как класс, из чего я сделала вывод, что верховная власть принадлежит именно матери Лориана. Интересно, а он сам ещё считается «маленьким» для трона? Сколько ему лет — двадцать два, двадцать пять? Притом, что её величество выглядит максимум на тридцать с хвостиком...

Ужин оказался под стать ожиданиям, застольный этикет не сильно замысловатым, а общество (главным образом благодаря величеству с высочеством) милым и вполне демократичным. Через какое-то время я уже чувствовала себя свободно и раскованно, как на собственной кухне, но предпочла пока больше спрашивать, чем отвечать. Благодаря «легенде» с амнезией к моим вопросам отнеслись очень снисходительно и не крутили пальцем у виска.

Так, я, наконец, узнала, что оказалась в «большом и сильном» государстве Оберон, правит которым королева Лориана (да, конечно, это супруг настоял назвать сына в честь матери...) Сам король, к сожалению, вот уже семь лет как покойный, был исключительным монархом и человеком, все его любили. И подданные, и соседние правители, с которыми у них до сих пор прекрасные отношения, и, конечно, сама королева. После его внезапной и нелепой гибели (на охоте на него неожиданно бросился огромный вепрь), Лориана торжественно поклялась больше не выходить замуж, и, не смотря на до сих пор поступающие предложения, слово своё держит. Она готова передать престол единственному сыну в любой момент, но Лориан пока не очень рвётся в короли. Мать благосклонно даёт ему возможность «погулять» и не торопит. Пусть сначала хотя бы женится...

При этом королева как бы невзначай посмотрела на меня. А я — на её приёмную дочь. Выражение лица Иллары подтвердило моё интуитивное предположение о её чувствах к принцу, и я мысленно пообещала себе держать с ней ухо остро. Неизвестно, что способна устроить ревнивая девица своей предполагаемой сопернице...

Выйдя из-за стола, мы перешли в маленькую гостиную и устроились в креслах, попивая вкусный, похожий на кофе, напиток. После ухода религиозного старичка разговор ещё больше оживился. Речь зашла и обо мне — все присутствующие (за исключением промолчавшей Иллары) были почему-то уверены в моём высоком или даже очень высоком происхождении. На мой вопрос, почему, последовали разнообразные комплименты и доводы в виде соответствующих манер (ну-ну), несомненном уме (ээ...) и, как ни странно, «сокровищ» в виде кольца и, особенно, заколки. К золоту тут давно привыкли, а вот непонятный материал и хитрый принцип действия моего аксессуара явно не оставил королеву равнодушной. Я про себя тут же решила при случае подарить ей заколку в благодарность за гостеприимство...

За разговорами окончательно стемнело, и было решено расходиться на отдых. Интересно, сколько сейчас времени? Пока я ни в одной комнате не заметила часов. Вот, согласно поговорке, счастливые люди! Только мне будет поначалу трудновато, но ничего, потом привыкну. Если только не придумаю способ вернуться домой. Конечно, здесь воистину райское

место, замечательные люди и даже прекрасный принц имеется — но дом есть дом. И жить я хочу именно там. Даже с прежней внешностью.

Я проснулась рано утром, но чувствовала себя отлично отдохнувшей. Мои окна выходили в сад, я села на подоконник и причесалась, любуясь непривычными цветами и наслаждаясь птичьими песнями. Опережая моё желание, на пороге возникла Рина с новым платьем, помогла одеться и посоветовала до завтрака сходить погулять. Я с удовольствием согласилась и вскоре уже расхаживала среди старых деревьев пустынного в этот час королевского парка. Потом присела на скамейку у пруда с цветущими лилиями и ажурным горбатым мостиком. И неожиданно для себя запела.

Песня о тоске по «родимой сторонуще» была излишне печальной, но в целом идейно правильной. Дома я никогда не могла её толком вытянуть, поэтому напевала только под душем, а здесь это оказалось совсем нетрудно. Едва закончив, я обернулась за шорох за спиной — и увидела Лориана.

Он казался несколько бледным и явно нервничал, но начал с того, что вежливо пожелал доброго утра и осведомился, не помешал ли он моему уединению. Я поспешила уверить, что нисколько.

— Вы плохо спали, Лориан? — рискнула спросить я, когда принц присел рядом. — У вас усталый вид... Что-то случилось?

— Нет, — он опустил глаза. — То есть да...

— Я могу помочь?

— Можете. Если только... Если только согласитесь стать моей женой.

Повисла длинная пауза, во время которой я ошарашенно хлопала глазами, а бедный Лориан попеременно краснел и бледнел.

— Это... так... неожиданно... — наконец, проямлила я.

— Я знаю. Но я не могу больше молчать. Я всю ночь пытался придумать слова объяснения, чтобы вы поверили, как сильно я люблю вас, но сейчас у меня в голове всё смешалось... Вы обиделись?

— Нет, но...

— Но?

— Вы знаете меня один неполный день, за это время...

— Лериэла, поверьте, чтобы полюбить, достаточно всего лишь мига, а чтобы узнать друг друга — и всей жизни может быть мало. Знаю, что я слишком тороплю события, знаю, что моё поведение может показаться вам недопустимым... Простите меня... Но я просто не мог иначе. Я не умею притворяться. Как мне хочется, чтобы вы прямо сейчас сказали мне «да»! Но я не смею мечтать об этом... Я буду ждать ваш ответ, сколько понадобится, хоть всю жизнь. И я верю, что однажды дождусь его, прекрасная, любимая моя Лериэла...

Он взял мою руку и осыпал её горячими поцелуями, а потом, опомнившись, бросился прочь.

А я осталась медленно приходить в себя. Ой, мамочки, что творится-то!!

Долго «скучать» мне не дали: притащился пожилой слуга с сообщением, что меня ждут на завтрак. Толкового предлога для отказа я придумать не успела, пришлось последовать за «конвоиром». Однако выяснилось, что я зря нервничала, боясь так скоро встретиться с Лорианом — его в столовой не оказалось, отсутствовала также и Иллара.

Завтракали мы практически вдвоём с королевой, которая была в превосходном настроении и весёлым разговором отвлекла меня от моих беспокойных мыслей.

После завтрака Лориана попросила составить ей ненадолго компанию и привела в крошечную гостиную рядом со своим кабинетом. Не успела я присесть, как была застигнута врасплох вопросом:

— Ну, и что ты ему ответишь?

Я в панике уставилась на потенциальную свекровь.

— П-простите?

— Да не волнуйся ты так, девочка, — добродушно хихикнула она. — Мне вовсе не надо подслушивать и подглядывать за собственным сыном, у него же всё на лице написано! Он так на тебя смотрит, что даже самый распоследний слуга всё понял. А уж если Лориан не был на завтраке — разве он упустил бы случай с тобой увидеться? — значит, объяснение уже состоялось. Я права?

Я только кивнула.

— Послушай, Лериэла, я хочу, чтобы ты не чувствовала себя обязанной нам. Ты попала в непростую ситуацию и, насколько я поняла, не очень представляешь, как жить дальше и чем заниматься. А тут тебе предлагают готовую судьбу самой высокой пробы. Разум не может не польститься на неё. А вот сердце... Что оно говорит тебе? Я, как любая мать, хочу счастья своему сыну. И я поклялась принять любой его выбор. Ты — говорю это совершенно искренне — кажешься мне достойной девушкой. Поэтому я прошу тебя, Лериэла, очень прошу — соглашайся, но только если Лориан тебе действительно небезразличен. А я в любом случае гарантирую тебе своё покровительство и позабочусь о том, чтобы ты хорошо устроилась.

После таких слов мне стало немного полегче. Вот это женщина! По части великодушия ей просто нет равных...

— Спасибо вам, ваше величество, за доброту и доверие, я обещаю, что не обману его. Буду откровенна — Лориан мне очень нравится. Он такой замечательный, заботливый, благородный! Мне кажется, в королевстве нет ни одной девушки, которая не мечтала бы оказаться на моём месте... И мне, конечно, были очень приятны его слова. Но для меня всё произошло слишком быстро. Я мучительно пыталась вспомнить, понять, кто я на самом деле, и признание Лориана застало меня врасплох. Наверное, мне просто нужно немного времени, чтобы осознать всё это, привыкнуть... Я бы хотела узнать поближе его... и вас. Вы, наверное, хотели бы того же в отношении меня.

— Ты совершенно права, моя дорогая, — с одобрением отозвалась королева. — Ты, конечно, имеешь право всё тщательно обдумать. У Лориана случилась любовь с первого взгляда — так же, как когда-то было с его отцом. Спустя несколько минут после знакомства Деймар сделал предложение никому не известной дочери низкого чина, выслушал закономерный испуганный

отказ, но не смирился. Переругался со всей семьёй, отказался от трона и добился-таки согласия от любимой девушки. Родители вскоре простили его и приняли его жену. Теперь, говорят, она вполне неплохо управляет государством... Значит, в случае чего и ты справишься.

Я была потрясена её рассказом, он многое мне объяснил.

Простившись с королевой, я вернулась в сад. Солнце стояло уже высоко; я устроилась в беседке в тени красивого дерева и снова занялась самокопанием.

Ситуация, в которую я попала, больше всего напоминала счастливый сон романтической девочки-подростка. Превратиться в красавицу, окружить прекрасного принца... И мудрая доброжелательная свекровь тоже очень кстати — будет помогать в управлении государством и радостно возиться с внуками... А-а-а! С какими внуками?! Я домой хочу!!!

...Ну да, хотя, хоть до посинения. Если предположить — давай смотреть правде в глаза — что ты навсегда останешься в этой непонятной «сказке», что будет для тебя лучшим? Устроиться на работу — какой-нибудь официанткой или уборщицей (о незаконченном историческом образовании тут явно придётся умолчать) или выйти замуж за влюблённого принца, свою тайную мечту?

Я разразилась смехом — несколько нервным, а когда успокоилась, узрела перед собой её высочество Иллара в полной боевой готовности: губы брезгливо поджаты, холодные синие глаза готовы испепелить меня на месте...

Как ни странно, её угрожающий вид произвёл на меня обратное впечатление. До этого мне казалось, что как-то слишком всё хорошо складывается, а теперь, наконец-то, сказка начала приобретать реальные житейские черты.

— Если всё время щуриться, морщины раньше появятся, — брякнула я.

Иллара чуть не зашипела, но сдержалась и села на скамейку напротив, выразительно скрестив руки на груди.

Я позволила себе сочувственную улыбку, чем привела девушку в бешенство.

— Ты ещё смеешь смеяться?! Глупая никчемная оборванка! Ведьма лесная! Думаешь, всех обманула, дрянь, втёрлась в доверие, заставила плясать под свою дудку?! И не надейся, что твой чёрный замысел осуществится, я выведу тебя на чистую воду, уничтожу!! Он никогда тебе не достанется, он будет только моим, клянусь! А ты, ты...

— Простите, — жалобно перебила я. — Ваше высочество, я не понимаю, о чём вы говорите... Кто мне не достанется — обед? Но я уже хочу есть, почему я не смогу пойти обедать?!

Иллара осеклась и вытаращилась на меня безумными глазами.

— Ты... издеваешься, мерзавка?! Да я сейчас тебе все твои космы повыдергаю!!

Она рванулась ко мне с явным намерением исполнить свою угрозу. Прореживание волос в мои планы не входило, поэтому я проворно вскочила на скамейку и, перепрыгнув низкий бортик, кинулась по тропинке прочь, на ходу давась от смеха.

Иллара пыхла за спиной всё ближе — конечно, ей-то привычнее бегать в таком длинном платье... Я уже начала опасаться за свой благоприобретённый «товарный» вид, но тут

дорожка, сделав крутой поворот, привела меня прямо в объятия моего (то есть почти моего) принца. Как он кстати!

Я живенько спряталась за его широкой спиной, и тут же на нас налетела не успевшая затормозить Иллара.

— Ой, девушки, что у вас за игры на такой жаре?

Я высунулась из-за его плеча и нагло показала сопернице язык.

— Лориан, спросите, пожалуйста, свою сестру, почему она так странно себя ведёт, что я ей сделала? Сначала оскорбила, потом погналась, сказала, что все волосы повыдергае-ет...

Я невзначай хлюпнула носом, и принц машинально сжал кулаки.

— Иллара, я не понимаю. Объяснись.

— Я ничего не буду говорить в присутствии этой двуличной змеи! Пойдём, поговорим наедине!

Видимая мне часть его щеки побелела от гнева.

— Как... ты посмела её назвать?? Иллара, ты... как ты можешь?! Говорить так про эту девушку, нашу гостью, этого ангела...

Я подумала, что последний эпитет явно чересчур, но на всякий случай состроила моську поскромнее.

— Я её не звала! — не выдержала Иллара. — Пусть убирается в свой лес, колдунья! Я скажу маме...

— Я сам тебе сейчас всё скажу! — возвысил голос принц. — Простите нас, пожалуйста, Лериэла...

Он схватил названую сестрёнку за локоть и потащил в сторону замка. Её явно не ожидало ничего хорошего...

Я добралась до очередной скамейки и просидела на ней до самого обеда, точнее, до очередного слуги, которого послали меня разыскивать. Настроение у меня было так себе.

Первый раунд завершился моей безоговорочной победой, но будущее рисовало менее радужные перспективы. Если Иллара так бешено любит своего «брата», то наверняка не успокоится, будет делать мне исподтишка гадости, а то и отравит при случае. А я жить хочу.

Да и жалко её, если честно... По крови она Лориану не родня, может, влюблена в него с колыбели и всю готовилась к решительному штурму «крепости», а тут вдруг нарисовалась подозрительная девица, от которой все без ума. Я бы на её месте тоже психанула не по-детски... Будь это какой-нибудь другой принц, а не мой тайком несколько раз целованный «бумажный» лапочка, я бы, возможно, и уступила его ей. А так — нет уж, пусть сама ищет себе новую «жертву», а я на этого согласна. Вот выйду за него замуж... Блиин, даже родителей на свадьбу не позвать!..

Ела я практически одна — похоже, в это время в королевской семье ещё продолжались разборки. Из-за меня... Вообще-то я девушка совестливая, мне было порядком стыдно за свою несдержанность и, как следствие, унижение гордячки принцессы. Вот что теперь делать?

Может, пойти и извиниться перед всеми сразу? Или прихватить свою заколку и потихоньку смыться, пока они тут все не перессорились? Ой, нет, я же собиралась подарить заколку королеве... Тогда можно и в свою комнату не заходить, а просто сейчас встать и уйти.

Я решительно отставила почти нетронутую тарелку и направилась к выходу, гордая своим благородным порывом. Никто меня не останавливал. Я пересекла широкий двор и миновала въездные ворота, за которыми начинался город. Стражники озадаченно уставились на меня, но заговорить и тем более задержать не пытались.

И тут позади послышался дробный лошадиный топот. Я заставила себя не оглядываться и ускорила шаги.

— Лериэла!!

Растрёпанный юноша преградил мне дорогу и так резко осадил коня, что тот взвился на дыбы. Я испугалась, что он сейчас упадёт и расшибётся о булыжник, но Лориан отбросил поводья и легко соскочил на землю. Подбежал ко мне, обжёг отчаянным взглядом и, не сдержавшись, обнял за плечи.

— Лериэла... Зачем?

Я против воли опустила глаза.

— Прости. Но так будет лучше. Я не хочу стать причиной раздора в вашей семье. Пожалуйста, дай мне уйти.

Он медленно опустился на колени, прямо в пыль.

— Нет... Я не смогу жить без тебя...

Я ласково коснулась его волос.

— Ты сможешь. Лориан...

Его плечи задрожали, и я осеклась на полуслове. Позабыв про платье, присела рядом с ним и прижала к груди мокрое от слёз лицо. Бедный мой любимый мальчик! Никуда я от тебя не уйду...

Вот так и случилось, что я осталась в королевском замке. Через три недели была назначена свадьба. Вообще-то для подготовки такого события требовалось на порядок больше времени, но Лориан смущённо признался, что не может ждать так долго. Его мама, как обычно, пошла навстречу желанию сына, и тут же развила бурную деятельность: подписывала многочисленные приглашения, руководила дворцовыми «дизайнерами» и поварами, попутно приставила ко мне учителей — танцев, местных светских манер (не в обиду, на всякий случай...) и истории Оберона. Так что я вместо бестолкового «путанья под ногами» тоже была занята делом. Уроки вызывали у меня живой интерес, чего нельзя было сказать об утомительных примерках свадебного платья, когда приходилось по несколько часов стоять неподвижно посреди мельтешащих модисток.

Иллара со мной не разговаривала, за исключением принудительного «здратье — до свидания». Королева держалась с ней как обычно, а вот Лориан стал явно избегать, что не добавило бедной девушке счастья. Один раз я решила поговорить с ней, попробовать наладить отношения, извиниться, что ли — но была встречена в штыки и больше попыток не

возобновляла.

Как-то вечером, зайдя перед ужином в свою комнату, я увидела на столе вазу с цветком необычайной красоты. Махровый, тёмно-красный, размером чуть больше ладони, он источал приятный терпкий аромат. Наверняка это подарок Лориана...

Я развернула незамеченный сразу листок бумаги и убедилась, что моё предположение верно.

«Любимая, — писал он. — Гиара — самый редкий и прекрасный цветок нашего королевства, но он неизменно померкнет рядом с твоей дивной красотой. И всё же мне будет приятно, если он тебе понравится. Может, ты даже захочешь приколоть его к платью или заплести в волосы, и все ещё раз поразятся, насколько ты безупречна...»

Я хихикнула, потом вздохнула. Пресловутая «безупречность», как ни странно, начала меня потихоньку раздражать. Дома хоть было чем заняться — то ноготь сломается, то голова грязная, то — ужас! — прыщик аккурат перед свиданием вскочит... Наведение красоты требовало времени и некоторых усилий, а тут моя «принцессовость» казалась словно нарисованной, причём раз и навсегда. С утра в лицо водичкой побрызгать, волосы кое-как причесать, если Рина не успеет отобрать гребень, каждый день новое платье натянуть — и готово, сиди себе посвистывай. А все вокруг смотрят и восхищаются... Когда я к этому привыкну?!

Я решила сделать Лориану приятное и в самом деле приткнуть цветок куда-нибудь в волосы. У меня и платье как раз красное, подойдёт...

Рину я уже полдня не видела, припрягли куда-то, так что я сама с удовольствием поковырялась в шпильках и нацелилась на гиару. И тут в дверь постучали — к моей досаде, это оказалась неутомимая помощница. С криком «госпожа, я сама!» она выхватила цветок из вазы и стала пристраивать в район левого уха.

— Рина, давай повыше, а? Ой, ты бы его хоть обрезала сначала, он же мокрый...

— Простите...

Я смахнула со щеки покотившуюся каплю и вдруг увидела, что это никакая не вода.

— Рина, это кровь! Ты поранилась?

Девушка ойкнула и рефлекторно сунула оцарапанный палец в рот.

— Ну и шипы у вашей гиары, прямо километровые! Тебе очень больно?

Она махнула рукой и виновато улыбнулась.

— Напугала я вас, госпожа Лериэла... Гиара цветёт редко, чуть ли не раз в десять лет, я и забыла про шипы. Хорошо, что я вовремя вернулась, а вот если бы вы поцарапались...

— Тоже никто бы не умер. Возьми чистый лоскуток, перевяжи...

— А причёска?

— Я, пожалуй, передумала носить такую шипастость близко от лица. Пусть стоит себе в вазе, а мы будем любоваться, хорошо?

— Конечно. А то вдруг она сползёт куда-нибудь в глаз...

Тут вошёл слуга с сообщением, что пора идти на ужин, и я выбросила этот эпизод из головы.

Сегодня накрыли в парадной столовой по случаю приезда иностранной делегации из соседнего королевства. Пока шёл разговор о политике, мы с Лорианом тихонько шептались о своём. Я на всякий случай извинилась, что явилась без гиары, и вдруг увидела на его лице откровенное непонимание.

— Подожди... Ты хочешь сказать, что кто-то прислал тебе гиару?

— И ещё записку... Разве не ты?

— Нет. А что было в записке?

— Что-что... Что может быть в любовной записке?

Лориан ревниво сощурился.

— Там была моя подпись?

— Нет, но у меня и мысли не могло возникнуть, что её писал кто-то другой. И, главное, зачем?

Мы как по команде подняли глаза — и если Лориан подозрительно разглядывал сидящих за столом мужчин, то я почему-то сразу посмотрела на Иллару. И тут же поймала её ответный напряжённый взгляд. Показалось, или она что-то знает? Если это её попытка заставить Лориана усомниться в моей верности, то она чрезвычайно глупа. А ведь «Ира» отнюдь не глупая девочка...

Тут дверь со стуком распахнулась, пропуская Рину. Девушка, не обращая внимания на предостерегающий жест дворецкого, отыскала меня глазами и, подбежав, рухнула на колени.

— Госпожа, простите меняя!

— Рина, всё хорошо, потом поговорим...

Под многочисленными удивлёнными взглядами я почувствовала себя неловко. Что могла натворить бедная девушка, чтобы так потерять голову? Не иначе взяла втихаря мою заколку и сломала её... Что ж, переживу!

Но Рина захлёбывалась слезами и ни в какую не желала вставать. Бормотала что-то про зависть, про то, что не всегда старательно делает свою работу, а два раза и вовсе проспала, какую-то чушь о своих родителях, и что она не хочет замуж за конюха Фикору... Тут сама королева не выдержала и подошла к нам, и Рина с энтузиазмом вцепилась ей в подол и, периодически стуча лбом об пол, продолжила каяться в своих нелепых грехах. Все, особенно иностранцы, были в шоке от такого представления и спрашивали соседей, является ли это местной традицией. Я опасалась, что Лориана в гневе влепит девушке хорошую королевскую затрещину и прикажет тут же выставить вон, но она вдруг махнула тому самому носатому дедуле — верховному идилю. Насколько я понимала, эта должность представляла собой нечто среднее между первосвященником и придворным колдуном (да уж, какая «сказка» без колдовства!)

Старичок ревно закосолапил к нам, подозрительно воззрившись на виновницу переполоха и,

кивнув королеве, положил скрещенные руки Рине на лоб. Она сразу же умолкла, а потом подняла голову и с изумлением огляделась.

— Как я здесь оказалась?!

— А ты не помнишь, милочка?

Рина помотала головой, одновременно приходя в ужас от всеобщего внимания к своей скромной персоне.

Верховный идиль заметил замотанный лоскутком палец.

— Ты поранилась? Когда?

— Совсем недавно, о шип гиары. Госпожа хотела сама её взять, но я не дала...

Старик перевёл взгляд на меня.

— Любопытно... Надо во всём разобраться.

— Тогда не будем откладывать? — я встала. — Может, пройдем в мою комнату? Я, кажется, начинаю кое-что понимать...

Он одобительно кивнул.

— Мы скоро вернемся и всё доложим вашему величеству. Думаю, повода для беспокойства нет, и всем лучше забыть этот маленький эпизод и продолжить ужин. Я настоятельно прошу вас остаться, — повторил идиль, персонально обращаясь к вскочившему было Лориану.

Он самолично помог Рине встать, подал мне руку и неторопливо направился к выходу. Я успела ободряюще улыбнуться жениху, и тут заметила, что место Иллары свободно. Как давно она ушла? А, значит, есть ли нам смысл спешить, или магическая улика уже покинула мою комнату?

Так и оказалось: дверь стоит нараспашку, на столе — ни цветка, ни письма. Иллара оказалась девушкой предусмотрительной. И быстрой. Я догадалась, в чём состоял её план: пропитать какой-то колдовской дрянью шипы, услатить на время прислугу и постараться устроить так, чтобы я сама взяла пресловутую гиару. И тогда — как раз во время ужина, да ещё при иностранцах — вещество начнёт действовать, и все тут же узнают обо мне, «ведьме», всю подноготную.

М-да, «весело» бы получилось... Положим, никакая я не ведьма, тут Ира просчиталась, но с учётом моей питерской биографии в этом можно было бы порядком усомниться. Не отягощённая приличиями простолюдинка «наколдовала» портрет принца и таким образом посмела «притянуть» его любовь — никто и не поверит, что нечаянно. Даже королева — она так трясётся над своим мальчиком... Что тогда меня ожидало — спешная ссылка или прилюдная казнь? Я ещё не разобралась, как в Обероне относятся к магии, и вообще, кроме верховного идила, не видела ни одного колдуна. Но раз есть «верховный» — значит, должны быть где-то экземпляры и помельче... С одним из них, видимо, и связалась принцесса.

Что же ещё она может мне устроить? То, что Иллара не собирается сдаваться, было теперь очевидно, но удастся ли мне выкрутиться в следующий раз? Или она просто подошлёт наёмных убийц? От таких мыслей становилось как-то совсем нерадостно...

Между тем бодрый дедуля тщательно осмотрел стол, задал несколько вопросов Рине и велел ей размотать палец.

— Угу, я так и знал.

Ранка и в самом деле несколько отличалась от обычной царапины — была густого фиолетового цвета. Девушка не на шутку перепугалась, но верховник успокоил её, пообещав, что завтра к утру всё пройдёт. На том он отпустил Рину и принялся за меня. Какие у госпожи предположения, какие подозрения?

«Госпожа» заколебалась. Прямых улик против Иллары у меня не было, а даже если б и были — откровенно наговаривать на королевскую дочь мне не хотелось. Я лишь сказала, что, похоже, укол отравленного шипа предназначался именно мне, но понятия не имею, кто и за что имеет на меня зуб. Заодно спросила, трудно ли в принципе достать подобные колдовские вещества или они в свободном ходу?

— Люблю сообразительных девушек, — улыбнулся идиль. — Ты права — такое зелье не встретишь в первой попавшейся лекарской лавке. Слишком оно сложное. И дорогое. Такие вещи могут изготовить только могущественные колдуны — вроде меня, но я этим, конечно же, не занимаюсь.

— А другие?

— Я подумаю над этим. Есть у меня пара способных учеников, есть где-то в глуши одинокая сбрендившая старушка-колдунья — вот и всё, собственно. Наша «профессия» очень редкая, должно совпасть множество факторов, чтобы в итоге получился грамотный колдун. В Обероне таких немного, в других государствах, насколько я знаю, ещё меньше. Разве только...

Он поневоле нахмурился, но тут же отрицательно мотнул бородой.

— Нет, ему вроде бы незачем...

— Кому?

— Неважно.

— Но я хочу знать, — решила настаивать я. — Если вдруг опять произойдёт что-то подобное, будет ли у меня шанс не поддастся колдовству? Ну, или хотя бы вылечиться?

Старик машинально покачал головой, на словах, впрочем, уверив, что мне нечего бояться — он теперь всегда будет настороже и не допустит повторения сегодняшнего инцидента. Да, конечно, потому что в следующий раз это будет что-нибудь новенькое!

— Схожу-ка я ещё кое-что проверю, а ты — возвращайся в столовую. Лориан наверняка волнуется.

— А я уже не хочу есть.

Я захлопнула дверь и тщательно заперла её на ключ.

Что-то моя «сказочка» перестаёт быть такой уж слащаво-предсказуемой и начинает действовать мне на нервы! Интересно, доживу я до собственной свадьбы? Ха-ха...

На следующий день королева позвала меня к себе для серьёзного разговора. Она выглядела

усталой и опечаленной.

Я недооценила прыткого дедулю — он был настоящим профессионалом и не зря занимал свой высокий пост. Ещё вечером ему удалось обнаружить местонахождение злосчастного цветка — Иллара, не долго думая, спрятала его в шкафу у своей камеристки и поскорее вернулась в столовую, пока её не хватились. Идиль доложил обо всём королеве, и сразу после ужина они устроили девушке допрос с пристрастием. Бедная принцесса не выдержала и «сломалась», признавшись не только в «покушении», но и причине своей ненависти ко мне.

Лориану это признание застало врасплох. Она и подумать не могла, что дочь, которую она давно привыкла считать своей кровиночкой, влюбится в собственного брата. Что теперь делать?!

Королева промаялась всю ночь и наутро приняла непростое решение. Она не скажет сыну о поступке Иллара и попросит меня также молчать об этом. Она не перестанет любить свою бедную маленькую дочку, но понимает, что ей со мной не ужиться, и потому даст согласие на её брак с одним из могущественных соседей. Это будет удачный политический союз, к тому же король Лангус — вполне симпатичный молодой человек и давно испытывает к красавице Илларе нежные чувства. Лориана уже объявила дочери свою волю и занялась спешным сбором её приданого. Дипломатическая делегация Лангуса планировала на днях отбыть восвояси, и королева намеревалась отправить принцессу с нею. Как восприняла эту новость сама Иллара, мне было неизвестно, но навряд ли с большой благодарностью.

До отъезда я так с ней и не увиделась. Когда счастливые послы во главе с подчёркнуто надменной Илларой покинули столицу, я вздохнула с облегчением.

Можно было без опасений готовиться к свадьбе, гулять по саду в обществе Лориана, а вечерами подолгу беседовать с королевой, наверняка грустившей от разлуки со своей «непутёвой малышкой». Я была вполне довольна жизнью, и лишь где-то в глубине души упорно шевелился крошечный неуловимый червячок тревоги. Правильно ли я поступаю, позволив себе «с концами» увязнуть в своей «сказке»? Может, после свадьбы я окончательно потеряю шанс вернуться домой? А когда пойдут дети? Ой, я пока не хочу никаких детей, но кому будет интересно моё мнение?!

Я осторожненько выпросила у верной Рины, через какое время после свадьбы обычно появляются дети. И получила удивительный ответ — по-разному, когда кто захочет. Как это — захочет? А так. Независимо от интенсивности исполнения супружеского долга, дети появляются только тогда, когда оба партнёра осознают, что готовы стать родителями. То есть через полгода после этого.

— Черед полгода? Точно не больше?

— Нет, практически с точностью до дня. Вы, главное, не волнуйтесь — моя старшая сестра говорит, что ребёнок рождается быстро-быстро, и чихнуть не успеешь...

— Упс... Ну, тогда хорошо, не буду волноваться... А...ээ... первая брачная ночь у вас как проходит?

— Ой, это вообще прелесть, вам понравится! Жених приводит невесту в отдельную комнату, где уже собрались его друзья или просто молодые красивые парни, и они...

— Ничего себе! И мне должно это понравиться??

Рина так и покати́лась со смеху.

— Что вы, госпожа! Они должны по-очереди исполнять в честь невесты хвалебные песни, и чья песня окажется лучшей, тому королева потом оплатит собственную свадьбу. Представляете, как они будут стараться, особенно если учесть, что и привирать не придётся, расписывая вашу неземную красоту!

Я скептически фыркнула, решив, что первую брачную ночь я бы предпочла провести в гораздо более узком коллективе. А ведь ещё придётся делать вид «королева в восхищении»!

Продолжив завуалированные вопросы, я узнала ещё много интересного. Так, не принято было интересоваться интимным прошлым жениха или невесты, никакого ритуала «вывешивания простыни» не было и в помине, поэтому можно было смело выдохнуть и перестать беспокоиться о своей случайной питерской «ошибке молодости». Больше всего меня убило, что о таком понятии, как «критические дни», тут и вовсе не слыхивали, женщины прекрасно поживали и рожали, невзирая на всяческие циклы. А я-то всё волновалась, не испорчу ли себе медовый месяц...

В общем, жизнь обещала быть «сказочно» приятной и необременительной.

Моё платье, наконец, было готово, и полученный результат меня настолько восхитил, что былые мучения показались совершенно оправданными. Королева подарила мне фамильную диадему, а я ей — свою заколку, и она радовалась, как девчонка. Мы с ней вообще отлично поладили, и я благодарила судьбу за такую золотую свекровь. В порыве откровенности Лориана даже призналась, что, несмотря на свою горячую любовь к покойному супругу и отказ от нового брака, она, как нестарая ещё женщина, не может вести монашеский образ жизни и принимает тайные ухаживания одного благородного рыцаря. Я, конечно, выразила ей своё полное одобрение: этот рыцарь, приятный мужчина, во время своих визитов во дворец так влюблённо смотрел на свою королеву, что даже я это заметила. Ну и правильно, нечего себя хоронить раньше времени, один раз живём!

В отличие от своей темпераментной матери, Лориан казался мне излишне застенчивым. Дальше обожающих взглядов и целования ручки дело у нас так и не дошло, хотя так хотелось! Накануне свадьбы я прямо заявила ему, что надо порепетировать первый супружеский поцелуй, так он чуть не отказался под предлогом, что это не обязательно. Это целоваться-то необязательно?! Я сделала вид, что ужасно рассердилась и обиделась, и тогда, наконец, стеснительный принц решился меня поцеловать. И сделал это неумело как первоклассник... Пришлось учить.

К концу «занятий» Лориан был краснее свёклы, но счастливый, как никогда в жизни. Ему, бедному, даже не пришло в голову ревниво поинтересоваться, кто же, в таком случае, научил меня... Эх, наив, наив!

И вот, наконец, настал день свадьбы.

Я стояла перед зеркалом, одетая и причёсанная, как полагается, и отчаянно грустила. Мама, папа, почему вы не со мной?! Если бы всё это происходило в Питере, если бы Лориан был просто моим любимым парнем, за которого я собралась замуж, хоть бы его и звали менее помпезно и был он простым студентом — как бы я была сейчас счастлива! И родители тоже, а, может, ещё больше. Рядом весело крутятся и хихикают подружки — Маринка, Поля, Света... Где они все, в какой реальности?! Ы-ы-ы...

Я с трудом сдержала слёзы и отвернулась. Скорей бы уж... Я готова сыграть свою роль достойно.

Огромный, празднично освещённый парадный зал. Мы с Лорианом идём, не касаясь друг друга, по широкой узорчатой дорожке, усыпанной цветами. Навстречу важно выступает верховный идиль — борода заплетена разноцветными ленточками, длинный белый балахон и тонкая трость со светящимся жёлтым шаром на конце. Где-то впереди растроганно улыбается королева... Старик доходит до специально выложенной цветами черты на ковре, мы останавливаемся у другой, нас разделяет чуть больше метра. Он весело скалится и панибратски подмигивает Лориану. Мне тоже становится смешно — вот тебе и важная церемония! Резкий взмах руки, и из конца трости сыплются во все стороны яркие золотые искры, сам зал словно погружается в туман. Лориан поворачивается ко мне, на его лице лёгкое недоумение... И тут верховный идиль хватает меня за руку — так сильно, что я вскрикиваю от боли, и в следующий миг окружающий мир стремительно мутнеет. Лёгкие обжигает волна ледяного холода, мне кажется, что я тону и никак не могу вынырнуть на воздух. Темнота, темнота...

Я открыла глаза и попыталась проанализировать свои ощущения. Жива? Вроде да. Голова на месте? Как будто, затылок явно прижимается к чему-то холодному. А, каменная стена... Стоп. Я с большим трудом встаю на ноги, опираясь на всё ту же стену. Где я? Тускло освещённая комната совершенно «подвального» вида не даёт ответа на этот вопрос. Что это за шутки, разве так должна проходить свадьба?!

Я кое-как откинула с лица длинную фату, но это не помогло — разглядеть что-либо по-прежнему трудно. Делаю осторожный шаг и спотыкаюсь о какую-то палку. Беру её в руки, ощупываю. У неё на конце чуть тёплый стеклянный шар...

— Да что же это такое, в конце концов?! — злость и возмущение на какой-то миг вытесняют страх. — Есть тут кто живой?? Отвечайте!!

— Ишь ты, как раскричалась, маленькая принцесса...

От этого насмешливого голоса я выпускаю палку, и она со стуком падает на каменный пол, шар почему-то остаётся целым. Я в ужасе смотрю на приближающуюся из дальнего угла тёмную фигуру. В слабом дрожащем свете она кажется огромной...

— Не подходи!!

— Иначе что? — издевательски спрашивает голос, а потом меня невежливо хватают за плечи и куда-то волокут. Я машинально вырываюсь и брыкаюсь, человек (человек ли?) нетерпеливо меня встряхивает, легко, как тряпичную куклу. С него станется мимоходом и голову оторвать, лишь бы не вопила... Пришлось на время затихнуть.

Я поднимаюсь по лестнице, едва касаясь её ногами, потом бесконечный тёмный коридор, поворот вправо, влево, опять вправо... или уже не соображаю куда... Массивная железная дверь... Внезапный яркий свет ослепил меня, я жмурюсь — и, наконец, понимаю, что меня отпустили, небрежно сгрузив в какое-то кресло. Набираюсь смелости и приоткрываю один глаз, потом второй.

Я нахожусь в просторной комнате со светлыми стенами и огромными, в полстены, полукруглыми окнами, выходящими в сад. У одного из них спиной ко мне стоит высокий плечистый мужчина в чёрном. Он кажется погружённым в мирное созерцание природы, но ведь это он, мой похититель. Больше некому.

— И что всё это значит? — я рада, что мой голос звучит почти спокойно.

Мужчина словно нехотя поворачивается, медленно подходит, отвешивает шутовской поклон. И смотрит, смотрит непроницаемо чёрными ледяными глазами. Я тоже смотрю на него.

Странное лицо. Бледная кожа рефлекторно наводит на мысль о вампирах, но их как будто нет в моей «сказке». Если только я сейчас не попала в чужую... Я судорожно выдохнула и провела языком по пересохшим губам. «Вампир» продолжает сверлить меня взглядом, и по моей спине ползут испуганные мурашки. Нет, это не может быть вампир — с таким хищным носом, да ещё и перебитым к тому же. Чёрные волосы, скреплённые чёрным же обручем, чёрная одежда... Чёрная душа. Колдун. Ворон.

Я, кажется, сказала последнее слово вслух, потому что он вздрогнул и наклонился к самому лицу.

— Что ты сказала?

— Ничего. Ассоциация...

Я не выдержала и отвернулась. От его тяжёлого, как могильная плита, взгляда стало трудно дышать.

— Как тебя зовут?

Я позволила себе удивиться.

— А ты сначала крадёшь, а потом интересуешься, то ли украл?

Я сама поразилась собственной дерзости и ожидала любой реакции, вплоть до хорошего тычка в ухо. Но он неожиданно рассмеялся низким, хриплым смехом. «Ну точно ворон каркает...»

— А ты смелая, принцесса! Люблю таких.

— Зато я не люблю таких, как ты! — отрезала я, с перепугу став агрессивной. Авось не съест! — Объясни, зачем тебе понадобилось портить мне свадьбу? Хочешь потребовать у королевы выкуп?

Я заметила, что «ворон» едва заметно изменился в лице.

— И сколько тебе надо?

— Это не твоё дело.

— Хам.

Колдун демонстративно отвернулся.

Пауза.

— Лериэла.

— Очень приятно.

— Взаимно, — в тон ему ответила я. — Особенно, если ты тоже соизволишь представиться.

Он помолчал.

— Моран.

— Ворон?

— Моран, — чуть не по слогам повторил он. — Ты молодая, а уже плохо слышишь?

— Нет, это просто... ассоциация. С одной птицей.

— Красивая птичка?

— Угу. Хищная, чёрная. И к тому же падальщик.

Моран в ответ так посмотрел, что я невольно съёжилась.

— Что тебе надо? Что ты собираешься со мной делать?

Он нарочно помедлил.

— Что делать — я ещё не решил. Подумаю на досуге... А насчёт первого вопроса — сдаётся мне, что после таких трудов мне надо как следует выспаться.

— А я?

— А ты посиди тут, так и быть. И тоже подумай.

— О том, как мне поскорее отсюда выбраться? С удовольствием!

Моран снисходительно усмехнулся — желаю удачи! — и неспеша направился к выходу.

— Постой! Скажи мне — это Иллара тебя наняла?

— Никто не может меня нанять, запомни это. Всё подчиняется только моему желанию. И все подчиняются. Всегда.

— А я не подчинюсь! — прошептала я в закрывшуюся дверь. — Лучше умру. Урод. Ворона...

Часа через два стало ясно, что колдун отнюдь не страдал легкомыслием, запирая меня в комнате на первом этаже. Радовавший глаз уголок сада на проверку оказался чем-то вроде иллюзии: касаешься вроде дерева, а на ощупь — каменная ограда без конца и края... Безмерно разочарованная, я, ругаясь и путаясь в платье, кое-как забралась обратно в комнату. На всякий случай посильнее подёрнула дверь, потом, наоборот, подтащила к ней тяжёлый дубовый столик. Сама понимала, что веду себя как дура, но надо же хоть что-то делать! Можно, конечно, полежать на кушетке и поплакать о своей так и не начавшейся семейной жизни, но это я всегда успею. Только жаль бедного Лориана, он, наверное, сейчас места себе не находит, жаль королеву, жаль невезучего верховного дедулю, обликом или волей которого воспользовался коварный колдун... Вероятно, он был в числе тех, кого идиль решил собственноручно проверить на причастность к иллариному шипу — и допустил ошибку, недооценив противника. Вот только почему он всё-таки решил похитить именно меня, когда рядом стоял Лориан? Королева в любом случае заплатила бы за своего сына, а вот за девуцу, которая формально ей никто — навряд ли. То есть я не сомневаюсь, что она захочет помочь мне, но не будут ли условия, выдвинутые Мораном, невыполнимыми? Чего может хотеть такой, как он? Конечно, власти. И, если ценой моего освобождения будет трон Оберона, то я лучше

«повешусь на собственной косе», чем допущу это. Ой, как бы и вправду не пришлось, тьфу три раза...

Я забралась с ногами на кушетку и продолжила думать.

Ну не складывается, хоть тресни! Почему именно я? Случайно под руку подвернулась, или у Лориана есть какой-то защитный амулет от чар, и пришлось с горя хватать меня? Да ну, если бы были у них эти амулеты, неужели после шипа не выдали б и мне один?

Я в своё время начиталась фэнтези до одурения, и в каждой книге, в каждом придуманном мире были свои традиции и способы колдовства. А тут что? Я не имела ни малейшего понятия. До сегодняшнего похищения «сказка» почти всегда как бы шла по моим правилам. Счастливая встреча в лесу, любовь Лориана и его желание срочно жениться, симпатия будущей свекрови и всеобщее восхищение... Козни Илллары скорее просто оттеняли эту безоблачную картину, и закономерный для любой сказки хеппи-энд был уже на подходе. И вдруг всё пошло не так. Мою мечту нагло заляпали грязными руками, и станет ли она когда-нибудь прежней — светлой и наивной, у меня лично большой вопрос...

И всё же — странно было признаваться себе в этом — какой-то крохотный кусочек моей души был доволен. Как будто то, что случилось, было чем-то правильным. Как будто было лучше остаться свободной. Свободной... Ха-ха.

Я проснулась от грохота и не сразу сообразила, где я, и что происходит. Надо же, я считала себя девушкой слабонервной, а вот умудрилась заснуть, да и теперь даже не вздрогнула, когда массивный столик, поддетый распахнувшейся дверью, едва не врезался в кушетку. Впрочем, это явно со сна...

— Принцесса хотела побыть одна? Не помешал?

Я демонстративно зевнула и попыталась поправить расползающуюся причёску, но вместо этого развалила её совсем.

Не смутившийся моим молчанием похититель — кстати, не в пример посвежевший — с интересом наблюдал за процессом, потом подошёл поближе и бесцеремонно подцепил одну прядь, повертел в руках, рассматривая на свет, и одобрительно ухмыльнулся.

— Что, прицениваешься, кому продать на парик? — буркнула я.

Моран, похоже, на данный момент был в настроении и не разозлился.

— Оставлю-ка я свои коварные планы при себе. А сейчас лучше приглашу поужинать. Что скажешь?

— А я возьму и соглашусь. Но только при одном условии.

— Вот как?

— Вот так! Где у тебя зеркало?

Колдун, когда до него дошло, насмешливо фыркнул и щёлкнул пальцем по лежавшему на боку столику. Полированная поверхность прямо на глазах пошла рябью — и вдруг стала зеркальной.

— Давай скорее любуйся, это ненадолго!

Я поспешно выдрала из волос шпильки, которые смогла найти (под пристальным взглядом это было непросто), пальцами кое-как расчесала пряди и поправила съехавшее с плеча платье.

— Всё.

Столик тут же вернулся к первоначальному виду, а Моран с преувеличенной любезностью предложил мне руку. Я предпочла её не заметить.

Коридор за дверью на этот раз не казался таким тёмным, несколько раз даже встречались небольшие открытые площадки. Мы шли довольно долго, из чего следовал закономерный вывод, что колдун обитал отнюдь не в лесной избушке, а, скорее, в каком-нибудь замке.

Ощущение «средневековости» усилилось в столовой — просторном зале с высоким потолком, тёмными каменными стенами и огромным камином. За стоящим по центру столом мог бы легко разместиться целый взвод, но сейчас он был накрыт на двоих; рядом почтительно замерли два человека. Ура, в этом склепе всё-таки есть кто-то «нормальный»!

Слуги сразу же вызвали у меня душевный подъём: это были ещё совсем молодые парень (с рыжими вихрами и симпатичным, немного «лошадиным» лицом) и полноватая девушка с толстыми соломенными косами. При виде меня парочка растерянно выпучила глаза, но быстро опомнилась и принялась шустрить: отодвигать стулья, метаться на кухню и обратно, наливать и подавать. Мне поневоле стало грустно от такой дискриминации, а хозяину, наоборот, доставляло удовольствие пугать бедняг суровым досмотром каждого принесённого блюда.

Несмотря на все сегодняшние волнения, поела я с отменным аппетитом и даже выпила немного вина, правда, сильно разбавила его водой.

— Спасибо, всё было очень вкусно, — искренне сказала я, собираясь встать. — Это вы сами готовили?

Молодые люди переглянулись и кивнули.

— Замечательно. А как же зовут таких умельцев?

Они настороженно заоглядывались на хозяина, но всё же пискнули:

— Brent. Мирна.

— Очень приятно. А я — Лериэла.

— А вы... кто? — выпалил Brent и тут же побледнел от собственной храбрости.

Я в мнимом раздумье перевела взгляд на колдуна.

— Кто я? На данный момент — понятия не имею.

Моран недовольно поджал губы, но всё же ответил:

— Это моя... гостья. Ну что, наговорились? Тогда марш отсюда, бездельники!

Парочку тут же как ветром сдуло.

— Мне тоже «отсюда марш»?

— А ты останься.

— Хочешь сказать мне что-нибудь приятное?

— Например?

— Например, что передумал держать такую милую девушку взаперти и хочешь вернуть её туда, где взял. Всеобщую благодарность гарантирую.

— За такое можно гарантировать только быструю и почти безболезненную смерть, и ты сама это знаешь.

— Не знаю, но догадываюсь. Послушай, Моран... Что же ты, в конце концов, хочешь? Мне надоело строить догадки на пустом месте.

Он сочувственно развёл руками.

— Сожалею, но «милрой девушке» придётся ещё какое-то время поразвлекаться подобным образом. А потом — потом всё так или иначе разрешится. Может, ты даже вернёшься к своему жениху...

— И сколько же мне ждать этого светлого события?

— Ровно месяц.

Я непроизвольно вскочила и упёрла руки в бока.

— Что?? Целый месяц торчать в этом вшивом замке и ждать, когда все меня заочно похоронят?! Что это за идиотский план?! Лучше тогда убей сразу, чтоб не мучилась, хоть на продуктах сэкономишь!

Колдун тоже поднялся. Долетающие от камина отблески делали его гранитное лицо то зловещим, то насмешливым.

— Прекрати истерику, принцесса. Будет так, как я сказал. Поверь, я сам поражаюсь собственной гуманности. Вместо того, чтобы запереть тебя в подвале, я не собираюсь ограничивать твою свободу — в пределах дома, разумеется. Ты и в самом деле тут ни при чём, а я, как ни странно, не люблю бессмысленных жертв. Через месяц всё прояснится. И ты забудешь меня как страшный сон...

Я поняла, что все увещания бесполезны, и вздохнула, смиряясь.

— Хорошо. Надеюсь, за это время я не сойду с ума от скуки в четырёх стенах...

— Ну, стен здесь намного больше, чем четыре. Пойдём, покажу.

«Принцесса» приободрилась и с энтузиазмом последовала за «экскурсоводом».

Не знаю, сколько прошло времени, по моим ощущениям, больше часа, а мы всё ещё блуждали по замку. Точнее, это я блуждала, а Моран уверенно шёл, попутно показывая и кратко поясняя что, например, «вот этот висячий сад настоящий, гулять по нему можно, а вот сюда лучше не спускаться, почему — потому что это лестница в подвальный лабиринт, я сам туда стараюсь не заходить, а ты и вовсе до старости застрянешь, если сразу крысы не съедят, хи-хи...» Мы проходили красивые комнаты совершенно разного стиля — и такие, что были бы под стать

классическому жилищу рыцаря, и вполне уютные, с изящной светлой мебелью, коврами и расшитыми занавесками. А уж от коридоров-переходов-галерей у меня давно рябило в глазах. Ничего себе «домик»! Уж никак не меньше королевского, только в сто раз запутанней. Пожалуй, по-настоящему здесь надо бояться не хозяина, а возможности заблудиться и умереть от голода где-нибудь в двух шагах от кухни. На ум приходило только незабвенное «кто так строит?!» и порой даже не совсем печатное...

Я уже порядком утомилась, когда Моран предложил подняться на смотровую площадку и обозреть окрестности. Упускать такую возможность было бы глупо, и я стойчески полезла вверх по крутой винтовой лестнице, мысленно проклиная тяжёлое платье. Пыхтела я почти что зря — хоть открывающийся с высоты вид был очень красив, но не дал мне ни малейшей подсказки о местонахождении колдунячьего жилища. Кругом деревья, деревья, деревья, дальше — узкая лента реки поблёскивает на солнце, и совсем далеко впереди — синеватая цепочка гор. И ни малейшего признака человеческого жилья... Где это всё находится? В Обероне или уже нет? Изучение местной географии я отложила «на после свадьбы» и теперь пожалела о своей лени.

— А в какой стороне Кальберра? — невинно поинтересовалась я.

— Отсюда не видно, — ехидно улыбнулся колдун, мигом раскусив мой манёвр. — Так что можешь не отрывать тайком нижнюю юбку и не цеплять её на место флага в надежде, что мимо пройдёт очередной прекрасный принц и спасёт тебя. Людей здесь нет на многие дни пути. Только дикие звери, птицы...

— Вороны, — разочарованно буркнула я.

— Опять ты их вспоминаешь... Любишь, что ли?

— Ага, жить без них не могу!

— Попробую тебе помочь... Вдруг хоть так понравлюсь!

Я не обратила особого внимания на эти слова и упрямо продолжала выискивать в окружающем пейзаже хоть самый заваливающий домик, но тут за спиной послышался странное потрескивание. Обернувшись, я обнаружила, что Моран исчез. Именно исчез, а не ушёл, потому что вход на площадку был с моей стороны. Вниз прыгнул, что ли? Угу, размечталась...

Я на всякий случай заглянула за парапет, но, конечно, никакого распростёртого тела внизу не наблюдалось. Зато я сама чуть не кувыркнулась «за борт», когда прямо над ухом раздалось хриплое воронье карканье, оглушительное и противное, как работающая бормашина.

— Кыш отсюда, мерзкая тварь!

Я махнула рукой, но птица и не подумала улетать. Приглядевшись, я поняла, что это никакая не ворона, а скорее, чайка — только угольно-чёрная, с раскосыми наглыми глазами и когтистыми, а вовсе не перепончатыми лапами.

— Ничего себе мутант... Эй, житель местного Чернобыля, как тебя зовут?

Ответом мне послужил всё тот же тихий треск, и в следующую секунду на месте птицы горделиво нарисовался сам хозяин замка.

— Его зовут Моран, и вы уже знакомы.

— Тьфу ты! — рассердилась я. — Вот придурок, я из-за тебя чуть не свалилась!

— Я и не знал, что ты такая трусиха! — поддел он. — Ну что, понравилась птичка?

— Это вовсе не ворон, а непонятно что. И каркает гадостно, так и хотелось чем-нибудь запустить, чтоб заткнулся...

Моран укоризненно покачал головой.

— Надо же, я всегда думал, что у красивых принцесс исключительно ангельский характер. Теперь вижу, что ошибался...

— А я думала, что все колдуны с бородой до пола и на ужин детей едят!

Он посмотрел на меня и вдруг засмеялся.

— Уговорила! Бороду я отпускать не буду, не люблю это дело, а насчёт детей прекрасная идея! Завтра же устрою!

Он развернулся и направился к выходу.

— Эй, надеюсь, ты шутишь?

— Надейся. Ну, ты идёшь?

После дневного (точнее, уже вечернего) света узкая лестница показалась особенно сумрачной. Я спускалась довольно медленно, но всё же два раза наступила себе на платье, один раз зацепилась за перила подолом, а под конец оступилась и пролетела несколько ступенек, рискуя сломать себе шею в темноте. Не сломала — идущий далеко впереди Моран мгновенно метнулся назад и каким-то чудом смог меня поймать.

— С-спасибо...

— Не за что.

Я, наконец, сообразила, что он слишком долго не убирает руки, и попыталась вывернуться.

— Перестань.

— А я ещё ничего не начал.

— Пусти!

Я занервничала, прекрасно понимая, что наши силы до смешного не равны, но тут колдун всё же отстранился и продолжил спуск. Уфф...

Он ждал меня внизу, с абсолютно бесстрастным лицом и предложением проводить в отведенные мне комнаты.

Комнат действительно оказалось целых три: уютная «гостиная», спальня с громадной кроватью под ажурным балдахином и ванная, а там — настоящий мраморный бассейн. Я не удержалась и спросила, откуда берётся и куда уходит вода, и получила в ответ пространное рассуждение о каких-то магических потоках. Вопреки моим опасениям, Моран вскоре ушёл. С кривой улыбкой пожелал спокойной ночи и порекомендовал до утра не выходить за пределы комнат, ибо в это

время по замку обычно бродят привидения прежних любопытных гостей. Я в очередной раз задумалась, сколько в его словах шутки, и на всякий случай снова подпёрла дверь столом.

Как ни странно, ночь прошла вполне мирно.

Я проснулась в новой кровати и не сразу вспомнила, как здесь оказалась. Да уж, а ведь это могло быть моё первое «брачное» утро!

Для поднятия настроения я решила «принять бассейн» и встала, как вдруг заметила посреди комнаты огромного рыжего кота, безмятежно спящего прямо на моём платье. Я на цыпочках приблизилась к поруганной одежде, на всякий случай прикрылась спереди волосами и осторожно тронула кота за ухо. Ноль реакции. Я запустила руку в мягкий мех и не без удовольствия поерошила его, и только после этого удостоилась мимолётного зелёного взгляда.

— Моран?

Кот слегка оттопырил ухо и довольно равнодушно зевнул. Нет, похоже, он настоящий, и предпочитает здоровый сон лицемерию красивой голой девушки.

— Эй, животное, отдай моё платье! Оно хоть и дурацкое, но другого у меня нету!

Котовья туша продолжала дрыхнуть, более не обращая на меня своего высочайшего внимания. Надо же, у этого наглого колдуна и зверь такой же наглец!

Я уже собралась решительно столкнуть захватчика, но тут в дверь постучали, и я услышала неуверенный голос Мирны. Она принесла мне новое платье. Как кстати!

— Доброе утро, госпожа! Ой... Тео, разбойник, вот ты где! А я тебя везде ищу...

Девушка помогла мне одеться, а потом общими усилиями мы спихнули тяжеленного кота на пол. Он обиженно мявкнул и удалился, колыхая жирными боками, а я с огорчением убедилась, что моё свадебное платье совершенно потеряло вид. Мятое, с потемневшим подолом, сейчас оно к тому же густо «заросло» рыжей шерстью, а расшитый жемчужинками лиф значительно пострадал от кошачьих когтей. Если моя свадьба всё же состоится (колдуну я, конечно, не верю, но вдруг...), то что я тогда надену? Впрочем, главное — до неё благополучно дожить, а остальное — дело наживное.

Мирна не очень уверенно пообещала привести платье в порядок и проводила на завтрак. Он был накрыт в маленькой и гораздо более светлой комнате, и одно это подняло мне настроение. Второй радостью стало отсутствие хозяина. Правда, на одном из стульев обнаружился всё тот же кот, на сей раз в полной «боевой» готовности. Я от щедрот угостила его куском окорока и тут же превратилась из подозрительной незнакомки в дорогого благодетеля.

Мирну, несмотря на бурные возражения, я заставила сесть рядом и налить себе хотя бы чаю.

— Если хозяин узнает...

— То что? Превратит тебя в крысу?

— Ох, что вы такое говорите! — отмахнулась девушка. — Он других превращать не любит, только себя...

— А в кого?

— В такую чёрную птицу. Он, наверное, и сейчас где-нибудь летает, крылья разминает.

— А во что-нибудь поменьше может? — я невольно вспомнила сказочку про кота в сапогах.

— Только совсем ненадолго. А птица — это его настоящая вторая сущность. Хозяин как-то похвалился, что он почти единственный, кому доступно такое сложное колдовство.

— А что он ещё умеет?

— Ну... многое, я всего и не знаю. Видела, как он вещи взглядом двигает, как взбесившегося коня одной рукой усмирил, а ещё Брента вылечил, когда тот ядовитым грибом отравился... Да, а самое главное — он знает какой-то секрет времени и не стареет.

— Правда? А как долго вы у него здесь живёте?

Мирна пошевелила губами, считая.

— Осенью будет четырнадцать лет.

— Получается, что Моран украл вас совсем детьми, но не съел, а заставил на себя работать?

Девушка невольно хихикнула.

— Да что вы, хозяин детей вообще не ест! Если он вам и сказал что, так пошутил просто. А нас с Брентом он, можно сказать, спас. Я-то совсем маленькая была, плохо помню, как оно было, а Брент (он постарше) говорит, что мы с ним из одной деревни, и то ли заблудились в лесу, то ли родители нас там нарочно оставили, потому что тогда голод был большой. Мы ходили по лесу, ходили, да так бы и померли, а Моран нас случайно увидел и к себе забрал.

— Но вы же не можете сами уйти отсюда?

— Неа, — покачала головой девушка. — Моран сказал, нас замок почему-то не пускает, а он ничего поделывать не может... Иной раз так грустно делается: других людей не вижу почти, и поговорить не с кем, Брент-то у меня молчун. А, с другой стороны, куда идти? Кругом лес дремучий, для родни своей, если живы ещё, мы давно зверями съеденные... А тут и жильё, и еды вдосталь, и работа несложная...

— Несложная?! — не поверила я. — Да эту громадину не то, что убрать, а за день и обойти-то невозможно!

Мирна подпёрла пухлые щёчки кулаками и адресовала мне снисходительный взгляд.

— Госпожа, наш хозяин — колдун! Мы ему больше для виду прислуживаем, а так всё чуть ли не само делается. Этот замок — он же волшебный. Моран говорил, что его случайно нашёл и... как это... об-на-ли-чил.

— Обналичил??

— Ну да. Замок-то раньше какому-то другому колдуну принадлежал, а после его смерти как бы исчез, но на самом деле остался, просто никто его не видел. А Моран увидел, и тогда замок признал его своим хозяином и снова проявился. Только вроде бы его до сих пор никто не видит, кроме нас — потому что мы были внутри и знаем, что он есть... Ох, я, наверное, так путано рассказываю!

— Да нет, всё понятно... — я рассеянно вертела чашку с уже остывшим чаем.

Значит, если Моран передумает меня отпускать, ни жених, ни кто другой просто не сможет меня найти. И я, как и Мирна с Брентом, благополучно встречу здесь свою старость... У-у-у...

— Вам грустно, госпожа?

— Да какая я госпожа... Пленница, похищенная с собственной свадьбы... Я не знаю, что будет дальше, буду ли ещё счастлива или сойду с ума в вашем чудесном замке...

— Тогда вам хуже, — подумав, решила моя собеседница. — Мы всё-таки здесь как дома и не очень хотим в большой мир, которого совсем не знаем, а у вас там любимый. Но вы не печальтесь, всё ещё образуется, вот увидите!

— Если бы так, — вздохнула я. — Скажи, Мирна, а разве тебе никогда не хотелось выйти замуж по любви, завести детей? Неужели не тяжело жить с чувством, что этого никогда не будет?

Она искренне удивилась:

— Да почему ж не будет-то? А Брент?

— Ну, это, конечно, единственный тут нормальный мужчина...

— И я люблю его, а он — меня! Правда, вы чего, не верите? Хозяин нам и пожениться разрешил, и против детей ничего не имеет. Так что нам, если честно, грех жаловаться на судьбу! Живём на всём готовом, хозяин строгий, но добрый...

— Добрый?? — обалдела я. — Ну, если он добрый, то я — ночной кошмар!

— Нет, вы — красивая, — простодушно заулыбалась Мирна. — Очень красивая. Я, конечно, людей мало видела, но зато люблю книжки смотреть с картинками, у Морана их целая огромная комната. И картинки со всякими девушками есть, в разных богатых платьях (и даже совсем без платьев, представляете? Только мне такое неинтересно, а вот Брент тайком смотрит, я его уже два раза застукала...) А вы гораздо красивее любой картинки, прямо загляденье, и Брент со мной согласен, но я, конечно, его к вам не буду ревновать, потому что он меня по-настоящему любит, и...

Насмешливое покашливание прервало словоохотливую девушку на полуслове и заставило с перепугу выронить чашку. Она пулей вылетела из-за стола, поклонилась стоящему в дверях хозяину и бросилась вон из комнаты.

— Этой трещотке только волю дай — заговорит до смерти! — хмыкнул, подходя, Моран. Сегодня он выглядел не как зловещий колдун — благодаря светлой рубашке с распахнутым воротом и подвёрнутыми рукавами и какому-то легкомысленному выражению лица. Он небрежно махнул рукой, на моих глазах склеивая разбитую чашку, и тут же налил в неё чай.

— Холодный... Эй, вы, бездельники! Как языком молоть, так вы первые, а хозяин тут голодный...

Не успел он закончить, как Мирна уже тащила дымящийся чайник, а физиономия её любимого осторожно высунулась из-за двери, вопрошая, не нужно ли ему ещё чего. Моран жестом отпустил обоих и повернулся ко мне.

— Уже уходишь? Останься. Хм... Я прошу.

Я начала было вставать, но тут же села обратно — не повинуюсь, а, скорее, от удивления.

— Ты уверен, что принцесса с неангельским характером — лучшее средство для хорошего пищеварения?

Он ухмыльнулся и демонстративно подцепил ножом большой кусок ветчины. За противоположным концом стола тут же началось оживление: проснувшийся «домашний любимец» истошно заорал, требуя свою долю.

— Познакомилась уже с этим обормотом?

— Да. Он успел испортить мне свадебное платье.

Моран засмеялся и посадил кота на колени, тот сразу же потянул лапы к ветчине. Я с неодобрением наблюдала за избалованным жиртрестом, в то время как колдун умиленно скармливал ему свой завтрак. Ну и дела! Словно передо мной был сейчас другой человек. Совершенно обыкновенный, нормальный...

— Слушай, Моран, сколько тебе лет?

Его рука на миг зависла у кошачьего уха.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Ну... Сорок два.

— Ээ, правда, что ли? Как моему папе...

— А зачем мне врать? Я не перезревшая невеста.

— Ты выглядишь гораздо моложе. По крайней мере, сегодня. Лет на тридцать максимум.

Моран рассеянно гладил довольного кота, но мыслями был где-то далеко.

— Мне было двадцать девять, когда я научился одному маленькому фокусу со временем. И, если не разучусь, буду таким ещё долго.

— Но не всегда? Или, может, ты и умирать не собираешься? Я имею в виду, от старости...

— Что-то у нас разговор становится слишком серьёзным для завтрака, — ушёл от ответа колдун. — А тебе-то самой сколько лет?

— Женщинам такие вопросы задавать неприлично.

Моран улыбнулся, как будто я сказала что-то смешное.

— Лериэла, расскажи мне о себе. Надеюсь, эта просьба не покажется тебе неприличной? Только не общеизвестную душещипательную историю с потерей памяти. Это неплохое враньё, но я-то вижу, что с головой у тебя всё в порядке.

— Прямо так и видишь? Как на рентгене?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, а я просто различаю невидимые другим цвета — у здоровых людей они одни, у больных — совсем другие. Вокруг тебя только золотистые оттенки, значит, ты здорова.

— Эх, тебя не проведёшь! — я налила себе ещё чаю и потянулась за рогаликом, пытаюсь потянуть время.

С одной стороны, мне и самой давно надоело притворяться и хотелось, наконец, кому-то выговориться. Но кому — колдуну?! Мало ли как он захочет воспользоваться полученной информацией! Расскажет всё Лориану при передаче меня обратно (если таковая состоится), или ещё чего похуже?

Между тем Моран внимательно наблюдал за мной, явно догадываясь о причине моей внезапной прозорливости.

— Я, конечно, понимаю, что ты совершенно мне не доверяешь, и это правильно, и даже моё слово сохранить твой рассказ в тайне тебя не впечатлит. Но всё же... Поверь, мне просто по-человечески интересно. И я никому ничего не скажу.

Он пододвинулся поближе, не сводя проникновенного взгляда с моего лица. Гипнотизирует, что ли...

Эту мысль я додумала уже тогда, когда заканчивала свой рассказ — про Питер, родителей, Университет и своё увлечение рисованием. Единственное, что утешало — Моран выглядел явно прибалдевшим, значит, и он не ожидал, что у «принцессы» окажется такая необычная биография. Точнее, самая обычная, но не для этой сказочной реальности.

— Ну, что скажешь? Могу поспорить, ты не один раз перепроверил мои «здоровые цвета», потому что думал, что я внезапно чокнулась?

— Ээ... Было дело... — с некоторым смущением признался он. — Я ожидал чего угодно, но чтоб такое...

— Значит, у вас такого раньше не было, и я — первая дура, которая оказалась в такой ситуации.

— Почему «дура»?

— Потому что правильно у нас говорят — бойтесь своих мечт, они иногда сбываются. Вот я и домечталась... И застряла тут, как оса в варенье. Скорее всего, навсегда.

— Это тебя огорчает? — осторожно поинтересовался Моран. — Ведь здесь у тебя положение, блестящие перспективы, любовь всей жизни, если уж на то пошло...

— Любовь! — невольно фыркнула я. — Ах, да... Но, знаешь, я всё равно променяла бы всю эту роскошь за возможность вернуться обратно. Там моя настоящая жизнь. А здесь я иногда просто задыхаюсь. Нарисованная принцесса в нарисованной сказке...

— Я тоже кажусь тебе ненастоящим? — криво усмехнулся колдун.

Я невольно улыбнулась.

— Как раз ты — нет. Ты появился совершенно «не по сценарию», поставил мою жизнь с ног на голову... И сделал её какой-то более живой. Не знаю, как объяснить... Но я, пожалуй, даже благодарна тебе за это вмешательство. Я наконец-то могу немного побыть собой, а не той благовоспитанной героиней, какой мне положено быть по роли. Я ведь обычная девчонка с кучей недостатков, мне хочется прикалываться, нарушать правила, ругаться, а не ходить вечно с постным лицом. В Обероне всё было идеально и как-то предсказуемо. Меня даже животные любили. А твоему коту я по барабану, да, Тео?

Рыжий приоткрыл один глаз и важно, по-человечески, кивнул.

— Скажи, а как тебя нашла Иллара? — решила спросить я. — Это ведь ты дал ей штуку типа «сыворотки правды», которую она пыталась мне подсунуть?

— Я, — нехотя признал Моран. — Илларе повезло, я залетал тогда к одному своему приятелю — он живёт недалеко от Кальберры — и стал свидетелем её визита. Верное средство, чтобы вывести обманщицу на чистую воду — он не смог бы изготовить такое и обратился ко мне. На щедрый гонорар мы потом так славно погуляли... А принцесса получила хорошее зелье. Позже я узнал, что жертве случайно удалось избежать прилюдного разоблачения, но это было уже не моё дело.

— Значит, Иллара не причастна к моему похищению? Это был только твой план?

Колдун спокойно смотрел мне в глаза.

— Да. Она не смогла бы найти меня, меня нельзя найти, если я сам не хочу этого. Она всего лишь натолкнула меня на идею начать мою месть именно с тебя...

— Мечь?

Я невольно отодвинулась от него и встала. Вот теперь он снова показал своё настоящее лицо — холодное и злое, а до этого был просто спектакль для одного глупого зрителя.

— Кому ты хочешь отомстить и за что?

Моран слегка поморщился, досадуя, что проболтался.

— Это неважно.

— Понимаю... Неважно, как и всё остальное, что идёт вразрез с твоими желаниями. Неважно, как чужие судьбы в твоих руках.

Он тоже встал и теперь возвышался надо мной, как медведь над кроликом.

— Не суди меня, принцесса. Ты ничего не знаешь. И не узнаешь — это для твоего же блага.

— Ты забыл — я не принцесса. Я — никто, и какая разница, что я думаю, что чувствую! Тебе на всех наплевать! Эгоист! Чудовище!!

Я бросилась к выходу, но Моран в два прыжка догнал меня, резко повернул за плечо и вдруг прижал к себе так сильно, что стало трудно дышать. Я не могла даже поднять голову и только молча залилась слезами. Сама расслабилась, подпустила ближе этого зверя — так мне и надо!

Моран тяжело дышал мне в волосы, потом немного ослабил хватку и двумя пальцами приподнял за подбородок. Я закрыла глаза, примерно представляя себе, что сейчас будет.

Только бы выдержать... А потом можно и со стены вниз.

Колдун выпустил меня так неожиданно, что ослабевшие ноги не удержали, подогнулись, и я неуклюже сползла на пол. Он поднял меня и посадил на диван. Я всё ещё боялась открыть глаза... И открыла их, только услышав знакомый уже глухой треск. Чёрные перья мелькнули в окне и пропали где-то высоко в небе. А я обняла диванную подушку и разревелась.

До вечера Моран не появился, весь следующий день тоже.

Я была этому очень рада, боясь и не зная, что будет дальше. И только ближе к вечеру поняла, что мне без него как-то скучно. Я разговаривала с Мирной и Brentом, но они были не в пример ему плохие собеседники: Мирна болтала без умолку всякую женскую чепуху, а Brent, наоборот, почти всё время молчал. Вот уж действительно гармоничная парочка!

Я поймала себя на том, что пытаюсь пожаловаться на жизнь рыжему Тео, но кот принял мои излияния равнодушно, всё время зевал и, наконец, повернулся хвостом и задрях.

В расстроенных чувствах я отправилась бродить по замку, как-то забыв, что могу в нём капитально заблудиться. Случайно наткнулась на библиотеку, гигантский зал с многочисленными стеллажами от пола и до самого потолка, и очень обрадовалась. Наугад набрала кучу книг — в основном попадались исторические, а две даже про колдовство — и собралась возвращаться в свою комнату, как вдруг увидела в дальнем углу ещё одну книгу. Огромная, тяжёлая, она лежала на каменном столе, замотанная толстыми железными цепями. Я осторожно провела пальцем по пыльной обложке, и только тогда смогла разобрать написанное вязью заглавие. «Несколько слов о бессмертии». Несколько слов? Похоже, автор был шутником...

Интересно, именно из неё Моран извлёк своё тайное знание? Тогда, может, и я что пойму? Понятно, почему он её не прячет: Мирна и Brent всё равно неграмотные, а про меня он и не подумал. Как там открывается эта книжка? Я заметила увесистый замок, скрепляющий концы цепей, и искала глазами ключ. Ага, щас...

Я на всякий случай подёрнула замок, и он неожиданно открылся. Цепи с гулким звоном упали на пол, по книге едва заметно пробежала рябь. Странно всё это... Может, лучше не трогать, вещь-то колдовская, мало ли что — превращусь в какую-нибудь гадость или схлопочу проклятье... Я уже собиралась развернуться и уйти от греха подальше, но вдруг ощутила такое непреодолимое любопытство, что не удержалась и откинула тяжёлую обложку. Что написано в книге, так и осталось для меня загадкой, потому что в следующую секунду конец цепи легко поднялся в воздух и обмотал мою левую руку от кисти до самого плеча. Ой, больно...

— Моран!!

Сама не знаю, почему не закричала, например, «Мирна!» — ведь колдуна в замке, скорее всего, нет.

— И зачем так надрываться, красавица?

Шелестящий вкрадчивый голос заставил меня подскочить на месте.

— Кто здесь?

Я повернулась и вдруг увидела сидящего прямо на раскрытой книге сухонького старичка, одетого в белый балахон. Он хихикал и легкомысленно болтал ногами, нимало не смущаясь

тем, что через него мне прекрасно видно противоположную стену. Привидение?!

— Вы кто?

— Ты меня видишь, да? Вот чудненько! Зови меня просто Драхмар, детка. Побеседуем?

— Я непротив, но сначала отпустите меня!

— Ой, да я-то тебя и не держу, нечем! Это всё книжечка, она сама...

— А что я ей сделала? Это Моран её заколдовал?

— Мальчишке такое не под силу. Книга старше его раз в пять, как он может управлять ею? Её создал величайший колдун древности... Собственно, это он и есть.

— Как это?

— Ну, говорят, он нашёл секрет бессмертия, написал об этом книгу и так перетруился, что неожиданно помер. Точнее, как-то втянулся в книгу и стал чем-то вроде её души. Могущественной и вредной, потому что, согласишься, обидно умереть, зная такой секрет...

— И вы не можете на него (или её?) повлиять?

Старик закинул ногу на ногу и задумчиво почесал бороду.

— Я, деточка, всего лишь дух прежнего владельца замка. Тоже вполне себе могущественный, даже сейчас. Но — не всемогущий.

— И что, я так навсегда и останусь привязанной к этой книге?

— Не исключено.

Я собралась уже захныкать, как маленькая, но заставила себя сдержаться.

— Может, всё-таки можно что-нибудь придумать? Что этой книжке надо?

Я очень боялась услышать что-нибудь вроде «твое тело, чтобы обрести настоящее бессмертие», но Драхмар неожиданно захихикал и с умным видом изрёк:

— Ничего особенного. Нашему колдуну просто скучно столько лет лежать неподвижно и ничего интересного не видеть. Он обещает отпустить тебя, если ты меня поцелуешь.

— Вас?

Я изумлённо вытаращила глаза на скромно потупившегося дедулю.

— И зачем?

— Говорю же тебе — ему скучно...

— А, по-моему, это вам скучно, и вы врёте.

— Ну, как хочешь. Не веришь — твоё дело, я тогда пошёл...

И он стал медленно таять в воздухе.

— Подождите!

— Мм?

— Я... согласна.

Драхмар бодро соткался заново и подлетел ко мне, старательно вытягивая сморщенный ротик. Я закрыла глаза и постаралась не очень кривиться. Вдоль лица словно заструился прохладный ветерок... И тут дверь с грохотом распахнулась, а в следующий миг около нас уже стоял Моран. Он тяжело дышал и, едва окинув взглядом наши «невинные» позы, угрожающе потянулся к прозрачной стариковской шее.

— Драхмар... Убью... То есть упокою, навечно!!

Тот испуганно ойкнул и перелетел на высоченный шкаф. Уже оттуда мелко захихикал и показал колдуну длиннющий язык.

— Ну и сам с ней целуйся, подумаешь, какой ревнивый!

Моран запустил в него первой попавшейся книгой, но она ударилась о уже пустую стену.

— Вот старый извращенец... На будущее — никогда не обещаю ничего призракам. А если вдруг пообещала — не выполняй, ничего они тебе не сделают...

— А это?

Я выразительно потрясла рукой с намотанной на неё цепью.

— А это я колданул, чтобы слуги не лазали. Через полчаса бы сама свалилась...

Не глядя на меня, Моран быстро размотал цепь. Я тоже старательно паялилась в другую сторону, не зная, как себя вести.

Он наклонился и внимательно осмотрел мою освобождённую руку.

— Надо же, а ещё говорила, что не принцесса...

— Ты о чём?

— У тебя вся рука в синяках. Брент два раза попадался, и ему ничего.

— Ну... — я не знала, что ещё сказать. — Наверное, это правильно, поделом мне с моим любопытством. Я же не колдунья и могла такого наворотить...

— Ладно уж. На самом деле книги здесь вполне безобидные, эта — так вообще опус какого-то переешего грибов фанатика. А настоящие, опасные книги у меня в отдельной комнате, надёжно запечатанные, ты туда так просто не попадёшь. И это к лучшему, поверь.

— Верю.

Моран очень осторожно потрогал мою руку.

— Больно?

— Да нет... ой!

— Вот то-то и оно. Пойдём.

— Куда?

— Лечиться.

Я послушно последовала за ним.

Миновав несколько коридоров, мы оказались в ярко освещённом холле, за ним располагались личные хозяйские апартаменты. Мне было любопытно и немного боязно.

Моран провёл ладонью по двери, и она бесшумно открылась. За дверью оказалась небольшая уютная комната, казавшаяся ещё меньше из-за обтянутых тёмным мехом стен и низкого потолка. Колдун кивнул на маленький диванчик и стал сосредоточенно рыться в необъятном резном шкафу. После недолгих поисков он извлёк оттуда синий стеклянный пузырь и в нерешительности остановился около меня. Я адресовала ему вопросительный взгляд.

— Надо намазать руку.

— Спасибо. Я могу и сама.

— Надо ещё говорить специальные слова, тогда синяки пройдут сразу.

— Ну... хорошо, мажь.

— Сможешь закатать рукав?

Я с сомнением изучила эту деталь одежды и покачала головой — слишком узкий. Нет уж, лучше я похожу с синяками, чем сейчас сниму платье. К гадалке не ходи, чтобы узнать, чем тогда закончится лечение...

— Я... лучше пойду.

— Сиди.

Моран вытащил из кармана короткий узкий нож, и, не успевая возразить, одним движением распорол рукав до самого плеча.

— Ты испортил мне платье.

— Ничего, завтра получишь новое.

— У тебя их что, целый склад?

— Не склад, но сколько-то есть.

— От прежних пленниц остались?

Я прикусила язык, но Моран сделал вид, что не слышал. Аккуратно помазал проступившие синяки, пошептал что-то, закрыв глаза — и я вдруг обнаружила, что кожа стала совершенно чистой, боль тоже прошла.

— Ох... Ну ты и колдун.

— Да, это моя профессия.

Я, наконец, решила посмотреть на него и встретилась с таким же напряжённым взглядом.

— Спасибо.

— Не за что. Леризэла...

— Мм?

— Ты... извини меня. Я не знаю, что тогда на меня нашло.

— Хорошо, и не будем больше об этом. Нам лучше быть в нормальных отношениях, пока я здесь.

— Думаешь, это возможно?

— Вполне. И в основном будет зависеть именно от тебя, — я почувствовала, что нам пора расставить все точки над «и». — Поверь, Моран, я не хочу тебя бояться или ненавидеть. Мне с тобой интересно. Возможно, мы даже могли бы стать друзьями, хотя бы на время...

— Но?

— Не «но», а «если»... Если ты захочешь хоть немножечко изменить свой принцип «есть только я, а на всех остальных наплевать» и постарайся думать и о других тоже.

— Я и так...

Моран осёкся и резко встал.

— Может, ты и права. Я попробую. Но не обещаю, что у меня получится.

— А я тебе помогу.

Я тоже встала и неожиданно для себя коснулась его руки. Колдун рефлекторно отшатнулся.

— Прости...

— Это ты меня прости. Не провожай, я запомнила дорогу.

Прошло ещё несколько дней.

Я много времени проводила с Мораном и пока не получала новых поводов для беспокойства. Мы беседовали на отвлечённые темы, он помог мне выбрать в библиотеке книги поинтересней и даже разрешил попробовать поколдовать на бытовом уровне. Результатом моих экспериментов стало превращение серебряной ложки в ложку-на-ножках-и-с-хвостом, к вящей радости Тео. Моран сказал, что для первого раза это вполне приличный результат, и предложил научить меня нескольким полезным заклинаниям. Я, конечно, согласилась. «Учёба» проходила очень весело и зачастую шумно, и Моран уже устал гонять любопытную Мирну, которая каждый раз прибегала узнать, всё ли у нас в порядке.

Иногда колдун бывал чем-то занят, и я надумала посвятить свободное время заброшенному рисованию. Меня снабдили бумагой и угольными карандашами, и началась «охота» за объектами. Первой жертвой стал, конечно же, Тео — спящий кот подолгу находился в одной позе, и рисовать его было одно удовольствие. Чего не скажешь про Мирну — нетерпеливая девушка то и дело вскакивала и бросалась ко мне посмотреть, как продвигается работа. Естественно, она продвигалась медленно... Брента я и вовсе рисовала по памяти (он отчего-то застеснялся позировать), и Мирна одобрительно заявила, что портрет получился «ужас какой живой».

Как-то вечером меня осчастливил повторным визитом пройдоха Драхмар. Он витиевато извинился за свою неудачную шутку и начал приставать с просьбой тоже его нарисовать. Я решила попробовать, не поручившись за конечный результат; впрочем, призрак остался очень доволен. За время позирования я узнала немало интересного о его земной жизни и свойствах замка, потом мы незаметно «съехали» на его теперешнего владельца.

Драхмар, несмотря на ехидные шуточки, очень уважительно отзывался о способностях Морана, предрекая ему неофициальную славу первого колдуна современности, но вскользь заметил, что «мальчик сам себе вредит, отвлекаясь на всякую ерунду».

— Например, меня? Это ведь ненадолго...

— Да нет, — отмахнулся призрак. — Он много лет помешан на одной глупейшей идее, и она не даёт ему спокойно жить и совершенствоваться. Точнее, в чём-то она его как раз подстёгивает, но в остальном только вредит.

— И что это за идея?

— Боюсь, болтать на эту тему будет некрасиво...

— Тогда не надо.

— Но — я же наглый беспринципный Драхмар, к тому же привидение, а значит, Моран мне ничего не сделает... Дело в том, что он не всегда звался этим именем и не всегда жил в непроходимой чаще. Он родился среди людей, в каком-то заштатном городишке. Рано потерял родителей, учился кое-как, поступил в помощники к местному лекарю — словом, собирался прожить вполне заурядную жизнь. И вдруг...

— Что? — я заметила, что уже давно сжимаю в руках карандаш вместо того, чтобы рисовать.

— Что-что... Влюбился этот лопух. И вроде не без взаимности. Но потом к этой девице посватался...

— Драхмар! Вот ты где, старый болтун!

Призрак выразительно выпучил глаза и жестом закрыл рот на «ключ». Я разочарованно вздохнула. «Вот так всегда, на самом интересном месте...»

Моран, к счастью, не слышал наш разговор, иначе его лицо было бы куда менее дружелюбным. Я в очередной раз поразилась — насколько этот человек мог быть разным. Страшным зловещим колдуном с непроницаемыми ледяными глазами (до сих пор мурашки по коже, когда вспоминаю нашу первую встречу)... Или вот таким — молодым и насмешливым любителем книг, магических штучек и наглого старого кота.

— Ну что, о чём сплетничаем? Не обо мне?

— Вот ещё, обойдёшься! — натурально отмахнулся Драхмар. — Мы говорили о высоком, прекрасном...

— Ну точно обо мне!

Я захихикала, а старик погрозил ему пальцем.

— О любви! Я как раз собирался спеть девушке старинную балладу про дракона и принцессу, но ты своим появлением сбил меня с голоса. Пой теперь сам.

— А разве ты умеешь?

— Нет, — сказал Моран.

— Да, — одновременно наябедничал призрак. — Умеет он и петь, и играть на гитаре.

— На чём?? — обалдела я. — У вас тут есть наши инструменты?!

В королевском дворце мне довелось слышать только «клавесин», и звук меня не очень впечатлил.

— Не знаю, что тебя так удивляет, а играет этот колдунишка и правда неплохо. Только давно не тренировался... О, мой портрет готов? Чудесненько! Благодарю и поспешу откланяться!

Драхмар, вопреки моему ожиданию, смог подцепить материальный лист нематериальной рукой, помахал им в воздухе на прощанье и исчез.

Я повернулась к притихшему Морану.

— Ты сыграешь для меня?

— Ты правда этого хочешь?

— Да.

— Ну хорошо... — он вздохнул. — Пойдём.

Я во второй раз оказалась в комнате с меховыми стенами. Моран долго шарил в своём необъятном шкафу и, наконец, извлёк из его недр завёрнутую в какую-то тряпку гитару. Вполне современную, возможно, более узкую; матовое тёмное дерево и шесть знакомых струн... У меня невольно перехватило дыхание.

Он повозился ещё, настраивая инструмент и давая пальцам вспомнить аккорды, а потом вдруг заиграл и запел. Да как...

Я оцепенело застыла на своём месте, боясь пошевелиться и стараясь дышать потише. От слов грустной старинной песни в глазах предательски защипало, а низкий хрипловатый голос внезапно вызвал странные волны внизу живота. Я чувствовала себя кроликом, загипнотизированным удавом — надо уносить ноги, пока цела! — и в тоже время хотела, чтобы он продолжал петь.

В наступившей тишине я явственно слышала стук собственного сердца. Попыталась встать,

чтобы позорно сбежать отсюда куда подальше — и поняла, что не могу сделать и шага.

— Лериэла, что с тобой?

Моран встревоженно смотрел, как я обречённо плюхнулась обратно на диван, потом пододвинулся поближе и медленно и осторожно положил руку мне на плечо. Горячая, она прожгла меня даже сквозь платье.

— Лериэла... Я что-то сделал не так? Почему ты плачешь?

— Я не плачу.

Он так же медленно коснулся моей щеки и поднёс к глазам влажную каплю.

— Я... мне надо идти.

— Ты правда этого хочешь?

На этот раз я не смогла сразу выдать «да», и Моран решился обнять меня чуть крепче.

А потом наклонился и поцеловал.

Комната стремительно закружилась перед моими глазами, руки неосознанно обхватили его за шею. Что со мной происходит?!

Я словно существовала отдельно от своего потрясённого тела, без остатка отдаваясь этому безумию, но в какой-то момент обнаружила, что почти не могу дышать. Моран сжал меня так сильно, что в лёгких просто не осталось воздуха. Я безуспешно попыталась отстраниться, потом дёрнулась сильнее и чуть не упала на спину. Его губы скользнули по моей щеке.

— Что... что случилось?

— Ничего. Отпусти меня...

— Не могу.

— Моран, не надо... Пожалуйста...

Он изменился в лице и через силу разжал руки. Я наконец-то смогла глубоко вздохнуть. Встала и тут же зашаталась.

— Извини. Нам не стоило...

Я каким-то чудом не врезалась в стоящий на пути столик. Оглянулась с порога: Моран, неподвижный, с опущенными плечами, безучастно смотрел куда-то в пространство. Я с трудом подавила желание вернуться и поплелась в свою комнату.

Спала я плохо. Просыпалась от каких-то невнятных кошмаров и снова подолгу ворочалась в своей необъятной постели.

Дура, что я наделала?! Зачем подпустила его так близко, зачем?! Позволила себе настолько потерять голову... а потом оттолкнула, обидела... Сама словно уговаривала — «соблазни меня», и сама же испугалась и дала дёру... Что он теперь обо мне думает?! Надо было остаться, ведь хотелось, очень хотелось... Стоп, что я, совсем уже, а Лориан?! О-о-о!.. Какая я мерзкая,

распущенная женщина, изменщица! Ы-ы-ы...

Промаявшись таким образом полночи, я поняла, что уже не засну и встала. В ровном свете магической свечи на бумагу легли первые резкие штрихи, и вскоре Моран, как живой, смотрел на меня пронзительными чёрными глазами. Наверное, это был самый удачный, самый правдоподобный портрет из всех, написанных мною. Не идеальный до тошноты сказочный принц, а похожий на хищную птицу мужчина с жёсткой линией рта, первыми усталыми морщинками и перебитым носом. Ровесник моего отца. Безумно красивый и безумно желанный...

Только он об этом так не узнает.

Встала я чуть ли не к обеду, но чувствовала себя совершенно разбитой. Машинально выпила поданный Мирной чай и отказалась от всего остального, выслушала сообщение, что хозяин тоже ещё не показывался — то ли спит, что на него не похоже, то ли улетел по делам...

Я взяла первую попавшуюся книгу и вышла в сад. В отличие от живописной иллюзии, он был порядком запущен и этим вызывал щемящую ассоциацию с родными питерскими парками. Я села на скамейку у самой дальней стены и раскрыла книгу, но вскоре отложила её. Было не до чужой истории, в своей хотя бы разобраться...

— Лериэла!

От едва слышного голоса я подскочила как ужаленная и испуганно заозиралась.

Никого. Ой, скверный признак, уже к доктору пора...

— Лериэла... Я чувствую, что это ты. Ты одна?

Я, наконец, сообразила, что этот голос, похоже, мне знаком. Но только где же его обладатель??

— Ой, вы живы!! Но где вы?

— Стою за стеной. Ты не могла бы меня впустить?

— А как? Вход только один, и он магически запечатан, я не могу выйти.

— Но это же не значит, что никто другой не может войти! Подойди-ка поближе...

Верховный идиль королевы, энергичный старичок с длиннющим именем, которое я так и не смогла запомнить, торжественно объявил, что явился спасти меня, но для этого я должна ему немного помочь.

— Я смог найти этот дьявольский замок только благодаря тебе. Пытался до этого много раз — всё впустую, потому что никто из живущих здесь не хотел быть найденным. А ты — ты хотела. И по этой тоненькой магической ниточке я отыскал твой след. Теперь тебе надо всего лишь захотеть впустить меня — и я войду.

— Прямо через стену?

— Это неважно. Ну, сосредоточься же, дитя...

Я послушалась, про себя сильно не уверенная, что из этой идеи выйдет толк. Я что, экстрасенс? Могу хоть до посинения хотеть оказаться дома, и разве что-то изменится? Но, с

другой стороны, дедуля как-то нашёл меня... Может, ему виднее?

Мои мысли прервал тихий чмокающий звук, и идиль собственной персоной шлёпнулся на траву с этой стороны ограды. Ой, получилось!!

Я помогла ему подняться и поинтересовалась, как же он собирается меня спасти. В ответ он стал расспрашивать меня о замке, чтобы вычислить места с наиболее тонкой защитой и попытаться уйти тем же «магическим» путём, каким я сюда попала.

Я честно сказала, что мало чем могу помочь, потому что все эти «высокие материи» для меня — пустой звук, но идиль не сдавался, и я в конце концов поняла, что он от меня хочет. Оказывается, любая колдовская вещь, пусть даже очень большая, состоит всего из двух магических слоёв: того, что составляет основу, суть этой вещи и, соответственно, не поддаётся никакому влиянию извне, и второго, «наносного», который как раз изменить можно. Как эти слои могут распределяться в замке? Очень просто. Слой «попроще» — это любое помещение — комната, галерея, часть сада или крошечная кладовка — рядом или в котором я чувствовала неосознанное желание дышать глубже. Таким образом мой непривыкший к концентрированной магии организм позволял себе хоть немного расслабиться, отдохнуть от окружающего давления...

Ничего себе! Если бы такая странная информация исходила не от главного спеца Оберона, я бы с удовольствием покрутила пальцем у виска. А сейчас только кивнула и принялась лихорадочно вспоминать. И вспомнила!

— Вы знаете, а ведь есть такое место! По крайней мере, я точно тогда подумала, почему в этой пыльной комнате самый свежий в замке воздух...

— И далеко она отсюда?

— Как раз близко. Правда, по дороге мы можем случайно наткнуться на слуг...

— Ничего, они меня не заметят.

— Или на Морана.

— На колдуна? Это было бы очень нежелательно. Тебе придётся его как-то отвлечь, чтобы он меня не узнал.

— Он вас сильнее, да?

— Ну... Не будем столь категоричны. В прошлый раз его нападение застало меня врасплох. А в этот — внезапность уже на моей стороне. Если не будет другого выхода, думаю, мне будет по силам уничтожить твоего тюремщика.

— Не надо! — вырвалось у меня. — И... он никакой не тюремщик.

Старик внимательно посмотрел на меня из-под седых бровей-гусениц.

— А кто же он, в таком случае? Или ты уже не хочешь уходить из его замка?

Я заставила себя не опускать глаза.

— Нет, хочу.

— Тогда веди.

Он резко встал, хлопнул ладонями по коленям — и вот уже на скамейке важно восседает светло-серая крыса с длиннющим, правда, покрытым мехом, хвостом. Маленькие лапки делают нетерпеливый жест — и я подсаживаю зверька на плечо, прикрывая сверху волосами.

Осторожно иду обратно в замок, бросив ненужную уже книгу. Моя комната не по дороге — значит, я не смогу забрать бабушкино кольцо. Ну да ладно... Пусть остаётся Морану на память. И моё дурацкое свадебное платье, и мой рисунок... Значит, в случае успеха я его больше не увижу. Это хорошо. То есть, очень плохо, но это к лучшему...

Я нарочно обхожу стороной кухню, из которой доносится громоподобное пение Мирны.

— Мяу!

— Ой, Тео, а ты-то что здесь делаешь? Иди скорей, там тебе Мирна вкусенького даст!

Рыжий котяра, вопреки обыкновению, продолжает крутиться в ногах, принюхиваясь и с подозрением поглядывая вверх. Кто бы мог подумать, крысу учуял!

— Давай, топай отсюда...

Я аккуратно подталкиваю кота ногой к двери и закрываю её на ключ.

— Мяу-мяу!!

Блин, ну и пожарная сирена, как бы любимый хозяин на неё не прискочил...

Я ускоряю шаги и вскоре достигаю цели. Узкая комната рядом с библиотекой почти пуста, не считая высоченного шкафа вдоль одной из стен и пары стульев. Я зашла в неё из праздного любопытства, думая, что здесь тоже хранятся книги, но оказалось, что шкаф забит многочисленными коробками с сухими травами. Многие из них мне незнакомы, но родную ромашку и мяту я узнала бы и с закрытыми глазами.

Вот и теперь я явственно осознала, что среди этих трав воздух кажется мне особенно чистым и сладким. Хочется дышать и дышать...

Крыса с басовитым писком сорвалась с плеча и приземлилась на пол уже стариком. Он поморщился и потёр поясницу, а потом, не откладывая, приступил к делу. Перво-наперво запечатал дверь, прогулялся вдоль стены, размахивая руками и что-то бормоча себе под нос. Наконец, кивнул сам себе, встал точно по центру комнаты и с силой топнул ногой. По полу, как по воде, в разные стороны пошли круги, сам пол стал медленно таять...

И тут из-под потолка стремительно вынырнуло что-то белое, и дребезжащий голос завизжал:

— И-и-и! Не уйдёшь, ворюга!!

Я узнала в пикирующей массе вредного Драхмара.

— Не волнуйтесь, это...

— А-а-а! — вдруг снова заверещал призрак, описывая круги вокруг идиля. — Это ты, презренный Кир!!

(Точно, как я сразу не догадалась сократить это ужасное имя!)

— О, я вижу, наконец-то ты сдох, почтенный Драх! — в тон ему отозвался идиль.

— Ты сам сейчас сдохнешь, зазнайка бородатая!!

Драхмар подлетел вверх и довольно успешно столкнул на противника пару коробок, потом ещё и ещё. Я поспешно отступила с «линии огня», не желая оказаться засыпанной; впрочем, «Кир» моментально сотворил над головой невидимую защиту, и трава шуршащим водопадом посыпалась в стороны. Всё это время идиль косил взглядом под ноги, не давая исчезать образовавшейся «чёрной дыре» в полу. Резкий взмах — и огромный пук травы влетел прямо в распахнутый рот призрака. От неожиданности и по рефлексу он надрывно закашлялся; идиль воспользовался заминкой и призывно мотнул бородой. Я бросилась к нему...

И тут окно с оглушительным звоном разлетелось вдребезги, пропуская в комнату взъерошенную чёрную птицу. Моран!

Он обернулся в мгновение ока и успел схватить меня за руку, да так резко, что я чуть не упала. Бросил на меня короткий яростный взгляд и повернулся к верховнику.

— Уже уходите? А попрощаться?

От этого памятного издевательского тона я похолодела и беспомощно уставилась на замершего старика. Призрак в это время победно захихикал, помахал ручкой недавнему противнику и всосался в потолок.

На пару мгновений воцарилась тишина; потом идиль неторопливо убрал ногу с «дыры» и позволил ей растаять.

— Поздравляю, ты успел в последнюю минуту, Гордин.

Я невольно оглянулась, не понимая, к кому он обращается, и успела заметить, как дрогнуло лицо колдуна.

— Не называй меня так!

— В этом ты не властен. Я не хочу знать тебя другого.

Ой, они что, знакомы?!

— Я уже давно другой, и никогда не буду прежним. Я не собираюсь ничего с тобой обсуждать. Уходи.

— Я пришёл за девушкой.

— Она останется здесь.

— Не останется.

— Ты хочешь забрать её? — сощурил глаза колдун. — Что ж, попробуй. В прошлый раз я пожалел тебя. Больше я жалеть никого не намерен.

Он легонько толкнул меня в сторону, но я отлетела к самому окну. Вжалась в угол и с содроганием стала смотреть за магической потасовкой.

Вопреки невольному ожиданию эффектных приёмчиков вроде огненного дождя или ледяных стрел, колдуны сначала долгое время стояли неподвижно, сверля друг друга неприязненными взглядами. Потом идишь как бы нехотя поднял руку, и в сторону его противника полетел невидимый воздушный поток. В чём была его опасность, я не поняла, но Моран легко отбил волну и послал встречную, только насыщенно-чёрную, закрутив её спиралью. Вокруг старика замелькали полурассыпанные пучки травы, на миг полностью скрыв его фигуру, а когда всё улеглось, я обнаружила его стоящим рядом со мной.

— Встань-ка впереди, вот так...

Моран резко обернулся в нашу сторону и со злостью сжал кулаки.

— Старый трус, спрятался за девчонку!

— А ты молодой растяпа! И дурак, раз думаешь, что я куплюсь на твои оскорбления. Оставь Лериэлу в покое, не мучай ты эту бедную девочку, если она тебе не нужна! Давай обсудим твои условия, попробуем найти компромисс... Мы ведь до сих пор не знаем, что ты хочешь.

— Не притворяйся. Вы оба всё давно поняли. Я оставил «входной билет» — на одного.

— Да, это было очень эффектно... Так, значит, обмен? — прищурился идишь.

Моран долго молчал, мрачно глядя в нашу сторону, потом коротко кивнул.

— Да, обмен.

— Ну, что же... — задумчиво протянул старик. — Я ей передам...

И вдруг молниеносно выбросил вперёд правую руку.

Моран почти успел отклониться. «Почти» — потому что узкий кинжал всё же чиркнул его по скуле. Вроде бы несильно, но я испуганно вскрикнула: щёку стало буквально заливать кровью. Колдун пошатнулся и упал на колени, с ненавистью глядя на довольного Кира. Тот схватил меня за руку, по широкой дуге обогнул своего вмиг обессилевшего противника и стал поспешно «вызывать» новую «дырку». Пол под его ногой зашипел и снова начал таять.

Я не выдержала и оглянулась на Морана. Он уже лежал на спине, запрокинув залитое кровью лицо, бледный и неподвижный.словно мёртвый... О, боже!

— Стой, ты куда, глупая девчонка?!

— Вы убили его!! Зачем?!

Я вывернулась из-под руки старика и рухнула на колени рядом с Мораном. Приподняла его безвольную голову, одновременно пытаюсь оторвать от платья кусок подола, чтобы остановить кровь.

— Прекрати истерику, он всего лишь без сознания! Вернись, я не могу так долго держать проход!!

— Но мы не можем его здесь бросить, он умрёт!

— Оставь его слугам, иди сюда!! — загрохотал взбешённый моим поступком идишь.

И тут Моран открыл глаза.

— Не уходи...

Я скорее угадала, чем расслышала его слабый шёпот.

Что мне делать?!

Беспомощно оглянувшись на верховника, я вдруг увидела, как к нему, бешено вращая глазами и огромной «книжной» цепью, вновь несётся всклокоченный Драхмар. Старик в сердцах плюнул и успел исчезнуть в дыре за долю секунды до того, как по ней пришёлся удар цепи. Затрещало, заискрило, цепь с оглушительным звоном лопнула, до середины поглощённая затянувшейся дырой... И всё стихло.

Идиль был уже, наверное, в королевском замке.

А я — я по своей глупости осталась здесь.

Драхмар издал победный клич, но взглянул на Морана и сразу заткнулся — с тем, чтобы тут же завопить ещё громче:

— Ааа! Старый урод, что он сделал?!

Я молча протянула ему кинжал.

— Брось его! Брось скорее, он отравлен!!

Я в ужасе разжала пальцы и снова наклонилась над неподвижным телом Морана.

— Он... умрёт?

— Нет! Нет, если ты не поторопишься! Надо срочно отнести его к себе, там хранятся нужные зелья... Беги, зови слуг, живо!

— Но вам быстрее...

— Да не видят они меня, эти олухи деревенские! — злобно ощерился призрак. — Давай, беги, время дорого!

И я побежала, даже не побежала, а полетела по коридору на кухню, громогласно взывая к запропавшей парочке. Задним числом я сообразила, что они наверняка целовались в каком-нибудь уголке — примчались оба красные, растрёпанные...

Без колдовства транспортировка массивного хозяина оказалась делом непростым. Brent с натугой подхватил его под плечи, Мирна взялась за ноги, я поддерживала спину. Мы дружно взмокли, пока дотащили его до нужных дверей.

Я запоздало вспомнила, что Моран закрывает их магически, но сейчас призрак подсуетился, и двери стояли нараспашку. Мы перенесли колдуна через «меховую» комнату в спальню и осторожно уложили на кровать.

Драхмар тут же принялся руководить: через меня послал Brentа за вином и ещё одним тёплым одеялом, велел Мирне осмотреть хозяина на предмет других повреждений и аккуратно размотать мою неумелую повязку. А сам вместе со мной начал методично прочёсывать шкафы

и ящички в поисках нужных для противоядия ингредиентов.

Общими усилиями мы нашли три склянки, пакет с вонючим порошком и россыпь странных чёрных камушков в похожем на спичечный коробке. Под руководством покойного колдуна я осторожно отмерила каждого средства и смешала в большом серебряном кубке. Буро-зелёное творенье щедро разбавили принесённым вином и по глоточку дали выпить больному. К счастью, к этому времени Моран пришёл в сознание, но казался настолько слабым, что у меня невольно сжималось сердце. Потом мы с Мирной тщательно промыли рану на щеке, и я присыпала её растёртыми в порошок травами.

Слуги, которые почему-то в упор не видели Драхмара, поневоле прониклись безмерным уважением к моей выдержке и нежданному профессионализму; у меня уже не хватало сил их переубеждать. Призрак велел отпустить их пока отдыхать и мне посоветовал сделать то же самое, но я отказалась. Моран всё ещё ужасно выглядел, вдруг ему потребуется помощь, а никого не будет рядом?

Драхмар, соглашаясь, пожал плечами и устроился на спинке ближайшего стула, я осталась сидеть в ногах кровати. Вскоре прибежал явно выпущенный Мирной кот, беспокойно помявквал и свернулся в толстый шар чуть ли не на голове уснувшего хозяина. Я хотела согнать его, но Драхмар не позволил.

— Кошки — очень чуткие лекари, мальчишке повезло, что у него есть такой преданный друг.

— Ага, преданный! Такой за кусок колбасы родную маму-кошку продаст, не то, что человека...

— А вот тут ты не права, деточка. Этому шkodнику уже скоро тридцать лет, Моран подобрал его ещё когда сам был подростком. С тех пор они вместе прошли огонь и воду, и вот теперь в благодарность парень делится с Тео своим замедляющим время фокусом. Сам себе недодаёт, но кот — это святое!

— Понятно... Скажите, а сколько вы знаете Морана? И откуда его и вас знает верховный идиль?

Призрак раздражённо почесал пятку.

— Про этого жидкобородого выпендру не спрашивай! Мы друг друга терпеть не могли ещё будучи учениками одного великого колдуна. Потом он сумел как-то подольститься к королю и занял этот совершенно незаслуженный пост. А я был паренёком скромным, ходил себе по свету, потом задумал и построил колдовской замок. Моё любимое детище, моя гордость! Слава про него достигла даже этого старого засранца, и он явился «перенимать опыт», а на самом деле чуть не выкинул меня отсюда обманом. Уж я ему отомстил... И после этого сделал замок невидимым. После смерти (не хочу сейчас об этом говорить) мой бедный заброшенный дом и нашёл Моран. Он тогда ещё не был колдуном, просто неприкаянно шатался по миру. Я и взял его к себе в ученики, можно сказать, посмертные. Мы отлично поладили...

— Значит, идиль познакомился с ним ещё раньше? Кстати, он назвал его другим именем. Гордон вроде бы...

— Гордин, — тихо поправил призрак. — Это его настоящее, неколдовское имя. Он не любит, чтобы его так называли.

— А мне оно больше нравится. Не такое злое...

— Конечно. Моран — на одном древнем языке означает «опустошение».

— Мор. Смерть...

— Типа того. Он сам его себе выбрал.

— Потому что тогда чувствовал себя таким — опустошённым, никому не нужным, да? Это... из-за той девушки? Она вышла замуж за другого?

— Угадала.

Я некоторое время изучала собственные туфли, потом всё же решилась спросить:

— Он ведь всё ещё её любит?

— Почему ты так решила?

— Он не вернулся к своему имени. И — он по-прежнему одержим мстью. Отвергнутая любовь сделала Морана жестоким, циничным, он разочаровался в людях и не хочет ничего менять, хотя сам, возможно, понимает, что это неправильно. Это разрушает его... Разве я не права?

— Почти.

Я вздрогнула и обернулась — хриплый голос принадлежал не призраку.

— Ой, проснулся! Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно...

Моран облизал пересохшие губы, и я поспешно подала ему кружку.

— Интересные вы тут разговоры разговариваете...

— Да мы так... просто болтаем себе, — отчего-то смутился Драхмар. — Лериэла, детка, посиди с ним пока, я тут вспомнил, надо срочно слетать в одно место...

И призрак с преувеличенно-бодрой улыбкой устремился к потолку.

— Что это с ним?

Моран усмехнулся одним уголком рта.

— Ему неловко, что он нарушил наш договор.

— Никому про тебя не рассказывать?

— Именно.

— Не сердись на него, я первая начала его расспрашивать...

— И смогла, наконец, удовлетворить своё женское любопытство.

— Только отчасти. Ведь ты сам мне больше ничего не расскажешь?

Он неопределённо хмыкнул, что можно было расценить как «нет» или «когда-нибудь позже». Я

решила не уточнять.

— Гордин!

Он резко привстал на локте, скривился и снова лёг.

— Не называй меня так.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я спасла тебе жизнь, Гордин. Я могла бы уйти с Киром и оставить тебя умирать в этой дурацкой комнате. Но я осталась. И потому сейчас я могу себе позволить не подчиниться. Я хочу называть тебя Гордин. И я буду называть тебя именно так. Если тебе это так неприятно — можешь меня заколдовать или отрежь язык. И перестань так дико на меня таращиться, а то я сейчас уйду.

Я, наконец, отвела глаза, запоздало поражаясь собственной смелости. Моран-Гордин долго молчал; я уже решила, что он снова заснул, как вдруг почувствовала лёгкое прикосновение.

— Никогда не думал, что красивая девушка может быть ещё и умной, — с невесёлой иронией произнёс он. — Но ты, кажется, снова права, моя маленькая спасительница... Я сейчас у тебя в долгу. Наверное, не стоило втягивать тебя в эту глупую историю... Но — так уж получилось. И, скажу честно, я рад, что ты оказалась здесь.

— Так я могу называть тебя Гордин?

— Да.

— Ну, спасибо. Так, давай-ка ты ещё поспи, а я пойду...

— Остайся.

— Это приказ?

Колдун невольно прикусил губу.

— Это просьба.

— Хорошо.

Он не без труда закинул руки за голову и принялся изучать потолок.

— Лериэла.

— Да?

— А зачем ты вообще хочешь вернуться в Кальберру? Там намного лучше, чем здесь?

Я недоумённо пожала плечами.

— Не понимаю твоего вопроса. В королевский замок меня не тащили силой, я пришла туда добровольно.

— Только потому, что тебе некуда было идти.

— Потому что я встретила по-настоящему благородных, сострадательных людей, которые захотели мне помочь.

— И которые — вот удача! — оказались королевских кровей. Кто бы отказался от столь завидной доли!

— Дурак ты и ничего не понимаешь, — не выдержала я. — Да мне все эти титулы вообще до лампочки, наоборот, всё только напрягает и ограничивает. А уж приказывать слугам для меня и вовсе было пыткой, но что я могла сделать?! И вообще... Ты забыл одну маленькую деталь.

Гордин понимающе скривился.

— Лориан, твой золотой мальчик. Прекрасный принц, готовый бросить всё королевство к твоим ногам, мечта...

— Любой сопливой идиотки, — машинально закончила я.

Колдун скосил на меня глаза.

— Не знал, что ты о себе такого интересного мнения.

— Давай не будем обсуждать Лориана. Он и так, наверное, весь измучился...

— Бедный, бедный брошенный жених!

— Ну, хватит уже! — разозлилась я. — Ты и в самом деле бессовестный! Сам всё испортил, и ещё издевается!

— Извини, больше не буду. Позволь только последний вопрос.

— Ну?

— Ты любишь его так же сильно, как и он тебя?

— Я не могу сравнивать такие вещи.

— И всё-таки?

— Да что ты привязался?! Если я скажу «да», то тебе срочно станет стыдно, и ты меня отпустишь?

— Нет, конечно.

Я с трудом удержалась от непечатного эпитета в его адрес и встала.

— Гордин, ты наглец и больной на всю голову...

— Ага.

— ...И мне надоел этот бессмысленный разговор.

— Поэтому ты лучше уйдёшь, чем ответишь на мой вопрос, — констатировал он.

— Ты не мой психоаналитик, и я не должна тебе исповедоваться.

— Какие заумные слова! Ты, конечно, права — в том, что ничего не должна. Даже посидеть ещё немного с увечным колдуном...

— Который в больном состоянии ещё более невыносим, чем в здоровом, — проворчала я. — Мне уже пора молоко за вредность давать...

— Ты проголодалась?

— Нет, а ты?

— Мне сейчас нельзя есть, это помешает регенерации. Так что давай ещё немного поговорим.

— О чём?

— О тебе.

— Обо мне неинтересно...

— Напротив.

Гордин не без труда сел; я поспешила подсунуть ему под спину подушку.

— Обычно я неплохо разбираюсь в людях. Профессия такая... Но твои мысли, поступки мне непонятны. Ты не боишься меня, хотя я часто даю для этого повод; ты не хочешь лгать даже ради надежды на освобождение. Ты не испытываешь восторга от собственных высочайших перспектив, они ведь всё ещё реальны. Почему? О чём ты думаешь?

— Я скажу тебе, и, может, ты, наконец, от меня отстанешь, — устало ответила я. — Мне трудно в вашем идеальном мире. Всё у вас непривычное, какое-то чрезмерное: и Лориан со своей неземной любовью, безупречный настолько, что даже тошно, и ты, злой колдун, с которым почему-то бывает ужасно интересно, и все эти тайны, магия... Мне надоело жить вслепую, ничего не решая, надоело чувствовать себя вещью, которую все друг у друга отбирают, не спрашивая, чего хочу я сама.

— И чего ты хочешь? Вернуться в Кальберру и выйти замуж за Лориана? Променять одну клетку на другую — но только золотую?

Я закусила губу.

— Спасибо, ты попал в точку. Возможно, я лишь пытаюсь убедить себя, что меньшее зло на самом деле — высшее благо. Да, я везде чувствую себя несвободной, везде мне приходится заставлять себя жить по чужим правилам. Ты спрашиваешь, чего я хочу — по-настоящему? Так вот: если бы у меня был выбор, я была бы сейчас у себя дома. В маленькой квартире вместе со своими любимыми родителями. Здесь я — всего лишь какой-то переходящий приз. А дома — личность, понимаешь? Сама принимаю решения, отвечаю за них и сама могу за себя постоять.

Гордин задумчиво кивнул и закрыл глаза; похоже, моя речь его утомила.

Не дождавшись ответа, я постояла минуту в нерешительности. Лучше бы ему спать в нормальном положении, а не полусидя, но и будить, если он уже заснул, жалко...

Я на цыпочках подошла к кровати и поправила сползающее одеяло, прислушалась к ровному дыханию колдуна... И вдруг сделала нечто для себя неожиданное — наклонилась и быстро поцеловала его прямо в свежий порез на щеке.

Его ресницы дрогнули, и я пулей вылетела из комнаты.

На следующий день мы встретились за завтраком. К моему изумлению, Гордин выглядел вполне здоровым, разве что более бледным. На месте вчерашней раны змеился тонкий беловатый шрам.

— Ничего себе темпы!! Да вы, батенька, просто колдун какой-то!

— Сказать по правде, я и сам удивлён, — признался он. — Так быстро восстановиться у меня никогда ещё не получалось. «Украшение» это должно было заживать неделю, а то и все две, а тут... Сказать тебе одну вещь? Только обещаю не смеяться... Мне приснилось, что ты меня поцеловала, и от этого рана сразу затянулась.

Не знаю, говорил ли он искренне или хотел посмотреть на мою реакцию, но я благополучно покраснела и тем себя выдала.

Гордин порывисто встал.

— Это... было на самом деле?

— Извини. Это вышло... случайно. Я чувствую себя ужасно глупо.

— Зато я рад — ты даже не представляешь как... Спасибо.

Он взял мою руку и положил её себе на грудь, туда, где часто и гулко билось сердце.

— Может, ты поцелуешь меня ещё раз, чтоб и шрама не осталось?

Я замотала головой и выдернула руку.

— Стесняешься? Ну, хочешь, я глаза закрою? Давай проверим, вдруг ты тоже обладаешь целительской магией? Может, из тебя получится великая колдунья!

Это предположение невольно меня заинтересовало и сместило акценты.

— Ну, ладно. Только в самом деле закрой глаза. И не подглядывай!

— Не буду.

Гордин послушно закрыл глаза и слегка наклонился, но мне всё равно пришлось встать на цыпочки и ухватиться за его плечо. Шрам был довольно длинный, и я легонько провела по нему губами, потом, помедлив, лизнула языком, как кошка. Гордин судорожно выдохнул и, не открывая глаз, привлёк меня к себе.

— Ещё.

Я уткнулась в его распахнутую на груди рубашку, малодушно уступая желанию послушаться...

И тут на пороге возникла вездесущая Мирна с подносом.

— Ой, извините.

Она резво дала задний ход и уже из коридора крикнула во весь голос:

— Нет, Brent, погоди нести горячее — остынет! Там хозяйева целуются!

Мы с Гордином рефлекторно отпрыгнули в разные стороны, красные до ушей. Потом посмотрели друг на друга и безудержно расхохотались...

— Как же я всё-таки рада, что тебя теперь можно называть нормальным именем. У того была ужасно мрачная энергетика...

— Мрачная что?

— Ну, в наших краях древнее имя смерти — Морана. Мне было неприятно лишний раз его произносить... Генетическая память, наверное.

— На всё-то у тебя найдётся какое-нибудь заумное объяснение! А с этим именем у тебя есть ассоциация?

— Есть, самая банальная, — усмехнулась я. — Гордин — гордость. Тебе подходит.

— Может, и так. А скажи, — вдруг спросил он. — Что означает твоё имя? Леризела — какой-нибудь нездешний цветок или звезда?

Я улыbnулась и замотала головой.

— Сказать тебе, что ли, страшную тайну?

— Обожаю страшные тайны!

— Ну, так вот: на самом деле это не совсем моё имя, я придумала его под ваши традиции, чтобы не выделяться. Моё настоящее имя — Валерия, Лера. Честно говоря, я не помню, что оно означает.

— Хм... Лера?

— Так зовут близкие — родители и друзья. Мне нравится. Ну, это как Лориану сократить до Лоры или тебя — до Гора.

— Гор? Скажешь тоже...

— А что плохого, Гордин-мордин?

— Ах, так?! Лера — ... хм...

Я захихикала и показала колдуну язык. Обидное детское «Лера-фанера» явно не придёт в голову жителю этого мира.

— Тогда твой Лориан — Лорик-кайорик! — победно объявил Гордин.

Зря радовался — эту изошрённую рифму я также не смогла оценить.

— Что такое «кайорик»?

— Мелкий ушастый зверь воот с такими зубами!

Он тут же изобразил этого местного «зайца», да так смешно, что я чуть не сползла со стула.

Надо же, ещё две недели назад я и подумать не могла, что с этим «страшным колдуном» мне будет так весело!

Проходили дни — и многие часы, которые я проводила с Гордином.

Я прекрасно понимала, что лгу самой себе, пытаюсь общаться с ним на нейтральной дистанции. Меня всё больше тянуло к этому противоречивому человеку, от которого зависело сейчас моё будущее. Он не был до конца искренен со мной, не давал напрасной надежды на то, что собирается отказаться от своей запланированной мести. Мы старательно избегали говорить о том, что будет, когда истечёт отмеренный им месяц. Срок стремительно приближался и этим порой приводил меня в отчаянье. Я боялась — произойдёт что-то ужасное, непоправимое, и я не смогу этому помешать... Или всё же попытаться?

Как-то Гордин вместе со своим учителем решили детально «разобрать по косточкам» моё магическое дарование. Я, естественно, находила эту идею глупой, но они меня уговорили. Устроили что-то вроде теста с практическими заданиями на «колдовскую соображалку», Гордин даже храбро выпил приготовленное мной по книжке зелье — и результат их категорически устроил. То есть способности у меня явно были, их оставалось только развить.

Но откуда?! Драхмар с умным видом изрёк, что, по-видимому, это у меня наследственное, и красноречиво указал на бабушкин перстень. Это-де вещь просто пахнет колдовством, и прекрасно сочетается при этом с моей собственной (выражаясь современным языком) энергетикой. От предположения, что кольцо как магический артефакт вполне могло поспособствовать моему сюда перемещению, я просто села. Что за бред?! Хотя... Вдруг вспомнилось, как мама когда-то рассказывала, что это кольцо — не просто фамильная ценность. Согласно семейной легенде, его передавали только по женской линии, и все девочки строго через поколение обладали какими-нибудь необычными способностями. Её мама, а моя бабушка, например, всю жизнь гадала на картах (конечно же, не афишируя это антикоммунистическое занятие), причём её гадания всегда стопроцентно сбывались. Она неплохо зарабатывала на своём таланте и умудрилась даже не угодить за это в места не столь отдалённые; наоборот, к ней частенько шастали тайком весьма непростые люди... Она также предсказала маме ранний брак и рождение дочери, то есть меня, и завещала всячески развивать мои дарования, в коих заранее не сомневалась. Её собственная бабка, к слову, вроде бы родила дочь не от законного мужа, а чуть ли не от какого-то великого князя, и славилась в своё время «неземной красотой» и «волшебным голосом», но это уже непроверенная информация... Так что почему бы в такую семью до этого не затесалась и какая-нибудь профессиональная колдунья или хотя бы опытная травница, которой молва приписала умение чаровать? Надеюсь, хоть не порчу наводить, только этого мне не хватало...

Может ли быть так, что старинный семейный артефакт всё же сыграл свою роль в истории с перемещением витающей в облаках хозяйки? Она рисовала свой придуманный мир и вкладывала в него так много своей энергии, что в конце концов «вынудила» какие-то неведомые силы осуществить тайное желание оказаться в нём? Эх, если бы глупышка тогда знала, чем всё это обернётся...

Я взяла себя в руки и постаралась не отвлекаться на бессмысленные стенания типа «ах, если это правда, выходит, я сама себя сюда и сослала, тупая колдунья, где были мои мозги, и как вернуть всё обратно?» Как вернуть, по крайней мере попытаться — вот вопрос, над которым стоило ещё раз хорошенько поразмыслить, но позже, когда разрешится нынешняя мучительная ситуация. А пока я усиленно читала данные Гордином книги по технике колдовства, изучала травы и пыталась сотворить простые бытовые заклятья. Получалось, кстати сказать, неплохо... Я заикнулась было о желании научиться и чему-нибудь посложнее,

вроде боевых заклинаний, но Гордин категорически отказал под предлогом, что для этого нужна гораздо более серьёзная, многолетняя подготовка. Пока он несёт за меня ответственность, то не собирается рисковать моим здоровьем и, возможно, жизнью. Оставалось язвительно сказать ему «спасибо» и смириться с тем, что с опытными колдунами мне пока не тягаться и в случае чего заметно повлиять на ситуацию я не смогу.

Между тем Гордин со временем и сам нервничал всё больше, хотя и старался этого не показывать. Он мог замолчать на полуслове, размышляя о чём-то о своём, то вдруг вскакивал и куда-то уходил прямо посреди обеда, а однажды, разозлившись на какую-то мелочь, выхватил у Мирны и расколотил об пол целый поднос с посудой. Потом он неизменно извинялся за своё невежливое поведение, но даже неугомонный призрак предпочитал пока держаться от него на расстоянии.

Мне не помешало бы сделать то же самое. Но я не могла...

Сколько раз я ловила на себе мрачный тоскливый взгляд колдуна, сколько раз я вставала, чтобы подойти к нему, поговорить, наконец, по душам, обнять... Но вместо этого просто уходила. Гордин тоже ещё раз попытался меня поцеловать, но я вывернулась и смогла как-то обратить это в шутку. Он всё понял и больше попыток не возобновлял...

Мы напоминали сейчас двух танцоров — шаг вперёд, два шага назад, снова сближение и снова поспешное бегство... Я душевно вся измучалась, но продолжала, как и он, изображать, что всё в порядке.

Мы сидели в «каминной столовой» и молчали. Я облокотилась о высокую спинку кресла и неотрывно смотрела на огонь, Гордин устроился напротив, цедил вино и беспокойно ворочался на месте. Потом встал, медленно приблизился и сел у моих ног. Осторожно прикоснулся к струящимся почти до пола волосам и вдруг со стоном зарылся в них лицом. Я застыла, неимоверным усилием воли заставив себя не поворачиваться.

— Что же ты со мной делаешь... Кто тебя создал на мою голову?!.. Зачем всё это, какой теперь в этом смысл?! Ты меня заколдовала, ведьма зеленоглазая...

— Хочешь, чтобы я ушла? Отпусти, я уйду, и мы оба не будем мучаться. Отпусти меня, Гордин...

— Нет! Я не могу! Не проси меня об этом... Никогда.

Я с трудом удержала рвущиеся наружу слёзы.

— Но компромисс невозможен, ты сам так хотел. Что нам делать, скажи?!

Ответ на этот вопрос явился неожиданно — в виде робеющей Мирны.

— Хозяин, простите, но за стеной у входа стоит какой-то дедушка воот с такой бородой и кричит, чтобы мы его впустили. Он-де по поводу обмена, вы сами его звали...

Гордин поднял голову, и от его взгляда сам собой вспыхнул тусклый гобелен на стене. Впрочем, он тут же потух, а колдун с нечленораздельным ругательством выскочил вон из комнаты. Перепуганная Мирна побежала следом.

Итак, началось...

Назначенный срок минует только через три дня, но «потерпевшая» сторона решила отчего-то форсировать события. Будут ли Гордин с идилом снова драться или сейчас состоится этот загадочный «обмен»? Меня — на что? Кир знает какой-то главный колдовской секрет? Или...

Я повернула голову и вдруг увидела в дверях женщину. Она со вздохом облегчения поспешила мне навстречу, и я узнала королеву Лориану. Она сама пришла за мной! Но как ей удалось войти в замок — то, что оказалось не под силу даже главному колдуну?! Удивительно...

В неровном свете камина Лориана показалась мне похудевшей и усталой, но всё равно потрясающе красивой.

Мы обнялись.

— Ну-ну, Лериэла, теперь всё будет хорошо, не плачь! Всё закончилось...

— Но идишь... Они уже договорились, так быстро?

— Не о чем договариваться. Он пришёл проводить тебя к Лориану, дочка, ты ведь не выберешься отсюда сама.

— А вы?

— А я останусь, — вымученно улыбнулась королева.

— Но зачем?!

— Таково было условие Гордина. Я пришла, чтобы выйти за него замуж.

Сначала я подумала, что ослышалась. Что за бред она городит, она-то здесь причём??

И тут — тут я наконец-то всё поняла.

Гордин вихрем влетел в комнату, с грохотом опрокинул по дороге массивное кресло... и замер.

Я с силой прикусила губу, унимая предательское дрожание подбородка. Униженная, обманутая, я не собиралась доставлять колдуну «прощальное удовольствие» своим жалким видом. Я больше не посмотрю на него. Никогда, никогда...

— Ну, здравствуй, Гордин, — негромко произнесла королева. — Вот мы и встретились с тобой. Я пришла раньше срока, потому что не могла больше ждать. Ты был прав — для матери нет вещи больнее, чем смотреть на страдания своего ребёнка. Я не могу больше выносить то, что по моей вине Лориан едва жив от горя. Поэтому сейчас я здесь. И сделаю всё, что ты захочешь.

Лориана ободряюще улыбнулась мне, и я увидела в её глазах бесконечную усталость. Ей было всё равно, что её ожидает.

У меня ослабели ноги; на счастье, рядом оказался стул. Я смотрела на Лориану, Гордин — попеременно на нас обеих.

— Ты ведь отпустишь девочку? Она тебе больше не нужна.

Никогда не думала, что эти слова принесут мне не долгожданную радость, а вонзятся в сердце, словно тот отравленный Киrom кинжал.

Не нужна...

Ну и хорошо.

Я собрала последние силы. Расправила плечи и встала.

— Лера.

Я не обернулась. Уже у двери услышала приглушённо-злое:

— Я тебя не отпускаю.

— Отстань от меня!!

Отдышалась я уже наверху, на той самой смотровой площадке.

Зачем я здесь, ведь надо было идти навстречу идилю? Да, сейчас... Налетевший ветер попытался разметать тяжёлые волосы, осушить горькие непрошенные слёзы. Оказалось, я плакала прямо на бегу. Дура, дура...

Я легла грудью на перила и закрыла глаза. В свете заходящего солнца окружающий пейзаж казался цветной картинкой из детской книжки — такой умиротворяющее-прекрасный, но я дала себе зарок не смотреть вниз. Чтоб не поддасться искушению раствориться в этом равнодушном безмолвии, став его маленькой безымянной частью. Всего один шаг... Нет. Такой радости я ему доставлять не собираюсь.

Резкий хлопающий звук заставил меня приоткрыть глаза и увидеть прямо перед собой зловещую чёрную птицу. Она стремительно опустилась на парапет и превратилась в человека.

Я метнулась обратно к выходу, но колдун успел схватить меня за локоть.

— Лера. Нам надо поговорить.

Я упрямо смотрела в сторону.

— Лера, пожалуйста.

Он не выдержал и развернул меня к себе, пытаясь поймать мой взгляд. Положил руки на плечи — и я упёрлась сжатыми кулаками ему в грудь.

— Лера...

— Забудь это имя. Меня для тебя нет и не было.

— Не говори так... Прошу, выслушай меня! Это ненадолго.

Я наконец-то взглянула на него в упор, старательно подражая Снежной королеве.

— Нет. Ты мог сказать мне всё раньше, но не захотел. А теперь слишком поздно. Я больше никогда не поверю тебе.

Я оттолкнула его руки и направилась к выходу. Колдун догнал меня у самой двери, сгрёб в объятия и зашептал в волосы что-то неразборчивое. Я хотела возмутиться, вырваться — и вдруг с ужасом обнаружила, что не могу пошевелиться. Хотела закричать, но из горла вырвался

бессильный, едва слышный хрип. Заколдовал, скотина бесчестная! Мало ему моих мучений, хочет унижить ещё больше, растоптать до конца... Ненавижу!!

Гордин между тем облегчённо выдохнул и аккуратно посадил меня на маленькую скамейку у парапета. Сам остался стоять — растрёпанный, с лихорадочно горящими глазами на бескровном лице. Ворон...

— Прости, но у меня не было другого выхода. Ты должна меня выслушать, Лера. Потом я тебя отпущу, обещаю.

Я взглядом постаралась показать, что думаю о таких обещаниях. Но делать было нечего — пришлось слушать.

Гордин говорил отрывисто и по-мужски скупно, но моё воображение против воли дорисовало мне подробности жизни обычного уездного паренька, каким он был двадцать с лишним лет назад. Сирота, который благодаря способностям к врачеванию надеялся скопить денег на собственное хозяйство и дальнейшее обучение. А потом жениться на своей любимой девушке. Её отец жил в домике по соседству, часто хворал, и Гордин лечил его безо всякой оплаты, как и многих других своих бедных соседей. С его дочерью, красавицей Лорианой, юноша сначала просто дружил, втайне давно влюблённый, но не смеющий ей в этом признаться. Постепенно и сама Лориана поняла, что не только лишь одна благодарность заставляет её так радоваться приходу симпатичного травника, что она чувствует к нему нечто большее... Молодые люди, наконец, открылись друг другу и дали слово пожениться сразу же, когда Гордин скопит достаточно денег на свадьбу. Всего-то лишь пара лет, а, может быть, и меньше... Он работал с утра до ночи, стремясь приблизить этот желанный миг, и не сомневался, что всё получится, что они с Лорианой будут очень счастливы.

И вдруг всё переменялось. Нелепая случайность, злая насмешка капризной судьбы... В их городке проездом оказался наследный принц Деймар. Шедшая по улице красивая девушка привлекла его внимание, он остановил коня, завёл с ней разговор... И тут же влюбился по уши. К ужасу свиты, Деймар предложил этой простолюдинке поехать с ним в Кальберру и стать его женой. Лориана, впрочем, отказалась, сказав, что уже дала слово другому, но принц и слушать ничего не хотел. Узнал, где она живёт и притащился к её отцу с официальным предложением. Бедный провинциальный учитель был раздавлен свалившейся на него честью и с перепугу пообещал дочь ему в жёны, если только его собственные родители не будут против. Деймар тут же помчался в столицу за благословением, Лориана же была безутешна. Несмотря на то, что принц был очень красив и обходителен, она чувствовала себя не вправе предавать своего жениха. Все соседи уговаривали девушку перестать упрямяться и не упускать свой единственный в жизни счастливый шанс, потом-де будешь локти кусать, да поздно, а так и себя обеспечишь до конца своих дней, и отец сможет пожить, наконец, в довольствии и, глядишь, совсем перестанет хворать... Гордин, слыша эти разговоры, предложил любимой спрятаться на время и пожениться тайно, но Лориана боялась, что тогда рассерженный принц захочет отомстить её отцу, и отказалась. Деймар вернулся быстро, да ещё и не один. Семью Лорианы почтил своим визитом сам король, ошеломлённый выбором сына и захотевший сам во всём разобраться. Такого несчастный кандидат в сваты просто не пережил — его хватил удар, и он скончался на руках дочери. Король, чувствуя невольную вину, был с девушкой очень ласков и вскоре объявил, что, так и быть, даёт своё благословение на брак. Лориана как-то незаметно для себя привязалась к ним обоим и в конце концов согласилась ехать в столицу. Гордина к ней не пускали; сам он попытался было выяснить отношения с Деймаром, но тот не захотел снизойти до какого-то ревнивого мальчишки и в сердцах хлестнул нагайкой по лицу. Так Гордин на всю жизнь остался с кривым носом и неугасающей с годами ненавистью к проклятому разлучнику.

До него доходили слухи, что вскоре Лориана полюбила своего высокородного мужа и умудрилась понравиться даже придирчивой свекрови. Через год весь Оберон праздновал рождение королевского наследника...

А Гордин не смог остаться на прежнем месте, где всё напоминало о случившемся, и отправился странствовать, взяв с собой единственного друга — наглого рыжего кота. Боль от предательства сделала вчерашнего идеалиста недоверчивым и жёстким; затаённая обида на людей, которым он помогал, и которые безоговорочно встали на сторону принца, со временем вылилась в отказ от профессии лекаря. Гордин предпочёл пойти в ученики к одному старому наёмнику и перенял от него прямо противоположное умение — убивать. Этим и зарабатывал несколько лет, попутно развивая свой внезапно обнаружившийся магический дар. Потом были учителя-колдуны, первым из которых был небезызвестный Кир, а последним — злобный полусумасшедший некромант; тайные заказчики редких ядов и сомнительных амулетов, всё возрастающая слава в определённых кругах. И наконец — случайно обнаруженный в лесной чаще зачарованный замок и его призрачный хозяин, вредящий старикашка и опытный колдун, с которым Гордин, как ни странно, сразу нашёл общий язык. С тех пор он предпочитал жить именно в замке, совершая редкие вылазки в «большой мир» и продолжая совершенствовать своё мастерство. Времени для этого было предостаточно: семью Гордин так и не завёл, а согревающая душу мысль о том, что когда-нибудь он отомстит ненавистному Деймару, заставляла его заниматься ещё усерднее.

И однажды такой случай представился. Гордин (который к тому времени уже давно взял себе другое имя) узнал, что молодой король отправился в очередную поездку по стране и будет проезжать не слишком далеко от его замка. При неохотной поддержке Драхмара был придуман и осуществлён немудрёный план. Местная знать устраивала королю охоту, и никто так и не смог понять, откуда взялся громадный бешеный вепрь. Он проигнорировал всех егерьей и собак и в ярости понёсся прямо на Деймара. Король пробовал отбиться, но куда ему против такой туши! Вепрь разорвал его в мгновение ока и, не замечая многочисленных ран, нанесённых другими охотниками, скрылся в глубине леса. Там вскоре перестало действовать наложенное Мораном заклятие, и зверь благополучно истёк кровью.

Деймар умер, Лориана искренне оплакивала его и год носила глубокий траур. А потом к ней снова стали свататься женихи. Она отказывала всем, ссылаясь на свой обет. Прошло ещё несколько лет, вполне достаточных для того, чтобы перестать скорбеть и захотеть начать новую жизнь — и вот тогда могущественный колдун Моран явился в Кальберру.

Как ни странно, Лориана узнала его и даже как будто была рада его видеть. Зрелой женщиной она понравилась Морану больше прежнего: всё ещё безумно красивая, но уверенная в себе, мудрая... Она запоздало попросила у него прощения за своё невольное предательство, но, когда он предложил способ его исправить, отказала наотрез — так, как до этого всем прочим. Но он-то никакой не «прочий»! Он как никто имеет на неё право! Неужели слишком мало прошло времени, чтобы забыть своего мужа, этого жалкого человечешку?! Лориана запретила говорить о Деймаре в подобном тоне, и он не сдержался — сказал ей правду о его смерти. Королева тут же велела неудачливому жениху убираться вон, пока она не позвала стражу... Обманутый в своих ожиданиях, в очередной раз униженный колдун в гневе разнёс одну из башен замка и поклялся жестоко отомстить.

Он не хотел уничтожить Лориану, которая уже мало напоминала себя прежнюю, он жаждал лишь заставить её страдать так же сильно, как страдал в своё время он сам. Моран хотел, чтобы она сама пришла к нему и молила взять её в жёны... Увидеть гордую королеву у своих ног стало навязчивой идеей колдуна. Он по-прежнему считал, что любит её, и, как только она придёт, у них получится начать всё сначала...

Но потом — потом в его жизни появилась я. Молодая взбалмошная девчонка, невольная жертва, которую он планировал вернуть Лориану в обмен на его мать — а до этого запереть где-нибудь и забыть. Но с самого начала всё пошло не так... В тот момент, когда Моран как следует разглядел свою пленницу, она поразила его невероятной, какой-то мистической красотой; вдобавок оказалась остра на язык и легкомысленно непочтительна к похитителю. А потом и вовсе призналась, что попала в Оберон из какого-то другого, совершенно фантастического мира. Начинаящая колдунья, неискушённая и где-то наивная, самоотверженная и гордая, загадочная и невероятно женственная... Она зачастую ставила в тупик опытного хозяина замка. И даже не подозревала о том, насколько сводит его с ума...

Девушка, так не похожая на Лориану. Девушка, с которой он не хочет расставаться... даже ради Лорианы.

Гордин замолчал и, не глядя на меня, жестом снял обездвиживающее заклинание. Я стала растирать руки, хотя они вовсе не затекли, и тоже боялась поднять на него глаза. Я не знала, что ему сказать.

— Они ждут, — наконец, буркнул колдун. — Каким будет твой ответ?

— Разве я могу что-то решать? Решаешь всегда только ты.

— На этот раз последнее слово за тобой.

— Что ты хочешь, Гордин? — устало спросила я. — Чтобы осталась одна из нас? Обоих ты не отпустишь?

— Ты правильно поняла. У тебя есть выбор.

— А у Лорианы?

— Я спрашиваю тебя.

Я помолчала, стараясь унять дрожь в пальцах. Моя дальнейшая судьба решится сейчас. И судьба королевы, и Лориана. Лориан... К глазам подступили невольные слёзы. Мой бедный страдающий мальчик! Я — настоящее чудовище, я о тебе почти не вспоминала... Проклятая предательница!

— Если я не вернусь, Лориану будет очень плохо...

— А если уйдёшь... будет плохо мне.

— Неужели?

Гордин быстро взглянул на меня и снова опустил голову.

— Я только сейчас окончательно понял, как бездарно потратил все эти годы, закликаясь на своей мести. И в результате сам себя загнал в ловушку. Я был так одержим Лорианой — столько лет, каждый свой день — а теперь чувствую, что перегорел, что мне стало всё равно. Но я — всё тот же злой колдун, забыла? И я не занимаюсь благотворительностью. Так что выбирай — или она, или ты. Можешь заодно подумать, что будет лучше для государства.

— Это нечестно! — разозлилась я. — Впрочем, это как раз в твоём стиле, чему я удивляюсь, глупая! Лориана сказала, что он там умирает от горя... Ты смеёшься?!

— Её сынок — всего лишь избалованный ребёнок, которому ни в чём до этого не было отказа. Он ещё слишком молод... Переживёт! А я, если хочешь, даже могу ему помочь.

— Дать по голове и отбить память?

— Что, у вас так делают? Нет, у меня, к сожалению, не такой простой способ, — в тон мне отозвался колдун. — Есть у меня один сильный амулет — я сам его сделал, он поможет ему справиться с тоской, смягчит её, а со временем он и вовсе, возможно, излечится. Лориан сможет забыть тебя и жить дальше.

— Ты не врешь?

— На этот раз нет. Амулет помог мне самому, правда, не в той степени, на какую я надеялся. Моя магия лучше действует на других.

— Понятно, — вздохнула я. — А что тогда будет со мной?

— Я хочу, чтобы ты осталась. Не Лориана, ты.

— И надолго? Пока не надоем?

Гордин твёрдо встретил мой невесёлый взгляд.

— Навсегда.

— Очень «заманчиво». Живая игрушка — до смерти...

— Нет. Не игрушка. Жена.

Я вскинула на него расширившиеся от изумления глаза.

— Что... ты сказал? Ты это серьёзно?

Он молча кивнул, а потом шагнул ко мне и сжал в объятиях, зарылся лицом в волосы на макушке. Я снова почувствовала предательские волны внизу живота, но на этот раз у меня не хватило сил оттолкнуть его. Я просто этого не хотела...

Мы целовались долго, неистово, на самом ветру. Потом Гордин слегка отстранился и заглянул мне в глаза.

— Лера... Ты согласна?

— Да.

Я ответила прежде, чем как следует осознала свой ответ. Ой...

— Пойдём.

— К...куда?

— Надо всё сказать Лориане.

— Я боюсь...

— Того, что они сочтут тебя предательницей? Не бойся, это не так. Хочешь, я поговорю с ней

один?

— Хочу. Она... столько страдала из-за меня... Как я ей в глаза посмотрю?!

Гордин крепко сжал мою руку и повёл вниз по лестнице.

Говорили они долго, наверное, прошло не меньше часа. Я сидела на подоконнике в своей комнате и смотрела, как постепенно удлиняются тени деревьев в саду.

Гордин вошёл совершенно бесшумно. Только чуть скрипнула дверь — а он уже стоит рядом.

Я поёжилась.

— Ну... как?

Он молча протянул мне руку. В ладони лежала до боли знакомая заколка. Я хотела взять её, но судорожно всхлипнула и прижалась лицом к его груди. Гордин осторожно обнял меня, успокаивающе погладил по спине.

— Не плачь, милая, всё хорошо... Мне кажется, Лориана смогла понять — и тебя, и меня. Она на самом деле мудрая женщина и не станет тебя проклинать. Она сказала, что хотела бы, чтобы ты была счастлива. И я обещал — скорее, самому себе — что сделаю всё для того, что бы так и было.

— А... Лориан?

— Она взяла амулет. Для всех будет лучше, если он забудет тебя и сможет когда-нибудь полюбить другую девушку.

— Дай-то Бог...

— Не плачь, Лера. Я с тобой, моя прекрасная принцесса...

Гордин мягко развёл мои стиснутые руки, пальцем снял со щеки последнюю слезинку.

— Какая же ты красивая...

— Даже сейчас?

— Всегда. Ты и представить себе не можешь, насколько сводишь меня с ума...

Я не очень уверенно попыталась вернуться от его губ.

— Не искушай меня до первой брачной ночи!

— Это я тебя искушаю?! Да я каждый раз умираю от желания, просто находясь с тобой в одной комнате! А сейчас...

— Гордин... Это... неприлично...

— Очень... ужасно неприлично... Порядочные люди так не поступают... — хрипло зашептал он мне в волосы. — Но разве... разве нам есть дело до каких-то дурацких, кем-то придуманных правил? Лера... Пожалуйста...

Последнее слово уж никак не вязалось с тем Гордином, которого я знала. Но додумать эту мысль не было никакой возможности. От его прикосновений мозг просто-напросто отключился, остались только ощущения... да какие! Мне осталось только благополучно плюнуть на свою репутацию (никому в этом лесу не важную) и символически кивнуть...

Следующие несколько дней я помню очень смутно.

Мы с Гордином не расставались практически ни на минуту. Из моей комнаты перебрались в его, чтобы вскоре разгромить и её тоже. Наверное, мы что-то ели, о чём-то разговаривали, периодически гоняли от дверей любопытную Мирну и недовольного кота — но все эти действия казались куда менее реальными и даже ненужными, отвлекающими от «самого главного». Мы как безумные дорвались друг до друга и всё никак не могли остановиться, пресытиться этой бешеной страстью, хотя казалось, должны были давно себя исчерпать.

Что мы вытворяли... Мамочки мои! Я никогда не думала, что смогу и тем более захочу делать все эти немыслимые вещи. И что Гор окажется таким фантастически «стойким» мужчиной... Нет, ну он, конечно, колдун, к тому же, по его собственному признанию «тысячу лет как одичавший без женщин», но я — я-то всегда считала себя приличной девочкой!

И тем не менее — сейчас мне было совершенно, вот ни на столечко не стыдно за своё поведение. Я просто была счастлива, я наконец-то жила по-настоящему...

Вскоре получилось так, что Гордин исполнил своё обещание, и мы как-то мимоходом, почти безо всякой предварительной подготовки взяли и поженились.

Дело было так. Прямо с утра Гордин притащил откуда-то шикарное золотистое платье, помог мне его надеть и остался явно доволен результатом.

— Не хуже королевского, а?

— Даже лучше! Не такое тяжёлое и без корсета, не душит...

— Корсет — это не ко мне, не люблю. Снимать долго, — подмигнул колдун. — Ну что, давай-ка сегодня займёмся, наконец, делом.

— До завтрака? Да ну... Что за дело-то, куда идти?

Он состроил загадочное лицо.

— В библиотеку.

Я фыркнула.

— Ну, ты даёшь! Так разрядиться, чтобы книжки почитать! Или хочешь сделать приятное Драхмару? Он обиделся, что ты всё это время не давал ему подглядывать?

— А вот пойдём, всё и узнаешь...

Он тоже надел рубашку покрасивее и торжественно сопроводил меня в библиотеку.

В дальнем углу, на своей любимой «бессмертной» книге действительно обнаружился замковый призрак с необычайно важным выражением лица.

— О, явились — не запылились! Подойдите же поближе, детки, я вас не съем!

Я адресовала Гору вопросительный взгляд, но он в это время заговорщицки перемигивался со стариком.

— Принёс?

— Да тут они, не волнуйсь! — Драхмар выразительно постучал по чёрному полированному сундучку, который стоял тут же, на книге.

— Ну, начнём, пожалуй. Лериэла... тьфу ты... Валерия, согласна ли ты взять этого хмыря в законные мужья?

Я ошарашенно взглянула на Гордина — он явно наслаждался моментом.

— Ээ... Разве привидение может выступать от лица ЗАГСа?

— Не обзывайся! Я, между прочим, целых два года занимал пост младшего идиля, а это всё равно, что твой дурацкий ЗАГС. Если не нравится, женитесь тогда вообще без свидетелей!

— Ладно, не сердись...

— Так ты согласна? Или, может, одумаешься, бросишь этого мальчишку и выйдешь замуж за меня? Учти, я куда круче — и как колдун, и вообще...

— Драх, ну ты совсем зарвался, старый пень! — Гордин выразительно покачал у него перед носом здоровенным кулаком.

— А что, — для виду заинтересовалась я. — Это заманчивая идея! Только как же вы представляете нашу совместную жизнь?

Старикашка смущённо захихикал.

— Ну... В таком виде я, конечно, не смогу исполнить свой супружеский долг (а так хочется!), поэтому я попрошу Гордина тебя убить. И тогда ты тоже станешь призраком, и мы такое с тобой устроим — обещаю, не пожалеешь!

Я покрутила пальцем у виска и возмущённо посмотрела на ухмыляющегося женишка.

— Кстати, ты не ответила на вопрос. Ты точно не передумала или нарочно тянешь время в надежде, что сюда срочно ворвётся очередной прекрасный принц и избавит тебя от притязаний подлого колдуна?

— Нет уж, хватит с меня прекрасных принцев, — проворчала я. — Ладно, я согласна.

— Ну вот и чудненько! — засуетился старик. — А ты, Гордин-мордин, берёшь эту девицу (хотя какая она уже девица!) в законные жёны?

Мы одновременно попытались заехать ему по ушам, естественно, безуспешно.

— Всё-всё, успокойтесь! Властью, данной мне мной же, объявляю вас мужем и женой! Уфф... Целуйтесь уже!

Мы с удовольствием послушались.

— А теперь, в знак того, что всё это действительно было, а не привиделось с похмелья, обменяйтесь этими волшебными штучками! Еле их откопал...

Драхмар раскрыл сундучок — и вместо ожидаемых мной колец там обнаружили два широких браслета из червонного золота, с красивым плетёным узором и редким вкраплением круглых чёрных камней.

Гордин с серьёзным видом поднёс один браслет к моей правой руке, и он сжался прямо на глазах, плотно охватив запястье. Подставил свою руку — и его браслет повёл себя точно также. От прикосновения холодного металла у меня по коже пошли мурашки.

— Он такой тяжёлый... Его обязательно носить всё время или можно будет снимать? Ты не обидишься?

— Снять его уже не получится, — качнул головой Гордин. — Это ведь не простые украшения, а заговорённые на супружество древние амулеты.

— А они не опасны? — на всякий случай спросила я, без особой радости разглядывая свой браслет.

— Нет. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Ну, спасибо, успокоил! Не хотелось бы, чтобы в случае, например, супружеской измены браслетик сжался и сломал виновному руку или раскалился и оставил меточку на память...

— А ты собираешься мне изменять? — насторожился муженёк.

— Я сказала «например». Нет уж, с нашими кольцами куда проще... Это всё или есть ещё какой-нибудь милый ритуальчик типа попить друг у друга крови? Документ-то хоть какой будет?

— А зачем? — переглянулись колдуны.

— Ну... Для официального подтверждения. У нас так положено.

— По-моему, браслет — самое наглядное подтверждение. Но, если ты хочешь...

Гордин прищёлкнул пальцами, и на книгу лёг желтоватый лист бумаги. Драхмар, кряхтя, извлёк из призрачного кармана вполне материальный угольный карандаш, в задумчивости почесал бороду и вывел:

«Сим подтверждается, что колдун Моран (он же Гордин) и Валерия — как там тебя? — Казакова являются мужем и женой».

— Ну, чего ещё писать?

— Свидетели такие-то. Обычно двое.

«Свидетели: колдун Драхмар (посмертная сущность) и...» Кто ещё?

— Да хватит и одного, Мирна и Брент всё равно неграмотные...

Тут у наших ног раздалось знакомое гнусавое мяуканье, и Тео тяжело вспрыгнул на книгу.

— Так: «... и второй свидетель — кот Тео». Давай лапу!

Драхмар оттиснул на бумаге характерный кошачий «след», мы с Гордоном расписались ниже, и на этом торжественная процедура была окончена.

И начался свадебный завтрак, который плавно перешёл в свадебный ужин. Всё было очень весело, мы на радостях хватили лишнего и ухихикались до упаду. Мирна и Brent, завидуя, осмелели и тоже потребовали их срочно поженить, что и было исполнено печальным трезвенником-Драхмаром. Перебравшие молодые люди, наконец, смогли каким-то образом его увидеть, и новоявленная невеста визжала на весь замок, но желание выйти замуж всё же пересилило...

Словом, день прошёл замечательно и примечательно, а ночь — и того лучше... И лишь одной малюсенькой детали (кроме отсутствия родителей) мне не доставало до полного счастья.

Гордин почему-то так ни разу и не сказал, что любит меня.

Проходили дни, и я чувствовала себя вполне комфортно в роли хозяйки заколдованного замка. Скучать было просто некогда: Гордин всерьёз взялся сделать из меня приличную колдунью, и они с Драхмаром по очереди стояли у меня над душой. Мои успехи приводили их в восторг и побуждали увеличивать «студенческую» нагрузку. Иногда я бунтовала и сбегала наугад в какую-нибудь незнакомую часть замка, бродила там, пихалась во все дыры со своим любопытством (к моему удивлению, абсолютно безнаказанно). Но очень скоро Гордин находил меня и притаскивал обратно. Это всё браслеты — они, как бывшее одно целое какого-то древнего артефакта, словно бы стремились оказаться рядом и «подсказывали» муженьку моё местонахождение, как бы я не пряталась. Стало быть, сбежать от вредного колдуна мне уже не светило в принципе; правда, пока этого и не хотелось. Гордин относился ко мне и моим выкрутасам с поистине ангельским терпением и нежностью, заботился и всегда интересовался моим мнением, хотя последнее слово оставлял за собой (но это, пожалуй, и правильно). Словом, он совершенно не напоминал сейчас того озлобленного эгоиста, каким был в момент знакомства.

Мы потихоньку стали выходить из замка и гулять по окрестным лесам. Муж учил меня приручать диких зверей особым заклинанием, удивляясь, что они и без него безбоязненно подходят и позволяют себя гладить — и белочки-зайчики, и даже олени и клыкастые кабаны. Мне, девчонке из большого города, сейчас даже нравилось, что на многие километры вокруг нет ни единого человеческого жилья. Так было почему-то спокойнее, да и наша маленькая компания меня вполне устраивала. Я бы, конечно, предпочла иметь «в подружках» женщину типа Лорианы, а не простоватую Мирну, но, в конце концов, не может же всё быть идеальным. Лучше пусть так везёт с мужем, чем с подругой...

Одним из самых запоминающихся событий стал первый удачный опыт превращения меня в «животное». Драхмар и Гордин единодушно утверждали, что освоение этого колдовского приёма требует особого мастерства и осторожности, но, видя мои стремительные успехи, всё же рискнули начать обучение. И всё гадали — кто же из меня получится. Призрак ехидно предполагал, что самка кайорика (за что чуть не схлопотал по шее); его ученик высказывался за более нейтральную кошку или голубку. Когда у меня, наконец, получилось, они оба так и присели от смеха, а я тут же подлетела к большому зеркалу. Да, спасибо дорогому муженьку — я теперь выглядела почти так же, как он. Мелкая золотистая чайка с изогнутыми когтями и противным голосом... Всю жизнь мечтала!

Я от души оттаскала Гордина клювом за штаны, а Драхмару хотела было нагадить на голову, но в последний момент застеснялась. Так, значит, муж и жена — два сапога пара! А я так хотела стать какой-нибудь грациозной ланью, ну или хоть в самом деле кошкой — и подразнить как следует нашего жиртреста...

В досаде я вылетела из замка и понеслась к лесу. Чёрная птица догнала меня в два счёта, заставила приземлиться и обратиться. Меня как следует утешили, и я подумала — да фиг с ней, с «красотой»! Главное, мы с Гордином, похоже, действительно нашли друг друга, раз даже наши «зверские» ипостаси совпали... Это хорошо. Мама с папой были бы за меня очень рады...

По моим внутренним ощущениям минуло два месяца. В этом мире время определяли именно так, а не по каким-то там часам. То есть без всяких календарей и секундомеров любой местный житель точно знал, который сейчас час-день-месяц-год и так далее, и что когда происходило раньше. Эта непонятная прежде премудрость наконец-то устаканилась в моём организме, и я почувствовала себя здесь окончательно «своей». Фраза «у нас в Питере» как-то незаметно превратилась в «у них там в Питере», и вообще, местные традиции спокойно влились в мой образ жизни. И только по ночам мне иногда снились родители, подружки, лекции в Университете и привычная до боли маленькая комната, забитая папками с рисунками. Сказка каким-то фантастическим образом сбылась для меня наяву... Но всё же Гордин пару раз будил меня среди ночи, чтобы остановить горькие ностальгические рыдания. Нет, я всё понимала и изо всех сил старалась не грешить на судьбу. Но какая-то часть моей души неизбежно осталась в другом мире, и с этим было ничего не поделать.

Приближалась осень. Со смотровой площадки открывалась великолепная картина бесконечного желтеющего «моря»; по утрам воздух бывал холодным и каким-то особенно «вкусным». Брент потихоньку занимался заготовкой дров, чтобы зимой хозяин тратил поменьше магических сил на обогрев замка. Мирна всюю шастала по близлежащему лесу, собирая ягоды, и варила вкуснящее варенье. Я с удовольствием помогала и собирать, и варить, и дегустировать, в результате чего приходилось снова браться за корзинки. Ещё мы засушили кучу полезных трав и какой-то гадости типа вонючего болотного мха. Изучением их целебных свойств я планировала посвятить долгие зимние вечера. Гордин вместе с прежним владельцем тщательно осматривали стены и крышу замка, проверяя на «герметичность» — словом, шла обычная неторопливая жизнь.

Как-то Гордин слетал ненадолго к своему приятелю из предместьев Кальберры, и принёс свежие дворцовые новости. Неожиданно для многих королева Лориана передала трон сыну, а сама тут же вышла замуж — за того самого влюблённого в неё рыцаря. Пока живёт в столице, но собирается вскоре уехать с мужем к нему в замок. Лориан, говорят, внешне выглядит спокойным и оправившимся от своей утраты; он заметно повзрослел и активно занимается государственными делами. Я вздохнула с облегчением — чувство вины перед ним и его матерью висело на моей совести приличным грузом. Лориана в очередной раз поступила как мудрая женщина: не дала сыну киснуть, а завалила делами, а сама поспешила обезопасить себя от дальнейших «посягательств». Что ж, если она вышла замуж по любви, а не из государственных соображений, я очень за неё рада...

На следующий день после возвращения я надумала закатить мужу обед с пирогами по рецепту своей незабвенной бабули. Несмотря на протест Мирны, я с удовольствием возилась с тестом, приплела покладистого Брента чистить картошку; даже Драхмар, на свою голову заглянувший на кухню, получил задание лепить и начинять. Мы все порядком устали: я запретила использовать магию, опасаясь нарушить классический рецепт и всё испортить. Зато результат получился таким, что умелица-Мирна обзавидовалась вчистую!

Народ во главе с котом чудовищно ободрался, все меня нахваливали, что было очень приятно. И только я сама с удивлением отметила, что совершенно, ну совсем-совсем не хочу есть. Даже не то, чтобы не хочу, а не могу. Организм внезапно взбунтовался и мстительно пообещал выдать всё обратно, если я его не послушаюсь. Я рассеянно с ним попрепиралась, но решила всё же подчиниться, авось до завтра что-нибудь останется. Резко поднялась из-за стола, чтобы сбежать на кухню хотя бы за яблоком... И тут красиво кувыркнулась в обморок.

Видимо, Гордин успел меня поймать, потому что, когда я очнулась, вроде бы ничего не болело. Он положил меня тут же, в столовой, на диванчик и теперь встревоженно тарачился и всё спрашивал, что со мной случилось. Как будто я знаю!

Краем глаза я заметила, что Драгмар вдруг удивлённо выпучился, а потом захихикал и полетел пожимать своему ученику руку.

Гор недоумённо посмотрел на него, тот ткнул в меня пальцем, заставляя получше присмотреться... К чему? У меня что-то не в порядке? Платье задралось?

— Ну, хватит уже в загадки играть! Что вы так на меня уставились?

У Гордина медленно отвисла челюсть, потом он вдруг стремительно покраснел и, наконец, бросился меня обнимать.

— Хоть кто-нибудь скажет мне, в чём дело? — жалобно спросила я.

Муж поднял на меня сияющие глаза.

— Прости, я сразу и не понял... Цвет. У тебя появился другой цвет...

— Какой? Я заболела, что ли? А чего вы тогда радуетесь?

— Потому что я и представить себе не мог... так быстро... Ох, я сейчас с ума сойду!

Я адресовала ему убийственный взгляд.

— Не волнуйся, всё хорошо. Всё очень хорошо... Синий цвет — это цвет новой жизни. Вот здесь, — он прикоснулся к моему животу. — Здесь теперь мой сын.

Я распахнула рот в лучших традициях Мирны.

— А... ээ... Ты уверен?

— Да! Синий — это мальчик, был бы белый — девочка... Ты рада?

— Нуу...

Кто бы мог подумать... Ребёнок. Так быстро. Когда мне сказали, что он «получается» только по взаимному согласию. Наврали? Или для колдуна «закон не писан»? Или я сама в душе этого хочу?

Я попыталась было проанализировать свои ощущения, но вместо этого гордо и загадочно снова лишилась чувств.

С этого дня моя жизнь сильно изменилась, причём не в лучшую сторону.

Какое-то время я и вправду чувствовала себя не очень — слабость, ещё пара обмороков (ну хоть не тошнило, видимо, в «сказочке» героиням такого не полагалось по роли), но потом всё прошло, и я вознамерилась продолжить привычный образ жизни. А вот фиг мне дали! Гордин категорично заявил, что в таком состоянии я могу благополучно распрощаться с уроками колдовства (опасно!), прогулками вне замка (далеко, тяжело!) и любой утомляющей деятельностью, включая готовку и даже чтение чересчур умных книг. Я сначала подумала, что он шутит... Где там! Моему покладистому прежде мужу словно вожжа попала под хвост. Он так зациклился на этом ещё нерождённом ребёнке, что мне временами становилось просто не по себе. Да, я, конечно, понимаю, что он волнуется, что хочет как лучше (для него или для меня?), но разве из-за этого надо снова превращать жену в какую-то пленницу?! Чтобы сидела на месте и вышивала крестиком, что ли??

Моё настроение портилось с каждым днём, и вскоре получило «почётное» повышение до самой настоящей депрессии. Гордин носился по замку, пытаясь что-то переделать под ребёнка, а когда находился рядом со мной, говорил почти исключительно на эту тему. В физической любви мне было отказано из-за каких-то дурацких суеверий; дабы пресечь мои регулярные приставания, муж сбежал в свою старую спальню. Я так привыкла, что он рядом — большой, горячий, нежный, что стала плохо спать, периодически хныкая в подушку, и по утрам вставала совершенно разбитая. Нельзя сказать, что Гордин перестал уделять мне внимание, но мне казалось, что он видит во мне уже не женщину, а лишь вместилище для любимого будущего сыночка. Я ужасалась тому, что иногда начинаю его тихо ненавидеть, но ничего не могла с этим поделать. Мы ни разу не поговорили по душам — о том, что я чувствую, о том, как мне сейчас нелегко, ведь Гордин был абсолютно уверен, что я тоже нахожусь на седьмом небе от счастья. В конце концов, это ему сейчас сорок два года, можно уже и созреть до детей, а мне только двадцать один, и я не готова. Просто не готова!

И нет со мной рядом моей милой мамочки, чтобы успокоить, научить, поддержать, нет опытной подружки, которой можно рассказать о своём, о женском...

Я впервые чувствовала себя здесь одинокой и по-детски беспомощной. И вдруг поймала себя на том, что хотела бы однажды открыть глаза — а ничего этого нет.

Одним из немногих «разрешённых» дел было рисование, и я подолгу предавалась заброшенному прежде занятию. Вот только вместо оптимистичных пейзажиков с цветочками на моих рисунках прочно обосновались вьющиеся над руинами стаи птиц, девушки в башнях, окружённые печальными останками несостоявшихся освободителей, и тому подобные не слишком весёлые сюжеты. И — дом. Я пыталась рисовать по памяти виды Питера и свою собственную оставленную комнатку, подружку Маринку, родителей... Такое творчество скорее травило душу, чем отвлекало, но я упорно продолжала им заниматься.

Один рисунок я особенно любила и подолгу смотрела на него перед сном: выписанный до мелочей письменный стол с кусочком окна, в него, отвернувшись от скучных конспектов, мечтательно смотрит одетая по-домашнему девушка. Вместо локонов до пола — небрежный хвостик, на опущенной руке никаких колдовских «наручников». За окном голые ветки деревьев и летящие с неба белые хлопья...

— Ты мало ешь.

— Я ем нормально.

— Съешь ещё.

— Не хочу.

— Ты не хочешь — ребёнок хочет.

— Ты так уверен? Он тебе сам сказал?! — из последних сил сдерживаюсь я.

— Но так правильно, и ты должна...

— Я-НИЧЕГО-ТЕБЕ-НЕ-ДОЛЖНА!!!

Муж откровенно удивляется моей вспышке, потом озабоченно хмурится.

— Лера, что с тобой? Успокойся, тебе надо лечь, пойдём — или тебя отнести?

— Гор, я здорова! Ну пойми ты это, наконец!! Я всё могу делать сама!

— Потом сможешь, потом... А пока перестань капризничать и отдыхай.

Я исподлобья глянула на его строгое лицо — прямо не муж, а воспитатель в детдоме.

— Это приказ?

— Перестань...

— Да это ты, ты перестань! Почему ты не хочешь меня слушать?! Ведёшь себя так, как будто я у тебя в плену... Тогда закрой меня покрепче, чтоб не сбежала!

Гордин нахмурился — видимо, его уже начала раздражать моя истерика. Но и тогда он не стал повышать голос.

— Лер, не надо сгущать краски. Давай поговорим спокойно, только сначала приляг, а я сварю тебе какой-нибудь травы «от нервов» — и всё пройдёт, всё опять будет хорошо...

Я хотела ответить, что не уверена, что у меня теперь вообще что-то будет хорошо, но поняла, что это бесполезно. Он меня не услышит, не хочет слышать...

Я сказала, что хочу спать, но когда Гордин ушёл, сразу встала и долго стояла у окна, жадно вглядываясь в стремительно темнеющий вслед за небом лес. Дико хотелось обернуться птицей и улететь, улететь на волю, спрятаться, просто побыть одной — без постоянных вопросов «как ты себя чувствуешь», без ставшего таким холодным взгляда...

Гордин не любит меня, и никогда не любил. Страсть ослепила его, но теперь она прошла без следа. Только собственный ребёнок занимает все его мысли, а сама я перестала его увлекать, надоела. Конечно, я ведь простая глупая девчонка, не то, что Лориана... Наши отношения развивались слишком стремительно, и, похоже, подошли к своему логическому концу. Что будет дальше, когда его драгоценный сыночек появится на свет? Буду ли я ему вообще нужна, или колдун сам захочет воспитывать своего наследника, а меня просто-напросто вышвырнет из замка??

Какая-то часть моего сознания ясно понимала, что мне мерещится откровенная чушь, вызванная плохим настроением и буйством гормонов в организме. Но душа продолжала стенать и надрываться от тоски... Я села на кровать, и в подступающей темноте снова стала разглядывать свой любимый рисунок. Как же безумно хотелось оказаться там, в своей тихой комнатке! Кажется, всё на свете отдала бы за это...

К глазам снова подступили невольные слёзы, рисунок стал стремительно расплываться... А потом я снова упала в обморок.

Очнулась от холода. Ну, конечно, лежу поверх одеяла в короткой ночнушке, ноги голые, плечи голые, от окна дует... Я машинально нашарила рядом с кроватью выключатель, нажала на кнопку... и подавилась собственным криком. Сердце пропустило не один удар, глаза в панике заметались по комнате. По моей комнате... В Питере.

Низкий потолок, дешёвая мебель, заваленный книгами и безделушками компьютерный стол. Тот, что я так упорно рисовала по памяти... Я кое-как доползла до него и упала в кресло, стуча зубами от холода и пережитого ужаса. Машинально посмотрела на календарь: в его «окошке» стояло 17 января, тот самый день, когда я так легкомысленно гадала «на жениха», а потом вдруг проснулась в другом мире... Что же это такое???

Крошечная адекватная частичка разума издевательски ответила: «Как что? Вернуться домой — это ведь было твоё самое заветное желание? Поздравляю, оно сбылось!! Радуйся и не благодари...»

Я судорожно прижала руку к животу — совершенно плоскому, без малейшего намёка на... А потом увидела, что «венчальный» браслет исчез. Это что же, был сон? Я просто спала, и видела во сне свою сказку? И ничего этого не было — ни замка, ни Гордина... Ничего?!

В том сне мне было так плохо, что наивно казалось, что дальше некуда. Неправда... Очень даже есть.

Утром ко мне, как обычно, вошла мама с вопросом, не опоздаю ли я в Универ, если продолжу так нагло игнорировать будильник. Я не смогла даже приподняться ей навстречу.

— Лер, да что с тобой? Ты бледная как смерть!

Она озабоченно потрогала мой лоб — вроде холодный. Но при этом озноб, боль в мышцах, как при гриппе, и судорожное «царапающее» сердцебиение. Что с ребёнком?!

Вызванная участковая врачиха, как всегда дико занятая, заскочила на минутку, диагностировала стандартное ОРВИ (а на словах приступ невралгии) и великодушно посадила на больничный.

Благодаря родительским хлопотам на следующее утро я уже вполне пришла в себя, но с кровати вставала только по жизненной необходимости — слабость была дичайшая. Не хотелось есть, не хотелось разговаривать... Ничего не хотелось.

Я лежала и думала, что со своим чрезмерным воображением незаметно и вправду сошла с ума. Воспоминания о том сне были настолько ярче ощущений от жизни наяву, что становилось по-настоящему страшно за свой рассудок. Только бы никому не проболтаться...

На третий (кажется) день я вроде бы почувствовала себя лучше. Организм робко намекнул, что не будет против, если его всё-таки хоть немножечко покормят. Я была с ним не совсем согласна, но решила всё же сползть на кухню, авось глаз увидит — мозг догонит... Сняла пропахшую потом тёплую пижаму, намереваясь одеться полегче — да так и застыла на месте.

При дневном свете на моём правом запястье обнаружилась странная татуировка. Изогнутые чёрные линии оплетали руку широкой полосой, напоминая нарисованный браслет. И ещё пять чёрных кружочков в центре. Ровно пять... Как и на том, настоящем (то есть, наоборот,

приснившемся) браслете. Может, я действительно сделала себе татуировку, просто сейчас не помню? Тогда неудивительно, что мне снилось что-то похожее...

Собираясь встать, я машинально поправила подушку, и вдруг заметила торчащий из-под неё уголок своего рисунка. А, да, там же... не Лориан, просто парень, который мне почему-то раньше нравился. Ещё вчера, а как сто лет назад... Надо убрать его подальше или Маринке подарить, она давно просила...

Я небрежно выдернула рисунок — и только порадовалась, что сижу. Никакого «Лориана» на нём не было. С помятого листа на меня с явным осуждением смотрел... Гордин!

Нет, не может быть... Этого ПРОСТО не может быть. Я точно помню, что не рисовала такого наяву, хотя бы потому, что это совершенно «не мой» тип мужчины. Не благородный юноша с пламенным взглядом, не принц и не рыцарь — а какая-то бандитская рожа с колючими глазами, кривой ухмылкой и перебитым носом. Прямо вылитая девичья мечта!

И всё же... Я ловила себя на том, что просто не могу отвести от него глаз, словно притянутая каким-то колдовским магнитом. Зачем мне все эти идеальные мальчики? Я хочу такого...

Но как, как же я нарисовала его, если сама этого не помню? Амнезия нервная разыгралась? Бред какой-то... Ещё это имя — Гордин. Такое родное, как будто я произносила его много раз... Да что ж это со мной?!

Промаявшись ещё какое-то время, я, наконец, нашла для себя вполне правдоподобное объяснение: сессия. Не я первая студентка, у которой от стресса мозги сползли набекрень. Остался последний экзамен, но я уже перезанималась, и организм просто не выдержал и «сломался». Так, раз дали больничный, значит, время пересдать ещё будет. Главное — не распрощаться окончательно с собственным рассудком, а то как бы в Скворцова-Степанова не загреметь...

Такие рассуждения частично меня успокоили. Я смогла немного поесть и даже поговорила по телефону со встревоженной подружкой. Убрала с глаз долой её отметившийся во сне подарочек — заколку, заодно бабушкино кольцо и злосчастный рисунок.

Надо как-то начинать жить дальше. Если получится...

— Слушай, цыплёна, понять не могу, и чего ты у нас такая красивая? — подмигнул отец. — Наши гены — это, конечно, факт, но после своей неизвестной болезни ты почему-то зверски похорошела, правда, Зой? Ты ей никакие чудо-таблетки не покупала?

— Да ну тебя, папа, скажешь тоже... — вяло отмахнулась я.

— И скажу. Что придётся покупать электрошокер, женихов твоих будущих гонять!

— Зачем гонять? Наоборот, приваживать надо. Это же твоя великая идея — сплавить великовозрастный балласт в моём лице и, наконец, зажечь припеваючи!

— А, может, я уже передумал?

— И в самом деле, Лера, ты давно в зеркало смотрелась? — поддержала его мама. — Я тоже заметила: вроде и моя дочь, но какая-то не такая... С чего?

— Понятия не имею. Ладно, пойду ещё поготовлюсь.

Сейчас всюду шли зимние каникулы, но я упорно сидела дома, отказываясь от развлечений под предлогом подготовки к пропущенному экзамену. Я хотела сдать его сразу же, не откладывая на весеннюю сессию, и не без удовольствия сидела и зубрила. Потому что хоть так можно было на время отвлечься от своих упаднических мыслей.

Странная татуировка в виде браслета не давала мне покоя. Созвонившись с Маринкой, я мимоходом выяснила, что никаких тату мы не делали и не собирались, разве только хной. Я тут же с воодушевлением принялась тереть руку мочалкой, но похоже, мой «экземпляр» был всё-таки не временным. Хорошо, что родители пока этого не видели...

Я остановилась перед большим зеркалом и впервые со дня «болезни» пристально изучила своё отражение. Ой... Кажется, папа с мамой были правы...

Что-то во мне неуловимо изменилось. Черты лица вроде бы остались те же, но стали как-то... гармоничнее, что ли? В любом случае назвать Лерку Казакову прежней было сложно. На фоне ровной бледной кожи зелёный цвет глаз казался особенно ярким, губы словно припухли и «налились» цветом, а волосы, хоть и остались прежней длины — где-то до середины спины, выглядели густыми и блестящими, как в рекламе модного шампуня. И это — сразу после болезни, да ещё на фоне депрессивных мыслей... Что-то тут нечисто!

Эту же фразу я услышала и от лучшей подружки, когда она приехала меня навестить. В выражениях Маринка не стеснялась, охала-ахала, вертела меня в разные стороны и всё выпытывала, что же такое я с собой сделала. Я же и сама этого не знала...

Тут она заметила татуировку и вторично разохалась, восторгаясь моей решимостью на такую авантюру. Мне ужасно хотелось рассказать ей свой странный сон, хоть немного облегчить тяжесть на душе — но я так и не отважилась. Он был слишком личный и для меня очень важный. Он помог мне понять, что лучше жить настоящей жизнью, а не предаваться пустым мечтам, которые могут завести куда не следует; он заставил осознать, как легко разрушить свою жизнь недоверием и эгоизмом. Наяву я никогда не думала, что могу быть такой идиоткой и истеричкой, что способна предать любимого мужчину, добровольно убить своего нерождённого ребёнка... А ведь именно так всё и было. Как можно такое забыть?!

В день, когда я ходила в поликлинику закрывать больничный, в нашей квартире «завёлся» новый жилец.

Я поднялась на свой этаж, на ходу доставая ключи, и лишь в последний момент заметила около нашей двери кошку. Она чинно восседала на коврик, чёрная на чёрном, и смотрела на меня с явной долей укоризны. Типа, ну и где ты шляешься так долго, я вся заждаюсь...

Я нагнулась, чтобы рассмотреть это неожиданное явление. Обыкновенная «дворянская» кошка-подросток, худая, большеухая, с коротким угольным мехом и огромными внимательными глазами — такими же зеленушими, как мои... От середины носа к левому уху тянется тоненькая светлая полоска, придавая смышлёной мордочке загадочное и вместе с тем хитрющее выражение.

— И что ты тут делаешь? — глупо спросила я. — От каких соседей сбежала? Пойдём, я тебя отведу, а?

Кошка встала, грациозно потянулась и отрывисто мявкнула, а потом снова уставилась на дверь.

— Хочешь сказать, что решила поселиться у нас? А наше мнение учитывается?

Чернушка снисходительно фыркнула, явно поражаясь моей бестолковости. Если тебя хочет осчастливить такое сокровище, надо не стоять столбом, а немедленно впустить будущую хозяйку в дом!

Я заколебалась. Мои родители не особенно любили всякую живность и в детстве позволяли заводить исключительно хомячков. А я мечтала о большой собаке... Постепенно желание завести домашнего любимца как-то заглохло, уступив желанию «завести» бой-френда и прочим подростковым глупостям. Что могут сказать мне папа с мамой, когда придут вечером с работы? Что их доченьку явно рано было выписывать...

Кошечка лукаво посматривала на меня, с ангельским терпением ожидая моего решения. Впрочем, было совершенно ясно, что характер у неё как раз не ангельский, а независимый и вполне себе вредный. Так на кой мы ей вообще сдались, этой кисе?

На этом философском вопросе я вдруг решила — эх, была не была! — и распахнула дверь.

Кошка с поистине царской неторопливостью переступила порог и уселась неподалёку в коридоре. На удивление безропотно позволила себя вымыть и подсушить феном (!), съела выловленный из супа кусок мяса и только потом с довольным видом растянулась на диване в комнате родителей.

Такой «сюрприз», естественно, не остался незамеченным и вечером подвергся всестороннему обсуждению. Кошка тоже решила поучаствовать (её ведь это касалось в первую очередь!): села рядом с мамой, безошибочно угадав в ней Главную, и внимательно смотрела на каждого «выступающего», муркая или иронично пофыркивая в нужных местах. Она казалась удивительно понятливой и не стеснялась это демонстрировать.

Первым сдался папа. Мама для порядка ещё поворчала — она-де рассчитывает, что обихаживать этого зверя будет исключительно моя прерогатива. А сама тут же устремилась на кухню: посмотреть, чем же ещё можно угостить маленькую худенькую кису.

— И как мы её назовём? — спросил папа.

— Мора, — ляпнула я.

— Да ну, что за дурацкое имя?! — возмутилась с кухни мама. — Тогда уж хотя бы Мура.

Кошка, соглашаясь, громко замурлыкала...

«Конечно, это дурацкое имя, — думала я. — Но я буду звать тебя именно так. Потому что ты напоминаешь мне одного человека, пусть его никогда и не было. Если бы он превращался не в птицу, а в кота, то был бы обязательно похож на тебя».

Мора-Мура повернула голову в мою сторону и с непередаваемой иронией усмехнулась себе в усы. Конечно же, она всё понимала...

В рекордный срок Мора стала для моих родителей любимой дочкой номер два и была забалована пуще дочки номер один. Она оказалась та ещё шкода, но, сделав какую-нибудь мелкую пакость, всегда так преданно и невинно таранилась на своих кормильцев, что они ей всё прощали. Я заметила, что это создание, помимо всего прочего, обладает завидной «женской интуицией». Так, познакомившись с Маринкой, она тут же запрыгнула к ней на колени, а назойливого Валенка безжалостно обшипела, что побудило меня тут же указать ему на дверь. С такой «подружкой» поневоле стало как-то веселее, самая глухая тоска стала

потихоньку уходить...

Между тем жизнь неизбежно шла дальше. Начался весенний семестр, а с ним и какое-то повальное «леркопомешательство», как выразилась моя ироничная подруга. Другие девушки-однокурсницы были настроены гораздо менее лояльно, и во главе с «примой» Кристиной, той ещё стервой, дружно устроили мне бойкот. О, можно подумать, какое горе...

Мне вообще не хотелось быть в центре внимания. Джинсы и тёмные водолазки на время стали моей единственной одеждой, волосы я старательно прилизывала, а верной Маринке подарила всю свою косметику — но толку с того было чуть. Парни упорно не давали мне прохода, пялились на лекциях, норовили проводить, даже записки писали, как в школе. А однажды я услышала двусмысленный намёк от одного из преподавателей и окончательно пала духом. Мне не нужна была эта внезапная популярность, словно я проглотила какой-то дурацкий «привлекательный магнит», не нужны были косые завистливые взгляды бывших подруг — мне просто хотелось, чтобы все меня оставили в покое.

Однажды в мою сумку подкинули записку, которая гласила, что если я буду продолжать выпендриваться, меня ждут большие неприятности. Я легкомысленно выбросила её и тут же забыла, но вскоре заметила, что «случайные» гадости в мой адрес стали сыпаться как из рога изобилия. Испорченные конспекты, оговоры перед преподавателями, нелепые слухи о моей личной жизни, которой на деле вообще не было... Кристина опустила даже до того, что якобы оступилась и нечаянно заехала мне локтем по лицу. Синяк под глазом вышел изрядный, вот уж бальзам ей на душу — но по какой-то странной причине исчез на следующее же утро.

Я и сама уже не раз замечала, что после достопамятного «сна» стала не только красивее, но и как-то крепче и, как ни странно, здоровее. В первый раз обошлась без своей «любимой» весенней простуды, а так же головной боли, тяжести в желудке и прочих житейских неприятностей, ни разу не подскользнулась в гололедицу и даже ноготь ни один не сломала, хотя были созданы все условия. Зато я обнаружила, что умею заваривать «по науке» травяные чаи, непонятно откуда знаю энергетически важные и болевые точки на теле, а шейный хондроз у мамы полностью «вылечила» за один сеанс интуитивно-авторского массажа.

...Я возвращалась домой от Маринки буквально на последнем поезде метро. Она уговаривала остаться, но я всегда предпочитала собственную кровать гостевой. В пасмурной питерской ночи почему-то было комфортно и удивительно спокойно. Я не торопясь шла по улице, любуясь брызгами мелкого дождика в освещённых фонарями лужах, и была уже недалеко от дома, когда из-за угла навстречу резко вывернули двое. Моего спокойствия как ни бывало — я сразу же ощутила, что они просто так мимо не пройдут. Что делать? Я оглянулась и заметила в отдалении только одного старичка с собакой, на них надеяться глупо. Выбежать на дорогу или рвануть дворами?

Молодые бритоголовые парни между тем стремительно приближались, причём с таким расчётом, что выскочить на проезжую часть я уже не успевала.

— Девушка, стойте! Давайте познакомимся!

Но я уже сорвалась с места и помчалась через тёмный двор, собираясь для начала попетлять по знакомым местам, а не вести их прямо к дому. Эх, почему я не попросила папу встретить?!

Я бегала быстро, но преследователи не отставали, я ясно слышала позади их топот и приглушённые ругательства. Ещё один двор, вдоль дома, поворот... А прямо за ним кто-то и зачем-то навалил кучу деревянных ящиков и поддонов. Я заметила их слишком поздно.

Споткнулась, упала, сильно ударилась, попыталась в отчаянии заползти за эту гору и спрятаться, понимая, что это глупейшая идея. Они меня сразу найдут...

Я скрючилась за ящиками и зажмурилась, как в детстве, когда веришь, что от этого всё страшное исчезнет само собой. Бритоголовые вылетели из-за угла и тоже, не рассчитав, врезались в ящики. Матерясь, встали, обошли их кругом, но меня почему-то не заметили.

— Куда она подевалась?

— Не знаю, может, в парадку забежала?

— Щас, тут везде домофоны...

— Давай тогда к её дому, подождём там.

— Давай. Хоть бы не проворонили, а то Кристи совсем плешь проест...

Голоса затихли, удаляясь, а я продолжала лежать ни жива, ни мертва. Так вот откуда ветер дует! Ну, если Кристина додумалась до такого, не лучше ли будет отчислиться из Универа нафиг?! Я медленно открыла глаза, распрямилась — и обнаружила, что ящики по-прежнему возвышаются надо мной высоченной тёмной грудой. Как такое возможно?? Я задёргалась, захлопала... крыльями и вдруг полетела! Точнее, неровно, истерически заметалась в воздухе, чуть не ударилась о стену дома, и вот тут-то, наконец, завопила от ужаса! Хриплым, пронзительно-противным вороньим голосом... Потом немного успокоилась, неуклюже забралась на подоконник чьей-то освещённой комнаты и уставилась на своё отражение. Встрёпанная светлая птица, одновременно похожая на ворону и чайку. Именно такая, в которую я умела превращаться. Там...

Но этого «там» не существовало, я ведь так хорошо себя в этом убедил! А теперь, выходит... Что? Что «сказка» была, была в каком-то другом времени-пространстве, и даже сейчас во мне живут её отголоски... Это было по-настоящему!!

Птица снова истошно закричала и сорвалась с подоконника в темноту. Покружила среди домов и опустилась на козырёк подъезда, у которого в жидких кустах неумело пряталось уже трое парней. И все по мою душу...

Я вполне могла бы попасть в свою квартиру через открытую форточку, но вдруг почувствовала несвойственный мне прежде безудержный гнев. На этих подонков, на гадину Кристину, на жизнь свою дурацкую... И, не особо раздумывая, резко спикировала вниз. Орала, шипела, клевалась и норовила съездить обидчикам по их наглым ромам, одному удачно нагадила на голову... «Наёмники» явно не ожидали атаки «с воздуха» и просто растерялись. Несколько любопытных носов высунулось из-за занавесок, и мои жертвы приняли мудрое решение отступить. Я, таясь, проводила их до припаркованной неподалёку машины и по разговорам с облегчением поняла, что они намереваются плюнуть на «любимую сестрёнку» (ага!), пусть сама со своими девчачьими проблемами разбирается...

Мокрая, грязная, я ввалилась в свою комнату через форточку и сама не заметила, как обратилась. Поскорей пробралась в ванную, чтобы родители случайно не заметили, в каком я виде, и только лёжа в кровати позволила себе разреветься.

Ужас, ужас... Мой Гордин — он всё-таки был...

На следующий день я витала в настолько заоблачных сферах, что даже случайно напялила

мини-юбку вместо джинсов. Кристина встретила меня убийственным взглядом, но я только рассеянно улыбнулась. А в перерыве сама подошла к ней и предложила выйти «на разговор». Заявила, что в курсе про её вчерашний «заказ», и уже рассказала отцу про неё и её «брatца-кролика». Пусть у нас и нет таких влиятельных знакомых, как у неё, но старая актёрская гвардия — тоже не пустой звук. И заступятся, и замолвят слово, кому надо... Моя речь, похоже, произвела впечатление, но добила я «конкурентку» тем, что предложила дальше «жить дружно», ибо делить нам совершенно нечего. Ни один из местных ухажёров меня не интересует, и переходить дорогу я никому не намерена... Кристина поразмыслила и согласилась на перемирие. Она никак не могла понять, неужели я искренна в своём равнодушии к «нашим мальчикам» (тааким мальчикам!), аккуратно прозондировала почву на предмет моей нетрадиционной ориентации (тьфу-тьфу-тьфу!) и в конце концов взяла с меня торжественное обещание не строить глазки и отказывать в свиданиях такому-то, такому-то и ещё вот этим. Да пожалуйста...

Таким образом моё добровольное отчисление вроде бы перестало быть актуальным, но меня это особо и не волновало. Весь день я думала о том, что же мне теперь делать. А вечером решительно взялась за карандаш. Если это сработало тогда, должно сработать и сейчас...

Я забросила рисование почти на два месяца, но рука сразу вспомнила нужные движения, как и память — мою комнату, там, в замке. Я набросала полукруглое окно с видом на «иллюзорный» сад, низкий дубовый столик, нездешней формы цветы в вазе и уголок дивана. Достала тщательно спрятанный портрет Гора, прижала к груди. И взмолилась неведомо кому о своём возвращении.

Сколько времени прошло там за время моего отсутствия? Минуты, дни или годы? Что и кто ждёт меня в замке, и — ждёт ли? Сможет ли Гордин простить меня, выслушать мои глупейшие оправдания? Смогу ли я сама вернуться обратно, если он всё же укажет мне на дверь? У меня не было ответов на эти вопросы... Но я хотела верить, что поступаю правильно. И очень сильно хотела, чтобы у меня сейчас всё получилось.

...Я вздрогнула от оглушительного треска. На миг показалось — это те, до боли знакомые звуки, которые сопровождали превращение колдуна в птицу. Но это оказался запущенный кем-то фейерверк за окном всё той же питерской квартиры.

Не вышло... Хватит, наигралась уже, вздорная девчонка, наделала глупостей, возомнила, что раз она — автор «сказочки», то ей можно без конца шнырять туда и обратно. А вот фигу!

Я закусила губу, понимая, что судьба только что демонстративно дала мне по носу, чтоб не зарывалась. Не будет больше никаких чудес. Живи как жила, Лера-фанера, бывшая принцесса и колдунья, бывшая жена и предательница... А для утешения у тебя, так и быть, останется совершенно ненужная сейчас «красивость». И — частичка твоей прежней магии. Птица. Смешной хищный гибрид ворона и чайки...

Я распахнула окно и пулей вылетела в дождь.

Когда я проснулась на следующее утро — как ни странно, не простуженная после вчерашнего холодного «душа», то чуть не вскрикнула от неожиданности. Татуировка с моей правой руки исчезла; вместо неё запястье плотно облегал широкий холодный браслет из червонного золота. Тот самый... Но я ведь продолжаю находиться в Питере... Что же это значит??

Ни сумбурные метания по комнате, ни попытки размышлять ситуацию не прояснили. Если браслет существовал в том мире, а в этом выглядел как татуировка, что могло произойти

сейчас?!

Так, в сомнениях и догадках, прошло два дня. Поскольку браслет не снимался, пришлось наврать родителям, что это всего лишь бижутерия, Кристина подарила (гы-гы, в знак примирения...), а на вопрос Марины и других девчонок — что откопала его в бабулином наследстве и собираюсь носить, пока не надоест (хи-хи...).

— Слышала? У нас будет новый препод, — Маринка сидела рядом со мной в столовке и мечтательно болтала соломинкой в стакане с соком. — Вместо этого противного «Бормана», вот счастье!

— А с «Борманом» чего? — встрял Шурик. Один из моих верных «рыцарей», он всё время таскался за нами, но на своё счастье, в основном помалкивал и потому не прогонялся.

— В больнице он вроде бы, сердце... Доорался на бедных студентов, старый пень!

— Ты уверена, что последующее не будет хуже предыдущего? Европейскую этнографию всегда самые мерзкие преподаватели читают, это уже давно закон природы!

— Я кое-что разузнала, — наклонилась поближе Маринка. — Точнее, слышала краем уха в деканате. Выписали они какое-то молодое дарование, из Новосибирска вроде бы. Рекомендации самые хорошие, и вообще тётки наши порядком оживились. То ли репутация у этого умника интересная, то ли успели уже с ним перетереть...

— А зовут-то его как? — снова подал голос Шурик. — Можно в и-нете пробить и позырить...

— Да ладно, у него лекция уже завтра, тогда и «позырим». Марин, как бишь его зовут?

— Ой, это вообще смешно! Помните, фильм такой был старый, «Кубанские казаки», что ли? Там ещё такой ржачный дядька с усами. Так вот, этого зовут как-то так же, в расписании написано: Г.Г.Ворон!

— Гэгэ! Хи-хи... — оценил Шурик.

— Типа Гордей Гордеич?

— Наверное. Или Грузин Грузиныч. Или Гад Гадыч.

— Или Говно...

— Шурик, замолкни!!

Я отогнала так некстати появившееся чувство тревоги и смеялась вместе со всеми.

В аудиторию вошёл новый преподаватель, и по её женской части прокатился дружный вздох.

— Ой... — сидящая рядом Маринка дёрнула меня за рукав. — Ничего себе Г.Г.Ворон! Ты только посмотри!

Я оторвала взгляд от тетради... И вдруг почувствовала, как стремительно отливает от лица кровь. Сердце очумело заколотилось где-то в горле, руки-ноги стали как ватные... Я беспомощно наблюдала за мужчиной, который нарочито неторопливо поднимался на кафедру. Этого просто не может быть... Гордин!!

В модном костюме с белой рубашкой он смотрелся очень элегантно и на удивление гармонично, как будто всю прошлую жизнь носил такие вещи.

— Ну, здравствуйте, господа-товарищи! Для начала познакомимся: меня зовут Георгий Гордиевич Ворон. Пока я буду читать вам про Европу, а дальше посмотрим...

Во время представления он медленно оглядывал аудиторию; на пару секунд его глаза встретились с моими — и отпали последние сомнения. Это был точно он, Гордин. И, несмотря на внешнее безразличие, я кожей ощутила исходящую от его взгляда ярость. Значит, на примирение можно не рассчитывать...

— Какой мужчина! — продолжала шёпотом восхищаться Марина. — Похож на Аль Пачино в молодости, правда? Ну, всё, я пропала!

Я обессилено уронила голову на руки.

— Я тоже...

В этот день на факультете только и разговоров было, что о новом преподавателе.

— Вот уж точно говорили, по виду — вылитый бандит, а на самом деле — интеллигентнейший человек, научный авторитет. Статьи даже за границей выходят!

— А ничего читает мужик, интересно. Не то, что «Борман»...

— Ой, девочки, подвиньтесь, я тоже хочу на первом ряду сидеть!

— Марина, передай своей Казаковой, чтобы не смела на него облизываться. Он — мой!

Ну да, ну да, Кристиночка...

Я подавила малодушное желание сразу после лекции сбежать домой. Ежу понятно, что Гордин появился здесь неслучайно. Так вот что значило внезапное «оживление» свадебного браслета — он просто «почуял» вблизи свою пару! Колдун отыскал какой-то способ переместиться в мой мир. И, раз нашёл здесь, то и дома настигнет без труда. Здесь хоть народу много, может, сразу не убьёт...

Остаток дня прошёл как на иголках. Как ни странно, Гордин не делал никаких попыток со мной заговорить. И на второй день тоже.

Я понапрасну терялась в догадках и нервничала всё больше.

В конце дня мы мимоходом встретились в коридоре. Я шла «под конвоем» Шурика и Димки Морозова с пятого курса, Гордин с каменной улыбкой шествовал в окружении маленького женского «стада». Равнодушно скользнул по мне взглядом и прошёл мимо. Но я успела заметить, как на его скулах заходили желваки, и убедилась, что он не собирается оставлять всё как есть.

Видимо, это была его тактика — запугать, довести до нервного срыва, а потом... Что потом?!

Я кое-как отделалась от своих кавалеров и с отчаянной решимостью завернула на свою кафедру. Сейчас там уже почти никого не было, и я без помех порылась в «хозстоле» в поисках больших ножниц по металлу. Я помнила, они должны быть где-то там...

С бешено колотящимся сердцем я подцепила ножницами свой браслет и надавила что было сил. Тело тут же пронзила такая боль, что потемнело в глазах. Я выронила ножницы, села прямо на пол и расплакалась. На червонном золоте браслета не осталось даже царапинки...

За спиной гулко хлопнула дверь. Я не могла заставить себя оглянуться, потому что и так знала, кого увижу. Сердце обречённо бухнулось в пятки, но я всё же нашла в себе силы подняться.

Три тяжёлых шага — и он остановился у меня за спиной. В висках мучительно пульсировала тишина...

И тут Гордин схватил меня за плечи и прижал к себе — так сильно и грубо, словно хотел сломать о своё железное тело.

— Как... ты... могла...

Я до крови закусила губу. Что я могу ему сказать? Поймёт ли он — сейчас, в таком состоянии, если не понял тогда?!

Он медленно развернул меня к себе, заставил поднять голову и смотреть себе в глаза.

— Ты готова отрезать себе руку, но избавиться от моего браслета. Неужели ты настолько меня ненавидишь? Неужели ты всё это время только притворялась?

Он говорил глухо, словно каждое слово давалось ему с трудом.

— Нет, — наконец, смогла прошептать я. — Это не так... Гордин, пожалуйста, не мучай меня...

— Я мучаю?! — в бешенстве рявкнул он. — Я?! Это я сбежал от тебя, я предал?! Это я убил... убил своего ребёнка?!

Мне показалось, что он сейчас меня ударит, но тут его голос сломался. Руки, державшие меня, бессильно разжались.

— Я... не хотела, правда. Откуда я могла знать, что перемещение подействует... так. Я никогда не пошла бы на это специально.

По его глазам было понятно, что он мне не верит.

Мне вдруг до боли захотелось, чтобы эти колючие, измученные глаза потеплели и снова, как раньше, посмотрели на меня со страстью или нежностью. Но только не равнодушно... Я с новой силой почувствовала, как безумно, дико по нему соскучилась!

Я поняла, что сейчас окончательно расклеюсь, начну оправдываться, просить прощения, зареву, и мой жалкий вид окончательно его оттолкнёт. И неожиданно для себя тоже завелась.

— Да, конечно, ты прав, прав, как всегда! Только ты имеешь право на ошибку, другим такого не позволено! Тебе всегда было плевать на мои чувства, Гордин. Ты не давал себе труда поговорить со мной, узнать, что у меня на душе, как мне бывает трудно... В этом весь ты — забота только о себе, своих желаниях, своём самолюбии... Ты так и не смог измениться и, наверное, уже не сможешь. И я рада, что улетела из твоей клетки. Я хочу быть свободна!

Он вздрогнул, как от пощёчины.

— Хочешь? Хорошо. Скоро ты будешь свободна, это я тебе обещаю!

Гордин развернулся и вышел, хлопнув дверью, а я снова сползла на пол и тихо заплакала.

Теперь точно всё.

В течение недели ничего не происходило.

Я видела Гордина только на лекциях; он демонстративно не обращал на меня никакого внимания, к вящей радости Кристины и других девчонок. Несколько раз по ночам я просыпалась от нестерпимой боли в руке, кожа под браслетом покраснела, как от ожога, но сам он оставался на месте. Значит, Гордин может здесь колдовать и пытается сломать нашу магическую связь. Только пока у него ничего не выходит...

Наблюдательная мама поймала меня на том, что я практически перестала есть, Маринка — что я хожу как в воду опущенная, периодически натыкаюсь на двери и людей и отвечаю невпопад. А Шурик (надо же!) прозорливо заметил, что я похожа на человека, переживающего несчастную любовь. Наверное, это и впрямь выглядело так, но подробностей от меня никто не дождался.

Я многое передумала за эту мучительную неделю. Противоположные желания буквально рвали меня на части: малодушно оставить всё как есть, жить каждому своей жизнью... или у всех на глазах повиснуть на шее у любимого мужчины. Но он тогда точно оттолкнёт меня... И будет прав.

Гордин, Гордин... Ну зачем ты появился на мою голову! Пусть я тогда была виновата, но дело сделано, я теперь живу здесь. Было бы легче, если бы всё произошедшее по-прежнему казалось мне сном и постепенно (ну хорошо, очень-очень постепенно!) забылось. А что сейчас?! Я опять наговорила ему какой-то чуши, обвинила в своих собственных ошибках... Если бы Гордин просто подошёл, обнял и сказал, что он наконец-то нашёл меня и немедленно забирает обратно в свой мир — кажется, я согласилась бы не раздумывая. Если бы мы могли сразу спокойно поговорить, то сейчас всё было бы по-другому... Он бы рассказал, как смог «пробить» невидимые границы, с какими силами договорился — ведь у меня самой это не получилось. И как его «угораздило» сразу же записаться в преподаватели, так легко сориентироваться в незнакомом городе, да ещё наостриться лекции читать — «настоящему». Да, всё-таки мой муж — настоящий колдун! Так, поправочка: бывший муж. Пока ещё связанный со мной неразрывными узами магических «наручников», но душевно (да и физически) далёкий и холодный, «как айсберг в океане». Грустные дела... Нет, невыносимо-паршиво-хуже-некуда дела!!

Ко всему прочему, мне ужасно неприятно было видеть, как возле Гора неизменно крутится целый рой из студенток, аспиранток и молодых (и не очень) преподавательниц. Я часто натыкалась на него в коридорах факультета, в деканате и даже в кафе — и вынуждена была наблюдать, как он непринуждённо с ними флиртует. Вроде бы не сказал ничего многозначительного, пошутил к месту, глянул своими чёрными глазами — и очередная дама «поплыла». Кристина лезла из кожи вон, чтобы почаще попадать в поле его зрения: приходила на лекции в жутких мини и садилась за первую парту (это право она отвоевала, честно подравшись с «вице-примой» Ларисой), невинно хлопала глазами, задавала умные, как ей казалось, вопросы... И только я, зная Гордина лучше остальных, могла заметить, что он втихаря насмехается над вызывающей красоткой.

Я, наоборот, старалась в эти дни одеваться как можно приличнее, но даже в самом простом трикотажном платье до пят умудрялась, по мнению Маринки, выглядеть «супер секси». Переживания и плохой сон по-прежнему никак не отражались на моей внешности, и я, в свою

очередь, могла бы посоревноваться с Гордином по количеству навязчивой свиты. Моя «бледно-воздушная краса» поневоле вызывала у парней рыцарские чувства, так что хоть от грубых и прямолинейных предложений «пойдём ко мне» я была избавлена. Но и в защите-опеке также не нуждалась и продолжала буквально прятаться от настойчивых кавалеров. Всё чаще после лекций оборачивалась птицей в каком-нибудь укромном уголке, только чтобы отвертеться от «проводить» и «подвезти». Особенно в последнее время активизировался Влад — сынок «какого-там» папаши, красавчик и ловелас. Меня от него и до этого тошнило, а сейчас — и подавно. Влад дошёл даже до того, что в один из выходных припёрся ко мне домой и явно старался понравиться родителям! После его ухода папочка долго ходил задумчивый, недоумевая, почему его так напряг этот в общем-то «милый мальчик». И почему наша киса вдруг решила нагадить ему в ботинок... Я не стала объяснять.

В понедельник меня отловил Шурик, утащил в уголок и стал пламенно расписывать, какой гад этот Сырейщиков (как будто я не знаю...), а папаша у него и того хуже — настоящий бандит! Я сказала, что и не думала с ним встречаться, и тут же получила встречное предложение. Собиралась вежливо послать, как всегда, но вдруг увидела Гордина с ректорской секретаршей. Её взяли на эту должность явно за красивые глаза (и не только глаза), но она, наплевав на благодетелей, буквально вешалась на шею моему Гору. Ну, не моему теперь... Так не средь бела дня, стерва! А он не делал никаких попыток её оттолкнуть...

Я так разозлилась, что повернулась к Шурику и потребовала немедленно себя поцеловать. Он обалдел и тут же послушался, пока не передумала. Но едва дотронулся до моих губ, как неожиданно охнул и схватился за... хм... причинное место.

— Ты чего?

— Да... это... как током ударило! Больно...

— Ты что, к розетке прислонился?

— Да какая тут розетка, блин... Э, погоди, не уходи! Твоё обещание ещё в силе?

— Ну, не знаю. Вдруг тебя опять током дёрнет.

— Не дёрнет.

— Ну, давай.

Шурик, на этот раз несколько нервно, наклонился к моему лицу... И тут сценарий повторился. Он задёргался, охая и ругаясь, а я поскорее смылась, тайком хихикая в кулачок. Ну и придурок этот Шурик! В штанах у него, что ли, эта розетка!

В туалете я, как назло, увидела Риточку, эту секретаршу, чтоб ей пусто было. Девушка находилась в лёгком неадеквате и судорожно пыталась привести в порядок причёску — слава Богу, не растрёпанную, а напоминавшую тот самый «взрыв на макаронной фабрике». Всегда тщательно налаченная, её чёрная шевелюра сейчас торчала неравномерными сосульками, а чёлка колом вздыбилась вверх, как будто бедная девушка только что увидела привидение.

— Ой, что это с вами? — с фальшивым сочувствием осведомилась я.

— Не знаю! — Риточка чуть не плакала. — Всё было нормально, шла по коридору, никого не трогала... Девушка, вы мне не поможете, у вас есть расчёска?

— К сожалению, нет. Вы попробуйте водой, а у меня сейчас лекция начнётся...

Я вышла, мстительно посмеиваясь. «Никого не трогала...» Только чужого мужа, хищница! Не знаю, что вдруг случилось, но так ей и надо!

Последняя пара была у Гора. Я отметила, что Кристина явно подготовилась к решительному штурму: оделась так вызывающе, что даже у наших тёртых мальчиков глаза полезли на лоб. После окончания лекции она подошла к преподавателю с какими-то вопросами, явно намереваясь задержать его, пока все не выйдут. Девчонки, видимо, тянули жребий, или Кристинка их вконец застрашала — но все они дисциплинированно покинули зону будущего соблазна. Я не смогла побороть болезненного любопытства и ускакала в уголок, обернулась и тихонько пристроилась на широком подоконнике. Аудиторию с улицы было прекрасно видно. Вот девушка, продолжая что-то говорить, придвинулась к жертве поближе, подставив под его взгляд глубоченное декольте, вот поощрительно улыбнулась, «случайно» коснулась бедром... Я огорчённо заёрзала, видя, что Гордин и не думает спасаться бегством. Ну, мазохистка, так и будешь на них любоваться?!

Кристина между тем привстала на цыпочки и цапнула его за шею. Гордин наклонился... И тут случилось неожиданное — Кристина взвизгнула и отпрянула, едва удержавшись на своих каблуках. Я так и не успела понять, что случилось, и почему её волосы, подобно секретарским, вдруг взметнулись в разные стороны, да так там и застыли. Девица подхватила сумку и стремительно ретировалась. А Гордин... Он неторопливо обернулся и посмотрел через стекло прямо на меня. Я попятилась и чуть не кувыркнулась с подоконника, а он продолжал смотреть... и смеяться.

...Мне опять снился тот же сон. Одинокая птица над безмолвным зимним лесом; слепящее холодное солнце — а на его фоне мечется, бьётся зловещий чёрный силуэт, и зовёт, зовёт меня хриплым вороньим голосом. Я вскидываю руки, страстно желая оказаться рядом — я ведь тоже умею превращаться в птицу. Умею... но только не сейчас. Я в отчаянии наблюдаю, как встрепанные чёрные крылья несутся прочь... И вдруг — две короткие яркие вспышки пронзают белёсое небо, птицу словно подбрасывает в воздухе... И она, кружась, начинает падать. Всё быстрее, быстрее... Мне не успеть, поздно! Мёртвую тишину пререзает мой оглушительный крик... И я просыпаюсь.

Лицо залито слезами, руки трясутся от пережитого ужаса. Я с трудом встаю и иду умываться, потом набрасываю поверх сорочки халат и сажусь в компьютерное кресло.

Полчетвертого ночи. Мне вставать к первой паре, но спать категорически расхотелось. Я кладу голову на подтянутые к груди колени и бездумно смотрю на тёмную улицу. В соседнем доме горят всего два окна, где-то вдалеке изредка шуршат по проспекту машины...

И вдруг среди этой тишины раздаётся явственное близкое хлопанье крыльев. Я замираю, а сердце, наоборот, начинает стучать как бешеное — потому что за стеклом возникает до боли знакомая чёрная птица. Гибрид ворона и чайки, скрипя когтями, устраивается на подоконнике, клювом осторожно отодвигает приоткрытое окно и тихо-тихо просачивается в комнату. Плавный прыжок — и на пол беззвучно приземляется высокий мужчина в джинсах и тёмной рубашке. Босые ноги, длинные чёрные волосы небрежно собраны в хвост. Выждав пару секунд, он делает несколько шагов к кровати — бесшумных и уверенных, словно он здесь не впервые — и вдруг замечает, что она пуста. Останавливается в нерешительности, потом резко оборачивается.

— Привет, Гордин.

Мне сложно разглядеть в темноте его лицо, но, кажется, он порядком смущён.

— Ээ... привет.

— Можно спросить, что ты здесь делаешь?

— Да вот, пролетал мимо...

— В который раз?

— Прости, — сдаётся он. — Я не хотел тебя пугать.

— Зачем ты пришёл?

Гордин хотел было что-то ответить, но осёкся, махнул рукой и сел на пол недалеко от меня, прислонившись спиной к книжному шкафу.

— Нам надо поговорить.

— Хорошо.

— Тебе сейчас придётся выслушать одно уникальное признание, — криво усмехнулся он. — Выдающийся колдун Моран окончательно понял, что не знает, что ему делать.

— В смысле?

— Лера, они не снимаются. Я перепробовал все доступные мне способы и даже пару сильно рискованных — но то, что заключено в этих чёртовых браслетах, сильнее меня. Это полностью моя вина — я не изучил до конца их свойства, самоуверенно думая, что нам с тобой не захочется избавляться от них.

— И что же теперь делать? Я так поняла, с ними нам никакой личной жизни не светит?

— Что, твоих тоже током бьёт? Вот умора! — снова скривился Гор. — Возможно, я бы смог разгадать их сущность, но только не здесь. В замке у меня есть старинные книги, Драгмар, в конце концов. Мы могли бы попытаться...

— Так в чём же дело? Возвращайся и изучай хоть до посинения, ты же тоже этого хочешь.

Колдун покачал головой и как-то странно улыбнулся.

— Неважно, чего я хочу. Важно то, что это просто невозможно. Лера, я не могу вернуться обратно.

— Как?! — не поверила я. — Ты же нашёл способ проникнуть в мой мир, значит, и вернёшься без труда!

— Думаешь, я не пробовал? Когда понял, что стал для тебя только неприятным воспоминанием... Я попал сюда скорее случайно, а не от переизбытка собственного могущества. Какая-то непонятная сила затянула меня... Так что, видимо, я навсегда останусь в твоём мире.

Он говорил небрежно, даже насмешливо, но я пришла в полный ужас. Он оказался здесь из-за меня... Что теперь будет?! Привыкшему к уединению человеку очень сложно жить в большом

городе — с его шумом, каждодневной суетой, опасностями и всеобщим равнодушием... А если этот город к тому же находится в чужом мире, и нет почти никакой надежды вернуться домой?! Я-то знаю, каково это...

Что будет с заколдованным замком в отсутствии «живого» хозяина? Он снова пропадёт неизвестно куда или просто медленно зачахнет без него? А как же Мирна с Brentом? Драхмар? А Тео?!

Там он был нужен им всем, а здесь — никому, даже мне. По крайней мере, он сейчас так думает...

— Только не вздумай меня жалеть! — резко сказал Гордин, прекрасно догадываясь о ходе моих мыслей. — Я вполне неплохо устроился. Зарплату обещали приличную, квартиру вон сняли. Я даже колдую в полсилы. Не пропаду!

Он встал и мимолётно коснулся моей руки.

— Прости меня, Лера, если сможешь. Я порядком испортил тебе жизнь.

— Я сама виновата, — буркнула я, огорчённая тем, что он сейчас уйдёт. — Могла бы не корчить из себя обиженного ребёнка и сразу с тобой поговорить...

— А я мог бы заметить, что с тобой что-то не так, и спросить об этом первый... — вздохнул Гордин. — Ты абсолютно права, я — законченный старый эгоист и, видимо, не способен нормально о ком-то заботиться. Такому, как я, лучше быть одному.

— Ничего ты не старый...

— А вот как быть с твоей личной жизнью — пока не знаю, — словно не замечая, продолжал он. — Возможно, браслет и дальше будет бить твоих ухажёров током, а, возможно, «привыкнет» к вашему не обременённому моралью миру и перестанет. У нас будет ещё время это обсудить, ты непротив? Я рад, что мы наконец-то спокойно поговорили... Я пойду, пожалуй.

У меня внутри всё опустилось.

— Гордин... Скажи, а зачем... зачем ты всё-таки приходил?

Он не стал оборачиваться.

— Просто... Один бессердечный колдун не может ничего с собой поделаться... и продолжает скучать по одной бессердечной девчонке...

— Я тоже скучаю, Гор... — прошептала я, убитая этим горьким признанием.

Какие же мы с ним оба дураки!!

Я вскочила так резко, что, не будь кресло на колёсиках, на грохот тут же примчались бы родители. Подбежала к нему, обхватила обеими руками, крепко-крепко, судорожно прижалась к его окаменевшему телу.

— Не уходи.

— Лера, ты не понимаешь! Будет только хуже...

Я не отпускала рук, и Гордин невольно обнял меня тоже.

— Родная моя, это всё эмоции, нам обоим сейчас трудно, но не надо, прошу, не надо продлевать эту пытку...

— Не уходи.

— Что же ты со мной делаешь?! — в отчаянии сорвался он. — Зачем, если я тебе не нужен...

— Нужен. Я соврала тебе тогда... Ты мне нужен, Гордин. Не на сегодня, навсегда.

Его руки заметно дрогнули.

— Ты... уверена?

Я кивнула.

— Лер, скажи, что случилось, почему ты вдруг...

— Потому, что глупой девчонке пора, наконец, повзрослеть. Перестать обманывать саму себя и понять, чего же она хочет на самом деле. Может, уже слишком поздно, но... Моя жизнь без тебя просто не имеет смысла. Как же я раньше не могла этого понять...

Из груди Гора вырвался низкий глухой стон; он подхватил меня на руки и прижался влажной щекой к моему лицу. Не веря себе, я тронула губами обжигающую солёную каплю и тут же сама всхлипнула. Судорожные вначале поцелуи превратились в страстные, а потом остатки здравого смысла благополучно нас покинули.

Я смутно помню, как яростно сдирала с него рубашку... Ближе к утру выяснилось, что на ней осталась всего одна пуговица. Гордин со счастливой улыбкой погрозил мне пальцем, поцеловал на прощание — и улетел.

А я кое-как прибралась в комнате и пошла на кухню варить кофе. Ложиться спать уже не было смысла, да разве я и могла сейчас уснуть?

Я чувствовала себя абсолютно, ну просто нечеловечески счастливой. Наконец-то я хоть что-то сделала правильно. И — мы попробуем начать всё сначала.

...Я недооценила собственную мамочку. За завтраком она первым делом поинтересовалась, почему это у меня с утра пораньше такой неприлично довольный и бодрый вид — когда другие особи (даже кошка) только-только продрали глаза и поминутно зевают во весь рот.

— А разве плохо, что у меня в кои-то веки хорошее настроение?

— Нет, я, конечно, очень рада, правда. Как и то, что из твоей комнаты откровенно тянет мужчиной. И парфюм такой приятный!

Мы с папой подавились одновременно. Блин, проветрить забыла...

— Я... ээ... Тебе показалось, наверное, — наконец, откашлялась я. — Или ты не узнаёшь старый добрый «Кинг».

— Ха, — гордо парировала мама. — Кого ты лечишь, милочка? Моя подруга работает в Рив Гоше на Невском, сама знаешь. Я там всё по десять раз перенюхала... Такой запах тянет как

минимум на красненькую!

Заинтригованный отец тут же бросил яичницу и устремился в мою комнату. Вернулся в недоумении.

— Ты уверена, Зайка? Чего на дочь наговариваешь, вроде всё чисто!

— Вот-вот! — с готовностью поддакнула я.

— Я, в отличие от тебя, тугоносостью не страдаю! — ничуть не смутилась мама. — Давай, Олег, доедай, пока Мура тебя совсем без колбасы не оставила... А с тобой, старшая киса, мы поговорим вечером!

— Ой, напугала! — лицемерно отмахнулась я. — Ладно, мне пора... У нас сегодня очередной беспредел, так что вернусь поздно. Может, даже очень поздно...

— Ничего, я тебя дождусь, — с ласковой улыбкой пообещала мама.

— Зоя, ну что ты пристала к ребёнку...

Я закрыла дверь и вздохнула. Так, нужно срочно испортить себе настроение, пока другие тоже чего не заметили. Даже хорошо, что Маринка приболела... А Влад-Шурик-остальные? А Кристинка? Блин...

Не смотря на все усилия, актёрское мастерство сегодня во мне так и не проснулось. Видать, был у меня какой-то особенно позитивный вид: встречные люди невольно улыбались, парень на улице засмотрелся и откровенно врезался в столб, а в метро сразу два мужика вскочили, уступая мне своё место. Чтобы никого не обидеть, я посадила каких-то тёток и осталась стоять, улыбаясь, как шизофреник в марте. Народу это, впрочем, нравилось...

На лекциях я забивалась на галёрку и сидела как мышка, но однокурсники всё равно оборачивались и шёпотом допытывались, чего это я так сияю. От Кристины пришла записка: «Поздравляю, наконец-то удачный секс?», и я не придумала ничего лучшего, как радостно кивнуть. Завистница скисла, зато остальные порядком оживились. Хорошо, что сегодня не было лекции у Гордина — прокололась бы в момент! Хватило и мимолётной встречи в коридоре, чтобы бежать в уголок прятать свои жарко покрасневшие щёки...

Мы договорились встретиться после занятий и допоздна болтались по Центру. Целовались на набережной, недвусмысленно переглядывались, сидя напротив друг друга в кафе, потом как-то незаметно оказались у него в квартире. Я не успокоилась, пока не вытрясла из Гора подробный рассказ о его перемещении. И о том, что было перед ним...

Он принципиально не стал распространяться о том, что пережил после моего внезапного исчезновения, но и случайные оговорки значительно умножили количество камней на моей совести. Как он искал меня, как обнаружил чёрный «след» от браслета, как провёл рискованный обряд магического гадания на крови — и вдруг понял, что я уже нахожусь в другом мире. А ребёнок — он просто перестал существовать, растворился, словно его и не было... Ничего не было.

Гордин сначала был уверен, что меня похитили, усиленно искал неизбежные в таком случае «магические отпечатки» чужаков. И ничего не находил. А потом вдруг обратил внимание на оставленный мной рисунок. Комната в чужом мире — как волшебная дверца, через которую можно вернуться обратно. Добровольно. В своё время я рассказывала, как раньше, пусть и

бессознательно, стремилась попасть сюда, в созданную воображением «сказку». И ведь попала! Из этого следует простой и страшный вывод: теперь я ушла обратно в свой мир. Сама...

Но почему?! Что случилось, что он сделал не так?! Гордин честно пытался думать на эту тему, найти хоть какую-то зацепку — но моё бегство по-прежнему представлялось ему полнейшей нелепостью. Он ведь так старался заботиться о своей «принцессе», был терпеливым, оберегал... Чего же её не хватало? Вспомнились её последние слова, а точнее, истерические выкрики про отсутствие свободы. Неужели дело только в этом?! Ведь это было не так, он лишь хотел, как лучше...

Постепенно боль переросла в жесточайшую обиду на меня, а она — в злость и желание отомстить за предательство. Он всю душу вывернул перед этой девчонкой, а она преспокойно потопталась по ней ногами... Такое невозможно простить.

Тогда, давно, Лориана хотя бы честно написала ему, что любит другого, а эта... Просто исчезла, без объяснений и ненужных, с её точки зрения, разговоров. Гордин во второй раз остался в дураках. Негодящий мужчина, жалкий колдун... Он даже не сможет высказать этой изменщице всё, что о ней думает, и тем хоть немного успокоить уязвлённую гордость.

Гор днями и ночами просиживал над проклятым рисунком, желая подчинить себе его странную магическую сущность и проникнуть в изображённую на нём комнату. Но у него ничего не получалось...

Брошенный муж, бывший снисходительный хозяин и благодарный ученик постепенно превратился в злого, вечно раздражённого монстра; через какое-то время даже верный Тео начал его избегать. Гордин понимал, что ведёт себя недостойно, снова становясь прежним, бездушным колдуном Мораном. Но ничего не мог с собой поделать...

И вдруг однажды, привычно нарезая круги вокруг замка, чёрный «ворон» был подхвачен невидимой волной ужасающей силы. Его несло и кувырало в сбесившихся воздушных вихрях, выкручивая крылья, заставив зажмурить слезящиеся глаза... А потом так же внезапно всё кончилось. «Ветер» стих, и Гордин обнаружил себя уже человеком, причём восседающим на чудном стуле на колёсиках, перед столом со странным голубоватым экраном. На нём крупными буквами было написано «Добро пожаловать!» Куда только, интересно? Гордин огляделся и сразу же понял, что эта незнакомая комната принадлежит явно чужому миру. Слишком уж тут всё необычное...

Когда прошёл первый шок, Гордин занялся активным изучением странного помещения. На столе рядом с ним обнаружилась тонкая папка с надписью «документы», а в ней — бумаги с часто повторяемым именем: Георгий Гордиевич Ворон. Тридцати двух лет, место рождения — Новосибирск, доцент такого-то факультета такого-то Университета. Но его поразило другое: на всех вклеенных фотографиях было его собственное лицо! Ну, может быть, не совсем его — волосы покороче и нос поровнее — но с первого, да и со второго взгляда точно не отличишь!

Около кровати стоял раскрытый чемодан с одеждой и книгами, в основном по местной истории и иже с нею. Гордин ради интереса полистал одну — и вдруг совершенно ясно осознал, что досконально понимает её содержание, как будто сам написал. Взял другую книгу — тоже самое. Его колдовские способности (или влияние этого странного места?) срабатывали таким образом, что ему потребовалось до смешного мало времени на адаптацию. «Изучив» все найденные книги и газеты, Гордин занялся загадочной штукой с мерцающим экраном. Ткнул наугад пару клавиш внизу — и увидел, что на экране отобразились буквы. Остальное, как говорится, было делом техники. Он набрал имя пресловутого Г.Г. Ворона и смог добыть ещё

немало полезной информации. В частности, длинный текст со смешным названием «Мемуары» (в таком-то возрасте!). Что-то про детство, школу, каких-то девчонок, гибель родителей, увлечение историей и археологией... Последняя фраза заставила Гордина вздрогнуть. «Ура, еду работать в Питер!»

Питер! Это слово он знал слишком хорошо. Город из мира, в котором жила и, с большой долей вероятности, и сейчас живёт его предательница-жена. Значит, перемещение всё же состоялось!

Гордин вышел на балкон и с высоты оглядел окружающий пейзаж. Он смутно напоминал Лерины рисунки и казался холодным, мокрым и суетным. Но Гордин был настроен отнюдь не сентиментально. Если это и есть Питер, значит, он найдёт девчонку, это лишь вопрос времени!

В комнате раздался неприятный дребезжащий звон — он исходил от небольшой плоской коробочки, лежавшей на краю стола. Колдун повертел её в руках, по наитию нажал левую кнопку — и вдруг услышал незнакомый бодрый голос:

— Здравствуйте, Георгий!

А почему бы и нет?

— Здравствуйте.

— Это Павел Аксёнов, мы с вами недавно говорили...

— Угу.

— Надеюсь, у вас всё хорошо? Как добрались, устроились? Ключи от квартиры вам передали? Как квартира, понравилась?

— Да, спасибо, всё замечательно, я очень доволен.

— Отлично! Сегодня отдыхайте, а завтра выспитесь и приезжайте. Оформитесь, с деканом пообщаетесь, войдёте, так сказать, в курс текущих дел.

— Будьте любезны уточнить адрес и как до вас лучше добраться.

— Конечно, записывайте!..

Когда бестелесный голос затих, Гордин вытер вспотевший от напряжения лоб и задумался. Выходит, тут его принимают за человека с выразительной фамилией Ворон, который приехал из какого-то Новосибирска работать на историческом факультете некоего Университета. Не того ли, о котором рассказывала Лера? А если он её там встретит?

С другой стороны, где же сам таинственный «человек-Ворон»? Или он вот-вот явится и разоблачит наглого самозванца, или... Может такое быть, что его никогда и не существовало? И какие-то неведомые боги, ехидно ухмыляясь, просто решили дать ему шанс. На что только? Попробовать свои «великие таланты» в другом мире? Найти сбежавшую жену, задать ей хорошую трёпку и гордо уйти? Или... Может быть, им даётся возможность начать всё сначала?

Гордин решительно отверг последний вариант (слишком глупый, ненужный... слишком заманчивый...) и с энтузиазмом взялся за собственное преобразование. Книги, газеты, телевизор и интернет — все источники информации были пущены в ход. Вечером Гордин нарядился в

один из обнаруженных костюмов и вышел в город. Послушал разговоры местных, подивился на их количество и унылую манеру одеваться, поборол невольный трепет от бесконечного потока железных повозок на улицах. Поел в заведении с надписью «бистро» (видимо, для таких, как он, в её стеклянной витрине красовались муляжи разнообразных тортов, жареных кур и винных бутылок). Расплатился местными, найденными среди вещей деньгами, и даже получил кокетливую улыбку от девушки-разносчицы. Словом, Гордин понял, что жить в этом непохожем на его мире он вполне сможет, и ночью спал вполне спокойно, не особенно переживая за завтрашний день с его решающей «проверкой».

И это «завтра» действительно прошло вполне спокойно. Никто не распознал в нём «пришельца», новые коллеги встретили его дружелюбно, а туземные дамочки — и вовсе почему-то «на ура». Он на всякий случай «включил» максимальный уровень обаяния, о чём впоследствии пожалел не раз. Девушки, да и женщины постарше просто не давали ему прохода, подкарауливали и всячески набивались на более близкое знакомство. Ему же было сейчас не до местных красоток: через несколько дней своего пребывания в стенах Университета он неожиданно встретился с Лерой. Его жена, в совершенно неприличной короткой юбке и с остриженными вдвое волосами сидела в плотном кольце каких-то молодых людей. Бессовестная, наглая... Прекрасная до безумия. Он с трудом заставил себя не смотреть на неё, кое-как провёл свой урок и малодушно сбежал. Взлелеянное желание как следует потрясти предательницу, наорать на неё, унижить вдруг стремительно изменилось на прямо противоположное: украсть, притащить обратно в свой мир, а для начала — хоть в ту же квартиру, и задушить в объятиях, зацеловать, залюбить... Гор бешено злился на себя за эту недостойную слабость, пытался растравить мучительные воспоминания о её поступке и договориться со своей гордостью — ничего не помогало. Единственным слабым утешением служил явно исходящий от девушки страх. Значит, она понимает свою вину, боится его... Правильно боится! Им всё равно придётся поговорить и объясниться, наконец...

Гордин не думал, что это объяснение выйдет таким болезненным. Что Лера с перепугу — или сознательно — захочет уничтожить свой венчальный браслет. Конечно, у неё ничего не вышло... И короткий разговор напомнил беседу немого с глухим. Они совсем перестали понимать друг друга. Каждый считая жертвой себя, а другого виноватым, и это был тупик. Значит, им действительно не судьба быть вместе...

Вечером Гордин по-земному напился, заглушая боль, но уже с утра принялся действовать. Пусть будет как будет. Лера сделала свой выбор, а значит, остаётся как-нибудь избавиться от браслетов и вернуться в свой мир, наплевав на недостойное его желание мелко отомстить.

Благородный порыв, впрочем, остался таким только в теории. Проклятые волшебные браслеты и не думали сниматься. И, самое главное, Гордин вдруг осознал, что понятия не имеет, как ему переместиться обратно в свой замок. Рисовать он не умеет, не просить же Леру помочь! Загадочный «ветер» тоже не возвращался... Не значит ли это, что он, в свою очередь, стал «игрушкой» в руках высших сил, и теперь останется в чужом мире навсегда? Что ж, может, и так... Тогда надо кончать хандрить и просто жить дальше.

Гордин обнаружил, что многие из его колдовских навыков действуют и здесь. Одной из таких прежних радостей было сохранившееся умение превращаться в птицу. Он летал по городу, сначала бесцельно, а вскоре пристрастился украдкой провожать жену до её дома. Одна она выглядела печальной и какой-то растерянной, и Гор несколько раз подавлял желание попробовать ещё раз поговорить с ней. А потом придумал забираться к ней в комнату и тайком смотреть, как она спит. Не холодная, колючая, а беззащитная как ребёнок, прекрасная, всё ещё безумно дорогая для него девочка... Которая в одну счастливую ночь его всё-таки застукала...

На этом месте Гордин закончил свой рассказ, и я наконец-то дала волю слезам. Он же меня потом и успокаивал...

Я спохватилась, когда было уже очень поздно. Мы обратились и полетели ко мне. Под охраной внушительной птицы я чувствовала себя в безопасности и по пути нахально задирала встречных ворон. Мы посидели на ветке под моими окнами, удостоверились, что родители легли спать, и осторожно просочились через форточку ко мне в комнату. Расставаться не хотелось... Вчерашний недосып коварно сделал своё дело — и в какой-то момент мы с Гордином благополучно отрубались. А утром нас предсказуемо «застали на месте преступления».

— Видишь, что я тебе говорила?! — зашептала, стоя в дверях, мама. — А ты ещё не верил...

— М-да... Что делать-то будем?

Я думала о том же, старательно притворяясь спящей. Ой, что сейчас начнётся! Застать свою примерную доченьку в обнимку с незнакомым мужиком... Конец света!!

Тут Гордин открыл глаза и рывком сел, небрежно поддерживая у пояса одеяло.

— Доброе утро! — жизнерадостно сказал он. — Наконец-то у меня появилась возможность познакомиться со свёкрами!

У родителей синхронно отвисли челюсти.

— Я хотел сказать, с будущими свёкрами! — с улыбкой поправился Гордин, одновременно тихонько поглаживая меня по волосам.

— Ээ... Ну, тогда прошу позавтракать с нами, да? — наконец, промямлил папа.

— Спасибо, с удовольствием!

Ошарашенные родители исчезли за дверью, а мы снова рухнули в кровать — я красная как рак, а Гордин — придушенно хихикая. Я подумала-подумала и тоже к нему присоединилась.

— Ну, у них был и видок! На тыщу баксов!!

— По-моему, я им понравился, — Гордин не без труда отыскал свою рубашку — под стулом — и принялся деятельно её отряхивать. — Надо произвести хорошее впечатление, и тогда они не будут против того, чтобы мы с тобой официально здесь поженились.

— Да поздно уже как-то быть против...

— А ты сама часом не передумаешь?

Я хотела поддразнить его чем-нибудь вроде «не знаю, это будет зависеть от такой-то там фигни», но вовремя одумалась. Слишком уж свежи были наши памятные разборки, слишком много нервов мы друг другу испортили, и я — в первую очередь...

Поэтому я просто с улыбкой покачала головой и первая потянулась, чтобы его поцеловать.

А потом мы все вместе сидели на кухне, ели макароны по-флотски и мило общались. Гордин неловко прятал под столом свои босые ноги — на него не налезли ни одни «гостевые» тапки, в остальном же чувствовал себя вполне комфортно и с самого начала разговаривал с родителями

на равных. Что было неудивительно, учитывая, что по факту рождения они были почти ровесниками, и стратегически очень правильно. Мой бедный папа вынужден был поневоле отказаться от патетичных мизансцен вроде «как ты могла, о дочь моя!..» или даже «сударь, извольте немедленно покинуть мой дом!» — и в таком духе. Вместо этого состоялся вполне конструктивный диалог взрослых людей, в котором я почти не участвовала. Зато активно участвовала кошка — она неожиданно прыгнула к Гордину на колени, получила с руки кусочек фарша и решила задержаться: свернулась клубочком и громогласно замурлыкала. Я объяснила вновь прибалдевшим родителям, что у этого товарища дома остался любимый кот, и он вообще очень любит кошек — и это мигом прибавило ему кучу положительных баллов. Гордин вкратце рассказал о себе, точнее, о загадочном товарище Г.Г.Вороне, биографию которого выдумал сам. Отец вполне оценил перспективы «жениха» и решился только на крайне осторожное неодобрение «шуров-муров» между преподавателем и студенткой.

— Вообще-то мы познакомились, когда Гор ещё не был моим преподавателем, — встряла я.

— Гор?

— Ну, вам разве не кажется, что называть такого харизматичного мужчину Гошей — это моветон?

Мама невольно хихикнула, соглашаясь, и спросила Гордина, можно ли им называть его так же. Он великодушно разрешил и, в свою очередь, предложил звать «таких молодых родителей» по именам, без отчеств — и, конечно же, получил «добро».

Уже за чаем он как бы мимоходом объявил главное:

— Мне, конечно, будет очень приятно, если вы признаете меня достойным вашей дочери. Но, скажу вам честно, я в любом случае намереваюсь в ближайшее время отвести её в ЗАГС. Хоть заприте её дома — украду и женюсь. Вот так.

Папаша снова рефлекторно насупился и заёрзал на стуле, зато мама одобрительно улыбнулась. Подтолкнула его локтем:

— Между прочим, очень похожие слова кое-кто говорил моим собственным предкам. Я до сих пор вспоминаю, какого ты тогда шороху навёл... Зато и уважение заслужил сразу. Так что, дорогой, думаю, нам с тобой остаётся смириться и начать копить денежки.

— Это необязательно, — качнул головой Гор. — Я вполне и сам смогу обеспечить это мероприятие. К тому же мы с Лерой хотим скромную свадьбу, правда?

Я улыбнулась и кивнула.

— Никаких дальних родственников и кучи друзей. Наши девчонки и так в него повально влюблены, если узнают — боюсь, порвут меня на тряпочки... Хочу только Маринку и дядю Славу с Витькой. Может, даже и всё.

— Ой, как бюджетненько! Ну ладно, это мы ещё обсудим... Только, чур, платье будет! Помнишь, ты всегда хотела — как у принцессы.

Мама никак не ожидала, что вместо счастливого «даа!!!» я завоплю «ни за что!!!» с выражением нешуточного ужаса на лице.

— Э... Почему??

— Что-то я уже расхотела быть принцессой...

— А кем хочешь? — ехидно поинтересовался Гор.

— Обычной девчонкой. В любой день, в любом мире. И — твоей женой.

— Правда, что ли?

Я показала ему кулак.

— Ну хорошо, с платьем пока проехали... А когда вы планируете подавать заявление?

— По субботам ЗАГСы работают?

— Вроде да.

Гор улыбнулся и положил руку мне на плечо.

— Тогда сегодня. Где там у вас ближайший?

Усмехнулся, глядя на красноречивые лица будущих свёкров, и великодушно предложил:

— Если хотите, поехали с нами!

И мы поехали.

Самое ближайшее время из предложенных в Невском ЗАГСе было 29 апреля, пятница, и даже не 9 утра, а целых 11. Только сегодня одна пара разругалась и забрала заявление, а тут мы как раз — считай, повезло. Гор пробурчал, что три недели — это слишком долго, но все остальные (аборигены) его не поняли, типа, многие и по полгода ждут, чтобы отхватить дату покозырнее. Эх какой у вас жених нетерпеливый, хи-хи! (Я-то сама была только «за», но что поделать...) После оформления бумаг и отказа от всех доп-услуг в виде оркестра и местного фотографа мы дружно решили, что это событие нужно отметить, и завалились в ближайшее кафе. Папа подумал-подумал и взял себе и будущему зятю по стопке коньяка. Мы с мамой предпочли кофе, но потом «сломались» и присоединились. Посидели очень душевно, с шутками высыпались на улицу, и тут же — знак судьбы! — наткнулись на мою будущую свидетельницу. Маринка как раз направлялась ко мне в гости и по случаю хорошей погоды шла от метро пешком. Мы её радостно окружили и просветили... Это лицо надо было видеть!!

Уже дома мы попытались детально обсудить предстоящее мероприятие, но к окончательному консенсусу так и не пришли. Папа по-прежнему жаждал привести своих «приятелей целый мешок», дабы творческая интеллигенция обеспечила развлекательную программу; мама упрасивала позвать ещё пару родственников «подальше» и своих самых-самых подруг (ну, ты же их с детства знаешь, обидятся!), Маринка — побольше молодёжи, хотя бы Свету и Полину, а к ним — трёх-четырёх парней, а то неинтересно...

Я сказала, что мне вполне достаточно её одной-любимой, к тому же поклявшейся молчать о нашей затее (в отношении других я была крайне не уверена). Не хватало ещё, чтобы в самый важный момент припёрлась Кристина со своей братией и всё испортила! Марине я пообещала кавалера в лице двоюродного брата Витьки. Он, хоть и младше нас на год, но парень очень даже симпатичный и большой приколист, с ним не заскучает. Тут все хором завопили, что семь человек на свадьбе, включая жениха и невесту — это просто хамство!!

Я беспомощно повернулась к Горю; он всё понял и так внушительно посмотрел на моё галдящее семейство (фирменный взгляд злого колдуна, эксклюзивно!), что все как-то сразу заткнулись. Далее мой наречённый вежливо и с нужными акцентами проинформировал, что, извините, свадьба всё-таки наша, значит, последнее слово остаётся за нами. Мы надеемся, что общественность нас поймёт и поддержит, в обратном случае (опять-таки извините) мы пойдём и поженимся вдвоём. Нам не нужен затратный и суетный традиционный «праздник» и венчающая его пьянка, мы просто хотим быть вместе. И будем, несмотря ни на что...

Я втихаря пожала руку жениха, а по сути мужа, выражая своё полное одобрение.

Народ скуксился, повздыхал... и смирился. Да, такая харизма и в другом мире харизма!

Потом мама снова пристала с разговорами о платье, и я отчасти позволила себя уговорить. Лучше уступить по мелочи, зато «отвоевать» самое главное...

Гордин ушёл по своим делам (мы договорились, что сегодня ночью устроим «перерыв» на нормальный сон), и дальше начались бесконечные женские разговоры и требования «рассказать всё подробно». Я с трудом удержалась от соблазна поведать нашу настоящую историю, потому как врать близким людям не приучена с детства. Но пришлось! Ибо в противном случае вместо ЗАГСа меня могло ожидать совсем другое заведение...

Три недели пролетели незаметно. Всё это время мы с женихом прилежно ходили в Университет — учиться и учить, продолжали гонять назойливых «Владов» и «Риточек» и потихоньку перевозили мои вещи в квартиру Гора. Мне, кстати, там очень нравилось, до Центра ближе, а уют я уж как-нибудь создам. Мама периодически таскала меня по салонам в поисках идеального платья. Я ни в какую не соглашалась на длинное и пышное (какой смысл форсить??), она пыталась привлечь на свою сторону продавщиц... В результате мы потратили кучу нервов и откопали, наконец, то, что устроило нас обеих. Золотистое платье с кружевным лифом и такой же нижней юбкой длиной до колен чудно сочеталось с цветом моих волос и выглядело трогательно-нежным, а в комбинации с высокими сапогами — достаточно современным и игривым. Я позволила маме с папой купить его для меня, остальные расходы взял на себя Гор. Он также купил кое-какую мебель в квартиру и намекнул, что после сессии мне необходим отдых на каком-нибудь хорошем курорте — мы же не собираемся игнорировать местную традицию медового месяца! Тут уж я пристала к нему всерьёз: откуда у рядового преподавателя такие деньги?! Он долго отнекивался, но в конце концов сознался, что на досуге поколдовывает, и материальные успехи уже налицо. С его даром «видеть» то, что здесь называется аурой, Гордин наострил за небольшую плату «диагностировать» народ на предмет болячек. В отличие от многочисленных шарлатанов, его прогнозы стопроцентно достоверны, так что благодарные пациенты уже вовсю рекламируют его в интернете. Вообще «сканирующие» способности, значительно возросшие в этом мире, не ограничиваются человеками и книгами — так можно работать в абсолютно любой области. Хоть ловить беглых преступников, хоть искать поломки в автомобилях или пропавшие вещи. Недавно Гордин ради пробы «прошерстил» несколько помоек в центре города и, к своему изумлению, обнаружил не только непосредственно «отходы» и прочую лабуду, но и неприметный конвертик с нехилой суммой в валюте. Собственно, на эти денежки и планируется двадцать девятое и последующий медовый месяц, и даже кое-что остаётся. А если прикинуть, сколько вообще в Питере помоек!.. Да и других интересных мест тоже — только ленивый не разбогатеет. Можно даже старинные клады искать...

Я, конечно, порадовалась, что у меня будет такой перспективный муж, но попросила его быть осторожнее и поменьше «светиться». Как бы криминальные «братки» не пронюхали и не попытались заполнить себе такого уникального специалиста! Гордин обещал.

В предвкушении исторического события я обращала мало внимания на окружающий мир; как вскоре выяснилось, зря.

Так, я совершенно не могла припомнить, что, оказывается, была удостоена (сомнительной) чести быть представленной знаменитому в узких кругах папаше Влада. Тем более, этот приземистый лысоватый дядечка не производил впечатления мачо при всём своём желании. Мы о чём-то поговорили мимоходом, потом, вроде бы, Влад пару раз передавал от него привет... Мне не было никакого дела до Сырейщиковых, но за несколько дней до собственной свадьбы я вдруг выяснила, что им до меня как раз дело есть.

После занятий я сидела в «Восьмёрке», поджидая, когда освободится Гордин, и была неприятно удивлена, когда при почти пустом зале за мой стол плюхнулся какой-то мужичок.

— Привет, Лерочка! Скучаешь без меня?

— Извините, мы разве знакомы?

Мужичок обиженно надулся, но потом снова разулыбался, посвёркивая золотым зубом, и погрозил мне пальцем.

— Ай-ай-ай, кокетка! Разве можно забыть такого мужчину, да? Совсем заучилась, детка, скоро и себя забудешь, как звать!

Мне всё больше не нравился этот разговор, и я резко встала.

— Извините, мне пора.

— Лерочка, да не обижайся, это я так шучу, да! Посиди со мной, Владика подождём... Хотя нафига нам мой сопливый сынок, пусть себе гуляет, нам и вдвоём неплохо, да!

Тут до меня, наконец, дошло, кого принесла нелёгкая. Ну и как от такого отделаешься?! Это не наш брат студент, которого можно интеллигентно (или не очень) послать, и он поймёт и пойдёт. Этот же... Судя по слухам, этот тип на самом деле мнил себя неотразимым мужчиной, что, конечно же, подтверждалось его денежными запасами. Подобные «мущины», даже ещё более страшные и старые, всегда находятся в окружении девиц с определёнными запросами. Но я-то не такая, я жду... своего мужа!

— Погоди-погоди, — забеспокоился Сырейщиков-старший. — Ты что, уходишь, что ли? Да ты чего, киса, мы ж ещё и не поговорили толком! Я хотел пригласить тебя в одно шикарное место...

— Нет, спасибо. Извините, меня ждут, всего доброго!

Я быстро направилась к выходу, но противный мужик резво вскочил и засеменял следом.

— Слушай, ты у нас гордая, да? Не строй из себя принцессу-то, давай договоримся по-хорошему!

— Нам не о чем говорить, я скоро замуж выхожу и прошу оставить меня в покое! И вас, и Влада, и всех...

На улице я машинально шарахнулась от припаркованного у дверей чёрного «гроба на колёсах» и поскорее вернулась на факультет. И там нос к носу столкнулась с ухмыляющейся Кристиной.

— Ну что, тебя можно поздравить?!

Я напряглась.

— С чем это?

— Ну, говорят, жертвой твоей небесной красоты пал сам Алексей Евгеньич, Владиков папа!

Ффу...

— С чего это ты взяла?

— Владик сам мне плакался в жилетку. Типа познакомил свою девочку с папашей, а он на неё и запал не по-детски! А папочке своему Владик не конкурент...

— Да что за фигня-то такая?! Я этого плюгавца и в лицо не помнила, а он только что припёрся и начал приставать, фу, противно!

— А ты терпи, крошка, авось потом понравится! — с издёвкой посоветовала Кристина. — Это для твоего же блага, потом спасибо скажешь...

— Тебе? А тебе-то за что? — снова насторожилась я.

— Ну... Стараюсь по дружбе пристроить тебя в хорошие руки... Сырейщиков — это звучит гордо! Уверена, не пожалеешь...

— Что ты ему наплела?!

— Да ничего особенного, так, по мелочи... — захихикала стерва. — Он любит таких — гордых и непотасканных...

— Да, ты-то уже не подходишь, какая жалость!

Кристина перестала смеяться и зыркнула на меня с откровенной злобой.

— Ну, поговори... Посмотрим, как ты у него скоро запоёшь! Будешь знать, гадина, как чужих мужиков уводить!!

Упс...

— Что я, слепая, не замечаю, как вы друг на друга пялитесь?! Я же предупреждала, что будет хуже! Вот, получи!!

Тут она развернулась на каблуках и резво дала задний ход. Я поняла почему — к нам быстро приближался Гордин. Увидел моё расстроенное лицо и сам не на шутку встревожился.

— Солнышко, что с тобой? Что она тебе сказала?

Я подавила желание прилюдно уткнуться ему в грудь за утешением и повела в «наш» тёмный закуток — обращаться. Мы в момент долетели до его квартиры, и я, хоть и собиралась сначала промолчать, не выдержала и пересказала оба разговора. К концу рассказа Гор уже сидел мрачнее тучи.

— Если бы я мог здесь нормально колдовать... Этот засранец сегодня же стал бы тараканом, а

девка эта стервозная — бледной молью...

Я невольно хихикнула, представив всё это, потом снова вздохнула.

— Что делать-то? Если этот хмырь думает, что я с ним так заигрываю, то не отстанет. Не дома же сидеть до самой свадьбы... Да и после тоже...

— Меня бы прекрасно устроил такой вариант, по крайней мере, на первое время. Но я помню твои прежние речи «о свободе» и не смею настаивать, — мрачно усмехнулся Гордин. — Значит, надо просто перестать прятаться и ходить везде вместе. Пусть все узнают, что мы встречаемся, а потом не успеют прочухаться — а мы уже поженились. Экзамен у тебя примет кто-нибудь другой, а потом всего год, и ты перестанешь быть моей студенткой. Мы ведь не делаем ничего противозаконного...

— Угу. Как только все увидят нас вместе — настанет полный финиш. На что способны наши мальчики, я не очень представляю, но девки вполне могут устроить мне «тёмную». И приду я на свадьбу с половиной волос и фингалками...

— Я постараюсь быть рядом, насколько это возможно, и спасу тебя от всех злобных девиц, — Гордин положил мою голову себе на грудь и стал тихонько гладить по волосам. — Вот только девушки, к сожалению, явно меньшее зло по сравнению с озбоченным бандитом, который, видимо, давно не получал отказ. Такие способны абсолютно на всё; в какой-то степени я знаю это по себе. Когда уверен, что ты самый крутой и страшный, то скоро просто перестаёшь обращать внимание на мнение окружающих. Есть только собственные желания, и они должны быть удовлетворены... Этот человек опасен. Он может захотеть отомстить, может подкараулить тебя около собственного дома и увезти куда-нибудь, где даже я тебя не найду... Проклятье! — Он понял, что сам завёлся, и возобновил успокаивающие обоих поглаживания. — Лер, ты прости меня, возможно, я слишком сгущаю краски... Но — ты должна быть готова ко всему. В том числе и к мгновенному превращению. Пусть кто-то и увидит, плевать, главное...

— Это вовремя успеть смыться, — цитатой из мультфильма закончила я. — Не волнуйся, я понимаю. Мне сейчас здорово не по себе... Но, знаешь, чего я боюсь больше? Того, что они могут сделать что-то тебе. Ты ведь не собираешься оставаться в стороне... Если Сырейщиков узнает, за кого я выхожу замуж, то захочет разобраться в первую очередь с тобой. И, если с тобой что-нибудь случится... Гор, я этого не переживу!!

Я не выдержала и захлюпала носом, прижавшись к его груди. Сейчас мне стало по-настоящему страшно.

— Ну, ну, принцесса, что это за мокрые дела? — тоном воспитателя в садике сказал мой муж. — Вот смотри, рубашку уже намочила, давай снимай её тогда... И своё платье заодно, небось тоже влажное...

— Гор, я серьёзно!!

— Я тоже, — вздохнул он. — Солнышко моё, я ведь не три года на свете живу, понимаю, что к чему. Обещаю, что тоже буду осторожен. И оборачиваюсь, если помнишь, побыстрее тебя — не отобьюсь, так улечу... Ну что, успокаиваемся? Предложение про рубашку и платье, кстати, остаётся в силе!

На какое-то время злосчастный Сырейщиков-старший был забыт...

Потом мы возобновили обсуждение ситуации, и с моей подачи всё же решили остановиться на

варианте «неразглашения». То есть мы не афишируем свои отношения, а пока оба «глядим в оба»; после занятий я обязательно жду мужа в самом людном месте, до дома мы добираемся исключительно «лётком». И никаких одиночных прогулок, незапланированных походов в гости или выскочек поздно вечером в магазин «на минуточку». Лучше перебдеть, чем не добдеть!

Ко всему прочему, на следующий день Гордин поразил меня неожиданным подарком — мобильником. Они появились у нас не так давно и были пока не у всех, потому как стоили очень недёшево. Гордин, кстати, уже всюду щеголял «Нокией», и вот теперь решил, что и мне пора обзавестись такой же «игрушкой». Неважно, что, кроме него, мне почти никому звонить: телефон куплен как раз для нашей двухсторонней связи. В случае чего — кнопка быстрого вызова — и абонент в курсе происходящего... Я поневоле согласилась, что это приобретение сейчас очень кстати, и прилежно училась обращению с ним, втайне опасаясь сразу что-нибудь сломать. Гор это прекрасно видел и заявил, что в случае поломки или потери купит мне ещё один телефон, и дело с концом. С таким щедрым мужчиной я поневоле почувствовала себя «настоящей принцессой», в куда большей степени, чем в другом мире посреди напичканного сокровищами королевского замка...

Вечером накануне свадьбы родители взяли с меня обещание прийти домой пораньше, чтобы успеть «наглядеться на кровиночку перед передачей её в чужие руки, хны-хны...» Мы с Мариной решили прогулять последнюю пару и поехали ко мне на «девичник». Сначала посидели втроём с мамой, потом к нам присоединились отец и торт; плюнув на предсвадебную диету, мы радостно объелись. За разговорами время пролетело незаметно. Марина засобиралась домой — ей завтра предстояло встать раньше всех, чтобы успеть привести себя в порядок и приехать сюда же провожать невесту в ЗАГС. Я попросила отца пойти со мной, проводить её до остановки, но он отмахнулся — на улице светло, время детское! — и предпочёл доделать что-то по работе за завтрашний отгул. Благополучно посадив подругу на автобус, я всё же позвонила Гору. Конечно, он меня отчитал и велел не уходить с остановки, пока он не прилетит. Я пыталась возражать, но он нажал отбой. Ну что у меня за мужчина такой заботливый, блин!

Я пристроилась на пустой скамеечке, болтая ногами и напевая про себя «ой, не отдай меня мать!», как вдруг уши резанул противный визг тормозов. Прямо на остановке резко припарковался огромный чёрный джип; я успела только вскочить на ноги, как его задние двери синхронно распахнулись, пропуская двоих мужиков в камуфляже. Раздумывать — за мной или не за мной — было бы верхом глупости, и я рывком сорвалась с места. Боковым зрением увидела, как испуганно прыснули в разные стороны ждущие автобус парень и тётка, как, не обращая на них внимания, мужики припустили мне вслед. Ой, мамочки!

Я так перепугалась, что даже не вспомнила о возможности превратиться в птицу, а просто понеслась к дому. Не помню как перебежала дорогу, нырнула под арку, дальше уже на последнем дыхании... Мужики тренированные, догонят!!

И они, конечно, догнали. Один на бегу поймал за край распахнувшейся куртки, второй сильно дёрнул за волосы. Я вскрикнула и резко остановилась, безуспешно попыталась вывернуться... Где там! Рядом тут же нарисовался уже знакомый «гроб на колёсах», и я с ужасом подумала, что мне крышка. Начало нулевых — это уже не девяностые с их диким произволом, но до цивилизованного общества нам ещё жить и жить. И редкие прохожие, конечно, не побегут звонить в милицию при виде упирающейся девчонки в руках солидных дяденек. Они предпочтут сделать вид, что ничего не заметили...

Дверцы джипа «гостеприимно» распахнулись, на переднем сидении мелькнуло жирное довольное лицо Сырейщикова — и тут чёрная птица с пронзительным хриплым карканьем

упала, как ястреб, на голову одному из державших меня мужчин. Он растерялся от неожиданности и бестолково замахал руками; второй было оскалился, но живо заткнулся, получив свою порцию клюва по бритой макушке. Заматерился, отбиваясь одной рукой, но второй продолжал крепко держать меня за локоть, не давая обернуться. Тогда я с отчаянным писком просто залепила свободной рукой ему в пах, вложив в удар всю силу и весь свой страх... От его рёва заложило уши, я отпрыгнула в сторону... И была грубо схвачена ещё одним уродом, видимо, водителем.

— Да что ж ты так вырываешься, зараза?! — не выдержал «хозяин», высовываясь из джипа. — Иди сюда по-хорошему, а не то...

— Убери от неё свои руки, жирная свинья!

Г-н Сырейщиков с удивлением убедился, что последние слова предназначаются именно ему. В тот же момент неизвестный хам — высокий черноволосый мужчина — с размаху свернул водителю челюсть и отступил, задвинув меня за спину.

— Что ты сказал?! — фальцетом вякнул бандит, тяжело сполз с подножки и ткнул в нашу сторону «сосисочным» пальцем. — Да хватайте вы уже девчонку, а этого кончайте!

Раз, два...

Я обернулась и стремительно взлетела. Гордин, прикрывающий меня, задержался всего лишь на секунду.

Эта секунда стоила ему жизни.

С высоты я видела, как Сырейщиков с выпученными глазами вертит башкой по сторонам, а оба его помощника едва уловимыми жестами выхватывают оружие... и стреляют. Птичье зрение уловило две короткие вспышки, и вот уже по светлой рубашке моего Гора стремительно расплываются чёрные пятна. Красиво, как в кино, и невыносимо страшно, как в жизни... Гордин медленно оседает на асфальт. Чёрные волосы, рассыпавшись, закрывают ему лицо. Ни звука, ни вдоха...

— Нееет!!!

Я камнем рухнула вниз, от ужаса совсем разучившись думать. Остались только поистине звериная ярость... и боль. Человеком бы я просто не выдержала...

Я плохо помню, что было потом. Как бешено атаковала бандитов, вызвав среди них настоящую панику. Гораздо позже до меня дошёл слух, что один из них лишился глаза, двое других тоже сильно пострадали, а сам Сырейщиков, хоть и ограничился нервным срывом, но так впечатлился, что в будущем стал полным импотентом.

Но сейчас мне было не до них. Едва заметив рванувший с места джип, я упала на колени перед лежащим мужем и даже не поняла, что снова превратилась в человека. Гордин не шевелился. Пули попали ему в плечо и... в сердце. Я, затаив дыхание, приложила ухо к его груди. Тишина. Я не поверила...

Так, для начала надо обмотать его покрепче, остановить кровь, потом... Что потом? Да, поймать машину, в больницу срочно, тут недалеко. Они успеют, обязательно успеют его спасти!

Я вновь судорожно коснулась его груди — и вдруг ощутила под рукой жёсткие встрепанные перья. Тело Гордина обернулось само, без команды, словно знало, что так для него будет лучше. Или, наоборот, потому что бороться уже не было никакого смысла...

Мне хотелось завывать по-звериному, выплеснуть наружу хоть маленькую частичку раздирающего меня ужаса. Но я не имела права на эмоции. Осенённая безумной идеей, я осторожно взяла неподвижную птицу в руки, зажала пальцем кровоточащую рану и опрометью кинулась к дому.

Хорошо, что я взяла с собой ключи... Тихо, не раздеваясь, прокралась в свою комнату, одной рукой нашарила в ящике стола свой рисунок — комнату в замке. Схватила его, и одновременно почувствовала, как с руки соскальзывает венчалый браслет. Он вдруг стал мне велик... Почему?! Я не хотела думать об этом, не хотела ничего знать о том, что уже поздно. Нет, не поздно, слышите?!!

Если бы я была настоящей колдуньей, как Гордин, то от моего взгляда рисунок тут же превратился бы в пепел. Я смотрела на него, как на последнюю надежду, готовая умереть сама или никогда не возвращаться — но только чтобы сейчас оказаться в замке. Наверное, это, наконец, вырвались наружу слёзы, потому что рисунок стал медленно, очень медленно расплываться... Последнее, что я помню — кошачьи когти на своём плече; это Мура-Мора, увидев у меня в руках птицу, прыгнула разглядеть будущую добычу поближе. Я хотела скинуть её...

И вдруг увидела вокруг другие стены, другую, подзабытую уже, комнату. Кошка, шипя, слетела с плеча под кровать, а я едва успела перехватить ставшее тяжёлым человеческое тело мужа.

— Драхмар!!!

От моего вопля прибежал бы даже мёртвый; впрочем, живым бывший хозяин замка уже давно не был. Его ошарашенная прозрачная физиономия высунулась прямо из потолка, застыла на секунду... а потом призрак без лишних слов кинулся действовать.

Какие-то пузырьки, книга, колдовской амулет, напоминающий по форме виноградную гроздь (её он сразу положил Гордину на сердце, и она засветилась слабым зеленоватым светом). И — длинный узкий нож с простой гладкой рукояткой.

— Хочешь его спасти?

Я даже не стала отвечать.

— Тогда режь. Да не себя, дура, его!

— 3-зачем?

— Это не наш металл, я не могу сам вытащить эту заразу...

— Но так я убью его!! Это должен делать хирург!

Драхмар так страшно посмотрел на меня, что я невольно отшатнулась.

— Делай, что тебе говорят!! Дальше я сам смогу! Каждый миг приближает его к Чёрному Омуту, оттуда он уже не вернётся... Ну!!!

Я схватила нож и распорол рубашку на груди мужа; призрак плеснул из пузырька, и кровавое пятно с шипением испарилось, открыв взгляду маленькую дырочку рядом с сердцем. Руки немилосердно тряслись. Я изо всех сил закусил губу, ощутила на языке солёный привкус крови... И воткнула нож. Словно не в любимого человека, а в кусок пенопласта на занятиях по гражданской обороне...

Я запоздало подумала — тут же не ножом, пинцетом надо! Но тут лезвие слабо завибрировало, и раздался едва слышный щелчок.

— Вытаскивай!

Я выдернула нож. Показалось, что он стал немного длиннее...

Драхмар оттолкнул меня в сторону и стал лить в рану какую-то красную жидкость, сверху толстым слоем насыпал смутно знакомый белый порошок. Потом открыл книгу, бегло пролистал и, найдя нужное заклинание, быстро-быстро забормотал себе под нос, одновременно вертя руками над телом Гордина. Мне показалось, это продолжалось очень долго. Словно сон с открытыми глазами, уносит куда-то далеко, и наконец-то становится легче, боль замирает и уходит, всё заканчивается... хорошо...

— Лера! Лера, да очнись ты!!

Кажется, кто-то зовёт меня... Не хочу... Ничего не хочу...

— Ай!

Что происходит??

Я рывком сажусь на полу, отчаянно отплевываясь от попавшей в нос воды, мокрая до нитки. В голове медленно проясняется...

Я вижу над собой смущённого Брента с кувшином. Видимо, это он по велению Драхмара вылил воду мне на голову.

— Извините... Но так было надо. Вы могли умереть. Пойдёмте, вам надо лечь. Обязательно!

Я оглядываюсь. Насупленный призрак внушительно кивает головой, сидя на спинке кровати. На ней лежит мой муж. Бледный, измождённый...

— Живой?

— Ну, конечно! — раздражённо бросает колдун. — Благодаря мне! Ну и тебе тоже... Всё, всё, больше никаких вопросов, живо выпей вот это — и спать!

Я послушно пью из протянутого Брента стакана и тут же чувствую, как начинают подгибаться ноги.

— Отнеси её куда-нибудь, и не тревожьте до...

Дальше я уже не слышала.

Я проснулась с непривычным ощущением, как будто пила всю ночь, а теперь вынуждена идти на занятия к первой паре. Губы запеклись, в горле пустыня Сахара, голову от подушки не оторвать... Я с помощью рук кое-как разлепила один глаз, потом второй. Комната, медленно

проступающая из небытия, была мне совершенно незнакома.

— Здравствуй, Глюк.

— Здравствуйте. Но вообще-то я — Мирна, забыли?

Я вздрагиваю от этого тихого голоса, и окончательно просыпаюсь. Около лица — о, счастье! — возникает кружка с водой. Пью и оживаю. Мирна помогает мне встать — всё ещё кружится голова и пошатывается, но это пустяки, главное, узнать, как Гордин. Я украдкой подношу к глазам свой браслет: он, как и раньше, плотно облегает руку. Слава Богу!!

Мирна в молчании(!) доводит меня до моей бывшей спальни. А там — вчерашняя картина. Призрак сидит на спинке кровати, Гордин неподвижно лежит... Но с открытыми глазами! Я хватаюсь за Мирну и вынужденно неспеша подхожу, вглядываюсь в его лицо. Позже я замечу ввалившиеся щёки, запавшие глаза и изломанные болью брови. И длинную белую прядь около левого уха... А пока я просто смотрю в эти бесконечно любимые глаза... и наконец-то плачу.

— Лера, что ты... — едва слышно шепчет он. — Не надо... Теперь всё будет хорошо... Я же не мог... не мог оставить тебя, не сказав самого главного...

Я наклоняюсь к самому лицу, пытаюсь улыбнуться сквозь слёзы.

— Я старый дурак... боялся... чего? Прости меня...

— За то, что чуть не дал себя убить у меня на глазах?

— Нет, там всё было правильно... Прости, что так и не сказал... Что люблю тебя.

У меня затряслись губы.

— Мы... оба дураки. Я не хотела говорить первая... Но ты и так должен был понять, что я тоже тебя люблю...

Где-то позади нас громко шмыгнула носом Мирна. Драхмар свирепо зыркнул на неё, и девушка стремглав выбежала вон.

Я бережно и нежно целую своего любимого мужа в лоб.

Хорошо, что от счастья не умирают...

Мы оба выздоравливали по колдовским меркам долго: я от переживаний порядком ослабела и испортила себе нервную систему; Гордину пришлось физически гораздо тяжелее. Но зато, после кризиса и облегчившего душу признания он окончательно пошёл на поправку. Я, памятуя свой прежний способ лечения, старательно обцеловала его раны; Драхмар сказал, что так они затянулись гораздо быстрее.

Мне был назначен покой и усиленное питание, Мирна ходила за мной чуть ли не с ложкой. Кстати, я заметила, что она сама прилично поправилась. На мой вопрос девушка покраснела и смущённо призналась, что толстеет не от еды: они с Брентом ждут ребёнка. Ой, сколько же времени прошло за моё отсутствие?!

Вот Тео, кажется, растолстел ещё больше Мирны — она объяснила, что это на нервной почве после исчезновения любимого хозяина. Сам Тео упорно меня игнорировал, видимо, считая виновницей всех бед, и почти не слезал с кровати Гордина, внося свою посильную лепту в

процесс лечения.

Про свою собственную кошку я, честно говоря, поначалу просто забыла, но вскоре Мора перестала прятаться и забралась на ту же кровать. Сказать, что Тео был в шоке — ничего не сказать! Он пытался прогнать непрошенную гостью, так нагло посягающую на хозяйское внимание — но «девушка» в ответ его яростно обшипела и более не устаивала своим вниманием. Бедный кот совсем скис и даже начал худеть...

А я — я была бесконечно, бессовестно счастлива-счастлива-счастлива!!!

— Ну вот, теперь ты точно вылитая моя кошка! — поддразнила я, дёргая мужа за седую прядку. — Аккурат у левого уха, как по заказу!

— Н-да, пробился-таки мой «щит молодости»... — Гордин задумчиво изучал в зеркале своё лицо. — Лет на пять постарел, пока без сознания валялся... Ну ничего, сейчас он снова работает!

— Будешь закрашивать эту порнографию, или и так сойдёт?

— А я такой тебе меньше нравлюсь?

Я засмеялась и чмокнула его в щёку.

— Милый мой супругожених! Ты мне нравишься любим!

Гор тоже улыбнулся и привлёк меня к себе.

— Спасибо, моя ласточка...

— Точнее будет «моя ворона»!

Злополучную прядь Гордин всё же выкрасил в чёрный цвет. Причём не какой-нибудь басмой, а специальной магической краской, очень популярной у местных ведьм: она проникала даже в корни, и новые волосы росли уже нужного оттенка.

— А то твои родители ещё подумают, что это я перед свадьбой так перенервничал, что поседел за одну ночь, решат, что у меня неустойчивая психика и дадут от ворот поворот!

— Мда, а ведь из нас двоих настоящая психичка — это я.

— Психичка-истеричка...

— Да уж.

— Глупенькая девочка...

— Угу.

— Которая к тому же дико храпит во сне...

— Угу... Таак, слушай, ты!!

Я, наконец, сообразила, что Гор меня дразнит, и запустила в него подушкой. Он со смехом уклонился...

Мора и Тео застали летающие по всей комнате перья и с радостным мявом присоединились к игре, окончательно довершив бедлам.

Господи, как хорошо!

— Почему ты никогда не говоришь со мной о возвращении в твой мир? — как бы между прочим спросил Гор. — У нас там осталось одно незавершённое дело...

— А какой в этом смысл? — пожала плечами я. — В этом нет такой уж крайней необходимости, а значит, и того невыносимого желания переместиться. Без него, наверное, и не получится теперь... И вообще, мне и тут нравится.

Гордин посмотрел на меня и усмехнулся.

— Мне, конечно, тоже... Но здешняя жизнь какая-то слишком вялотекущая, ты не находишь? А там у вас всё так динамично, бодренько, весело...

— Да уж, очень весело — получить пару пуль среди бела дня... И вообще, что ты мне душу травишь со своими разговорами?! У нас разве есть выбор?

Гордин с улыбкой похлопал по лежащей перед ним книге.

— Смотри сюда! Сколько времени она тут валяется — на самом видном месте, а ты и не замечаешь!

Я без особого энтузиазма прочитала название «Я всё могу. Практическая психология на каждый день».

— Ну и что? У меня дома такая... Ой. Так это питерская книга?! Как она здесь оказалась?!

— Вот именно, как. Одновременно с нами и кошкой. Ты ведь её сама не брала?

— Знаешь, как-то не до того было...

— Ну вот! И, тем не менее, она здесь. Тебе не кажется, что в названии намёк яснее некуда?

— И ещё эта Маринкина дарственная надпись — «В любом из миров нет для тебя ничего невозможного. Помни об этом!» Но так она же пошутила...

— Хороша шутка... Может, на самом деле твоя подруга «во всём виновата»? — предположил Гордин.

— Да ну тебя! Во всяком случае я сомневаюсь, что сейчас это сработает.

— А вдруг! Я нутром чувствую, как что-то поменялось... Может, мы стали сильнее, или какому-то неведомому «нечту» надоело нас мучить...

— Или мы прошли «проверку на прочность», решив быть вместе по-настоящему. В любом мире...

— Именно! Ну что, ты готова рискнуть?

— С тобой я готова на всё.

Мне даже не понадобился рисунок собственной комнаты. Просто обнять Гора, закрыть глаза, сосредоточиться на желании попасть в Питер... Желательно до свадьбы — тогда родители ничего не заметят. А если после... Что ж, в этом случае проще будет рассказать им всю правду.

Когда закрытых век перестал касаться смутно знакомый тёплый ветер, я осторожно приподнялась на локтях и выяснила, что лежу в кровати своей питерской комнаты, в гордом одиночестве, и электронный часы показывают ровно восемь.

Тут же скрипнула дверь, из-за неё высунулась мамина голова в бигудях.

— Лерочка, молодец, сама проснулась! Давай вставай, у нас ещё куча дел! Твой женишок только что звонил, сказал — ждать не будет, в чём застанет, в том в ЗАГС и поволочёт. Обожаю таких решительных мужчин!

Мама ушла, и я наконец-то выдохнула. Ура, свадьба всё-таки состоится! Через неполных три часа...

Я сбегала в душ и наскоро поела. Одевая платье, поймала себя на том, что волнуюсь. Глупо, ведь я уже и так за ним замужем... Ан нет! Сердце трепыхается, руки трясутся...

Хорошо, что с моей «улучшенной» внешностью можно было совсем обойтись без макияжа и прочих ухищрений. Я только расчесалась как следует (Гордин строго-настрого запретил делать сложную причёску и «уродовать такую красоту»), проверила, всё ли в порядке с сапожками и новыми чулками — вот, собственно, и всё.

Вскоре прибежала Маринка — очень красивая в длинном изумрудном платье, потом подъехали дядя Слава с Витькой. И, наконец, под оглушительное бибиканье заказанного лимузина (уу, такие деньги!) явился мой обожаемый жених.

На одном дыхании влетел на пятый этаж, раскланялся с родственниками, вручил по шикарному букету маме и Маринке. И был — ладно уж — допущен ко мне. Тут его улыбка погасла, а в глазах отразилось такое неземное восхищение, что я поневоле покраснела. Гордин опустился на колени и очень бережно поцеловал мою руку; все зааплодировали.

Пора было выходить. Ещё раз проверили-перепроверили паспорта, кольца и прочее, и поехали. Я в первый раз каталась на такой роскошной машине и поневоле чувствовала себя Золушкой перед её достопамятным балом. Только мой «принц» сейчас со мной. Мой любимый колдун, мой самый главный человек в жизни... В заливчатской чёрной косухе поверх пиджака и рубашки с легкомысленно распахнутым воротом Гордин выглядел совсем молодым хулиганистым «студнем», в то время как я — опять-таки почти канонической «принцессой». Может, стоит налысо обстричься?!

В ЗАГСе народу было не особенно много. Сама церемония заняла минут пятнадцать. Несмотря на изначально ироничное к ней отношение, мы с Гордином поневоле прониклись моментом и очень серьёзно выслушали положенную напутственную речь. Обменялись обручальными кольцами — и только тогда одновременно захихикали.

Это была Маринкина идея — сделать на внутренней стороне колец гравировки, как памятное послание-сюрприз для любимого супруга. Мы вышли из зала и тут же сдёрнули свои кольца, чтобы прочитать надписи. Моя гласила: «И куда ты теперь от меня денешься?» и подмигивающий смайлик. Я закрыла рот обеими руками, боясь устроить форменную истерику от смеха. Гордин посмотрел на своё кольцо — и тоже затрясся, сдавленно хрипя. На нём красовалось: «И куда я теперь от тебя денусь?» и... всё тот же смайлик.

Маринка сказала, что это и есть судьба.

Несмотря на крайне скромные размеры, свадьба получилась по-настоящему душевная и весёлая. Мы покатались немного по городу, предпочитая фотографироваться в менее популярных, чем Медный Всадник и Стрелка, местах. Дядя Слава снимал почти профессионально, и альбом у нас потом получился — просто загляденье!

В кафе Гор снял маленький зальчик, и мы отлично посидели. Муж дружески общался со старшим поколением, Вик вовсю клеился к Марине, к её тщательно скрываемому удовольствию, а я частенько выпадала из разговора, мечтательно глядя в пространство. Дядя Слава потом озаглавил эту серию снимков «Счастливая принцесса», я переименовала в «Счастливую дуру». Впрочем, моё название не прижилось...

В разгар посиделок я вдруг обратила внимание на непривычную лёгкость своей правой руки — и обнаружила, что колдовской браслет исчез. Потеряла... Хотя, стоп, что за ерунда?! Его невозможно потерять! Я с замиранием сердца украдкой попросила Гору показать свой браслет; он расстегнул манжету на рукаве и тоже удивлённо присвистнул. Мы внимательно изучили собственные запястья и нашли на них по пять крошечных чёрных родинок, возникших ровно на тех местах, где на браслетах располагались магические камешки. Словно следы на память, тайные знаки того, что мы действительно связаны высшими силами. Что сами браслеты — как внешние атрибуты нашего союза — нам уже не нужны, что связь эта и так не оборвётся. Мы выдержали «испытание на прочность», вступили в настоящий, «осознанный» брак, и больше не нуждаемся в «подсказках» таинственного «Нечта». Мы вместе, а, значит, уже незачем соединять неразделимое...

Это было всего лишь предположение. Но мы оба чувствовали, что оно очень близко к истине.

Из кафе мы с Гором уехали к нему на квартиру. Грустная мама поцеловала меня на прощание: улетела птичка из родного гнезда, опустеет оно. Даже вредная кошка, и та сбежала... Я не выдержала и зашептала:

— Мам, ну ты что? Какая одинокая старость в твоём возрасте?? Знаешь, что сказал Гор? Что вам самое время второго ребёнка рожать, вот!

У мамы красноречиво вытянулось лицо, и я, не дожидаясь последующей реакции, спешно со всеми распрощалась.

Наш первый здесь «брачный вечер» при свечах прошёл просто фан-тас-ти-чес-ки!! Но усталость и пережитое волнение взяли своё, и мы заснули ещё до полуночи.

...И проснулись от звонка.

— Что это такое?!

— Твой мобильник, — Гор нашарил его в темноте и подал мне. — Отключить забыла, глупышка...

Я со вздохом нажала «приём» и услышала взволнованный голос Марины.

— Лер, простите меня, я бы ни за что не стала звонить в такое время, но...

— Что случилось? — я машинально села.

— Тут... Просто бред какой-то... У меня сейчас сидит человек (сумасшедший, по-моему, — зашептала она совсем тихо). И он говорит, что знает тебя.

— И как зовут этого человека?

— Лориан.

— Лориан?!

Я так и подскочила. Он-то что тут делает?!

Гор нахмурился и начал быстро одеваться.

— Хорошо. Сейчас мы к тебе приедем.

— Спасибо, жду!

Мы, конечно же, добирались «лётом», поэтому минут через пятнадцать уже стояли перед Маринкиной дверью. Хозяйка, одетая во всё то же вечернее платье, но совершенно растрёпанная, сразу потащила нас на кухню. Там за столом идиллически восседал и прихлёбывал чай его величество молодой король Лориан собственной персоной. Увидев нас, он на какой-то миг замялся — и вежливо встал, громыхнув шпорами.

Я уже и забыла, какой он красивый... А теперь ещё и возмужавший, уверенный в себе, без того щенячьего восторга в глазах... Я невольно дёрнулась, готовая от переизбытка чувств повиснуть у него на шее (вот рефлекс проклятый!), но Гор вовремя удержал меня, демонстративно обняв за талию. Я опомнилась и ограничилась дружеским кивком.

Лориан посмотрел на меня так, как будто только что потерял во второй раз. Он догадался обо всём раньше, чем я официально представила своего мужа. И адресовал ему положенный по оберонскому этикету учтивый полупоклон; Гор ответил кивком и натянутой улыбкой.

— Лериэла... Я не ожидал встретить тебя в столь странном месте. Не мог поверить, что на той картине действительно ты...

— Он увидел фотографию, ну, ту, где мы с тобой кривляемся на лекции, помнишь? — вставила Маринка.

— Лориан, зови меня, пожалуйста, просто Лера. Да, теперь я большую часть времени живу здесь.

— Значит, я и в самом деле попал в другой мир? — уточнил Лориан. — Но как такое возможно?

— Возможно, как видишь. Это мой родной мир, я просто не могла рассказать вам об этом, сам понимаешь, почему.

— Понимаю.

— А вот я ничего не понимаю! — пожаловалась Марина. — Может, кто-нибудь просветит, о чём тут все в курсе, а я нет?

Я вздохнула и села к столу.

— Теперь придётся. Давай-ка только для начала чайку заварим, да покрепче. Разговор будет

долгий...

— Да, Мариночка, тебя не затруднит?

— Конечно, нет. И даже более того...

Подруга достала из шкафа и поставила на стол тёмную бутылку.

— Бабулина настойка на травах. Кто хочет — в чай, кто хочет — так.

— Очень кстати!

Мы посидели, попили... Первая неловкость постепенно прошла, и я попросила Марину для начала рассказать о сегодняшнем происшествии.

Рассказ Марины.

Ну, вечер у меня выдался паршивый. Что вы так на меня смотрите? Я хотела сказать — свадьба была замечательная, и всё такое... Но я ведь нормальная девчонка — мне завидно!! На вашем фоне все мои шуры-муры кажутся такими мелкими и пошлыми, самой противно... А что Вик? Ну, он, конечно, классный, но хочет пока только поразвлечься, а я, может быть, тоже замуж захотела! Ладно, это к делу не относится... Короче, Вик проводил меня до дверей, но дальше я его не пустила, сказала — бабушка дома, проснётся. Да, что она глухая как пробка и дрыхнет до обеда, не сказала... Грустно мне было — жуть. Даже поплакала немножко над своей женской долей... (Угу, ещё налейте!) Так вот, а потом я собралась спать, разделась... почти, и тут что-то зашелестело, как ветерок пронёсся, хоть окно было закрыто... И вдруг посреди комнаты нарисовалось ЭТО...

Рассказ Лориана (чуть позже, приватно).

...Я был на охоте. Мы затравили огромного кабана, причём добивать пришлось именно мне: он был уже смертельно ранен, но умудрился порвать двух моих лучших собак, я разозлился, выхватил нож... И чуть не разделил участь отца. Зверь в последней ярости бросился на меня, поддел клыками, но, по счастью, до горла не достал, так, зацепил немного... Я всадил в него нож, повернул — и эта тяжеленная туша повалилась прямо на меня. Я попытался вывернуться, но споткнулся, упал... И вдруг оказался здесь. В странной маленькой комнате с простым деревянным полом и одним окном. У дальней стены возле полуразобранной кровати стояла девушка. Без ничего!!

(На самом деле в нижнем белье, но современном, что по «сказочным» меркам приравнивается к «ничему». Бедному неискущённому Лориану хватило с верхом...)

Рассказ Марины.

Согласитесь, ситуация из ряда вон: вы спокойно готовитесь ко сну и вдруг обнаруживаете в комнате незнакомого мужчину в странной одежде, перепачканной кровью, да ещё с вот таким ножом! Ну, я, конечно, завизжала, а что толку?! Бабка спит, соседям тем более до лампочки... А он смотрит, глазами хлопает, а потом как плюхнет на за... ну, в общем, на пол сел, нож отбросил и спрашивает так жалобно: где я? Я спрашиваю, как он сюда попал, а он — не знаю! а сюда это куда? Я говорю: сюда — это в мою квартиру, улица Верности, дом двадцать восемь, город Петербург, Россия, планета Земля, дальше надо? Парень головой качает, не надо, мол, и чуть ли не прилаживается в обморок упасть. Мне только этого не хватало, подхожу, говорю: иди-ка ты отсюда, гость незваный, пока милицию не вызвала! Ну, а он вдруг покраснел как

свёкла, глаза опустил... И тут до меня, наконец, доходит, что он просто зверски, невыносимо красивый, и один в один похож на твой, Лерка, рисунок. Тот самый... И что он и в самом деле сейчас уйдёт. (Ох, налейте мне кто-нибудь ещё!..) Это меня добило...

Рассказ Лориана.

Девушка попыталась объяснить, где я сейчас нахожусь, но я так ничего и не понял. Она рассердилась, велела уходить и подошла так близко... Я думал, умру на месте. Ну, я и вправду не видел до этого раздетую девушку, веришь? Мама так воспитала, что вся «любовь» только после свадьбы... А она так спокойно протягивает мне руку и говорит: вставай и топай отсюда. Я кое-как поднялся, а у неё самой вдруг ноги подогнулись — и упала без чувств! Я еле успел её подхватить, чуть снова не уронил, когда пытался не глядя до кровати донести. Но... стыдно признаться, не выдержал и посмотрел. Красивая она, Марина... Я еле удержался, до того захотелось её поцеловать! Не ожидал от себя подобных низких мыслей, накрыл её одеялом чуть ли не с головой, от греха подальше... И, пока она в себя приходила, решил осмотреть комнату, в которой так неожиданно оказался. Там есть стол с кучей книг, а на нём такая маленькая картинка в кованой раме. И на этой картине — ты, Лериэла... Я думал, что совсем умом тронулся, разве такое возможно? Потом огляделся и понял — теперь в моей жизни возможно всё.

Рассказ Марины.

Я открываю глаза и вижу, что мой гость скромно сидит в ногах кровати и разглядывает нашу университетскую фотку. И спрашивает — кто это? Я говорю, моя подруга Лера. Он спросил, можно ли с тобой связаться — что мне было делать? Пришлось набраться наглости и позвонить... Вот, собственно, и всё. Парень представился необычным именем Лориан, я в ожидании вас пустила его в ванную отмыться хоть как-то от грязи-крови, он уверял, что кабаньей, и сделала чаю по-быстрому.

— А теперь моя очередь слушать, — заявила Марина, в очередной раз подливая себе настойки. — И давайте не будем делать из меня слабонервную дуру. Я вполне способна «переварить» любой бред, особенно сейчас.

Мы с Гором обменялись выразительными взглядами.

— Ну что, Мариночка, смотри, сама напросилась...

К концу моего рассказа (довольно краткого, без лишних интимных и прочих подробностей) обнаружилось, что закончилась настойка. Слушатели разделили её «по-братски» и теперь сидели с обалдело-осоловелым видом: Лориан задумчиво чертил ногтем по скатерти, Маринка изредка нервно хихикала. Выводы из моей речи были сделаны разные:

— Ну что, выходит, ты у нас великая колдунья, можешь ходить по мирам, как по собственной квартире, и добывать оттуда женихов? Отлично... Я ведь твоя подруга, найди и мне кого-нибудь! (Демонстративный взгляд в противоположную от Лориана сторону).

— А я понял, что сейчас ты, Лери... Лера, точно не при чём, и потому мне грозит неизвестно насколько застрять в вашем мире, — заключил Лориан.

— Насчёт первого: Марин, ты ошибаешься. Завтра на трезвую голову я тебе лучше объясню... А насчёт тебя, Лориан — я просто не знаю. Тебе, конечно, надо бы поскорее вернуться, Оберону нельзя надолго оставаться без короля...

— Без... ик!.. кого?! — вытаращила глаза подруга и на всякий случай отодвинулась от своего гостя подальше. Лориан огорчённо вздохнул.

— Это неважно... Но Лера права — ничего хорошего из этого не выйдет. И мама будет волноваться...

— Так, может, попробуем доставить Лориана обратно? — подал голос мой муж. — Не знаю, получится это или нет, но попытаться нужно обязательно.

— И каким же образом?

— Давайте просто мысленно представим королевский замок, какое-нибудь место, где все бывали, например, тронный зал, и сосредоточимся на желании туда попасть. Мы с Лерой провернули такой фокус буквально вчера, может, и теперь всё получится!

Лориан решительно тряхнул волосами, украдкой бросил взгляд на погрузневшую Маришку и резко встал из-за стола. Покачнулся и опёрся о холодильник.

Мы втроём на всякий случай взяли за руки и изо всех сил сосредоточились...

Мне почему-то казалось, что на этот раз ничего у нас не выйдет. Но, когда по волосам прокатился всё тот же знакомый ветерок, поняла, что ошиблась. «Неведомые силы» отчего-то не стали разбрасывать нас по разным комнатам или ещё как-то «шутить»: мы оказались ровно в центре огромного зала, всё так же держась за руки. Пара стражников испуганно вытаращилась на нас; Лориан жестом отослал их прочь. И тут мы все трое обернулись на истошный женский визг — он раздавался аккуратно со стороны спецвозвышения с тронном. На последнем стояла, раскинув руки и опасно качаясь, босая темноволосая девушка в длинном изумрудном платье.

— Марина!

Гор невежливо заржал, а Лориан бегом устремился к трону и аккуратно снял с него и поставил на пол не особенно вменяемую подругу. Да уж, одно дело — слушать теоретические рассуждения о чужих мирах, и совсем другое — оказаться там наяву! И зачем только?..

Пока Лориан пытался успокоить Маринку, Гордин подтолкнул меня локтем, чтоб молчала, и заявил, что после превращения мы буквально падаем с ног от усталости и просим у его величества соизволения отправиться спать. Лориан рассеянно махнул рукой — из дверей тот час же высунулась немолодая служанка; за ней мы, не мешкая, и отправились. Я поймала себя на том, что действительно сейчас засну на ходу... И ещё, что мой муж — большой хитрец.

Это было символично и в связи с последними событиями даже забавно: вновь прогуляться по королевскому дворцу, увидеться со старичком-идилем, с Риной... Гор предпочёл лишний раз не мозолить глаза его величеству и в сопровождении ворчащего Кира торчал в библиотеке. А я отправилась на поиски подло брошенной подруги. И нашла её (как мы и надеялись) в обществе Лориана. Моя Маришка, одетая в роскошное «местное» платье, казалась не просто хорошенькой, а ослепительно красивой. Мне даже пришла мысль о «банальном» превращении «в принцессу», как было тогда со мной. Она и вправду неуловимо изменилась, стала ярче, даже волосы вместо аккуратного питерского «каре» теперь волнистой гривой струились до пояса. Надо же...

Позже я озвучила Гору гипотезу о том, кто из нас двоих настоящая колдунья, я или Марина. Это ведь она подарила мне заколку и книгу, которые сыграли свою роль в перемещениях; это

она в своё время предложила мне нарисовать какого-нибудь «принца» и после активно клянчила «результат», она подала идею погадать на жениха... Наверное, моя внешне практичная подруга в душе, как Ассоль, мечтала о чуде, но, стыдясь своей сентиментальности, всячески иронизировала на эту тему. И я, таким образом, стала неким «пробником», запущенным в «сказку» — чтобы в случае удачи Марина смогла отправиться туда сама. За Лорианом... Я и сама понимала, что эта моя идея трещит по швам. Но... Если бы главной действующей силой была именно я, разве я «вызвала» бы Лориана — в свою первую брачную ночь! А сама Маринка смогла бы вот так, без колдовства, с бухты-баряхты, «прицепиться» к нам и тоже оказаться здесь? Гордин сказал, что всё это очень интересно, надо обязательно обдумать на досуге... Возможно, Марина не сознательная, а интуитивная колдунья, а, возможно, это и вовсе мои «происки»: подавленное чувство вины за предательство по отношению к Лориану и сочувствие к одинокой подруге привели к тому, что эти двое смогли встретиться. И дураками будут, если упустят друг друга...

Мы провели в столице целый уик-энд. На второй день в замок наведальась оповещённая королева-мать, ныне счастливая жена и баронесса Лориана. Я невольно слегка напряглась во время её встречи с Гором, но они беседовали вполне дружелюбно. Муж поинтересовался, когда в её новой семье ожидается прибавление — и Лориана неожиданно покраснела как девчонка. Она пока не собиралась рассказывать об этом... Гор, конечно, извинился, а Лориан, вопреки тайному опасению матери, искренне порадовался за неё. Лориана, смущаясь, даже попросила Гордина сказать ей пол будущего ребёнка. Ура, девочка, как они с мужем и хотели...

Словом, общение проходило в самом позитивном ключе. О прошлом никто не вспоминал, наоборот, кое-кто из королевского семейства всерьёз задумался о будущем.

— Лера, можно с тобой поговорить? Это ненадолго, — добавил Лориан, выразительно глядя на моего мужа.

— Хорошо, конечно.

— Прости, но я сделал предложение Марине, — без лишних вступлений начал он, когда мы отошли.

Виновато опустил глаза, потом собрался с духом и взглянул на меня в упор. Я (опять!) чуть не кинулась ему на шею, запрыгала, затрясла руку:

— Да за что прощать-то?! Я так рада за вас, ужасно рада, правда!!

— Спасибо. Но радоваться ещё рано, плакать впору... Марина мне отказала.

— Ээ... — только и смогла озвучить я. Что за бред?? — Почему?!

— Она сказала, что не имеет права бросить свою единственную родственницу, старую больную бабушку, и вообще наш мир её пугает.

— А насчёт тебя лично что она думает?

Лориан слегка покраснел.

— Марина сказала, что была бы счастлива согласиться, но раз я не живу в её мире, нет смысла больше это обсуждать. Но... потом она меня поцеловала...

— Бедная Маринка! — грустно сказала я. — Она ведь наверняка тоже тебя любит, но из

чувства долга готова отказаться от своего счастья...

— Так же, как и я — от короны, — решительно заявил Лориан. — Если вы поможете мне снова попасть в ваш мир, я готов добиваться её руки там.

— Ох ты, блин... А что будет с королевством?!

— Не развалится.

— Ты не имеешь права так говорить! Ты за него в ответе! — вспыхнула я. Потом одумалась и мягко коснулась его руки. — Извини... Обещаю, мы что-нибудь придумаем.

А что думать-то? Я поговорила со шмыгающей носом подружкой и услышала ожидаемое — она влюбилась в Лориана по самые уши, в замке ей на самом деле понравилось, а потенциальная свекровь вызвала закономерный восторг, как и у меня в своё время. Но... Бабушка. И этим всё сказано. Она просто не может её оставить...

Я пошла советоваться к Гору — можно ли устроить так, чтобы бабуля тоже переместилась сюда? Он ответил: а фиг её знает! Оставалось устроить практический опыт, другого не дано!

Мы собрались «уходить». Марина изо всех сил старалась не разреветься: она сама запретила Лориану даже думать о жизни в другом мире, совершенно, по её мнению, для него неподходящем. Она обещала когда-нибудь навестить его здесь (если получится) и не выдержала — поцеловала на прощание на глазах у всех. Лориан каким-то чудом сохранил самообладание и поклялся, что женится только на ней — или не женится вообще. После такого заявления мы предпочли побыстрее «сделать ноги».

И сделали — очень даже удачно. То есть снова очутились в Маринкиной квартире, и на часах было раннее утро тридцатого апреля...

Дальше везение закончилось. Престарелая глухая Евдокия Матвеевна и по пятому разу объяснений «не врубалась», чего хочет от неё настырная молодёжь. Соответственно, никакого перемещения так и не получилось.

Марина стойчески заявила: не волнуйтесь за меня, живём дальше, живём как и жили — всем назло весело! И тут же разревелась... А потом не очень вежливо послала нафиг Вика, вздумавшего вторично «прозондировать почву». Да, весело, ничего не скажешь...

Переживания за подругу — почти единственное, что волновало меня в то время. На приближающуюся сессию мне было глубоко плевать, но мы с Мариной героически (кое-как) её сдали. В последний день перед каникулами я, наконец, напялила своё обручальное кольцо и официально предъявила в деканате новый паспорт с фамилией Ворон. Все тётки буквально отпали... А мы с Гором заранее договорились и устроили «представление» для всех остальных: с разных концов бесконечного коридора Главного здания пробежали навстречу друг другу, с тем, чтобы встретиться ровно посередине. Я с радостным воплем лихо запрыгнула мужу на руки, и мы стали целоваться как бешеные... Потом «добрые люди» донесли, какого размаха была Кристинкина истерика, и как она с горя помирилась с извечной соперницей Ларисой, как дружно отправилась в пивную группа моих теперь уже бывших поклонников, как Риточка в сердцах залепила пощёчину собственному благодетелю в ответ на его язвительный комментарий — и гордо написала заявление об уходе... Я опасалась разве что пресловутого бандита Сырейщикова, но тот всё ещё лечился где-то за границей, а потом и вовсе предпочёл забыть обо мне и том мистическом происшествии.

На каникулах мы с Гором сначала съездили отдохнуть на Кипр (мне так понравилось!), а потом — в альтернативную реальность. Это теперь выходило у нас совсем легко, почти также, как летать... Мы наострились «прибывать» в определённый день и даже час, без конца таскали туда-сюда одежду и вещи. Муж, кстати, очень увлёкся фотосъёмкой, купил навороченную камеру и с энтузиазмом щёлкал в замке всё подряд. Мирну это поначалу пугало, зато Драхмар был счастлив, как ребёнок, когда ему тоже давали пофоткать!

Но — мы дали друг другу слово, что никогда, ни при каких условиях не будем перемещаться поодиночке. Несмотря на ставшие уже привычными шныряния между мирами, мы с Гором до конца не были уверены в том, что такое умение дано нам навсегда, и смертельно боялись окончательно застрять в каком-нибудь из них порознь.

А ещё мы обо всём рассказали моим родителям, Гордин решил, что так будет честнее. Конечно, они были в шоке... Но привыкли и смирились с таким необычным положением вещей на удивление быстро. Я очень надеялась, что они смогут перемещаться с нами — как будто в гости ходить, но, как и в случае с Марининой бабушкой, это оказалось невозможно. Видимо, до конца «прочувствовать чудо» — необъяснимое, иррациональное — своими «взрослыми» мозгами они так и не смогли. А без этого оно не работало...

Марина ещё один раз перемещалась с нами. У неё одной почему-то не получалось, а, значит, моя версия «Марина — колдунья» всё-таки была ошибочной. Мы так и не поняли, по чьей «вине» случился тот, прошлый её переход — моей или некоего загадочного «провидения» — и в конце концов решили не напрягаться и «забить» на эту тему.

Недолгое свидание с любимым Лорианом ещё больше растравило ей душу, и подруга наотрез отказалась от последующих встреч, даже написала и передала через меня письмо в стиле «прости-прощай». Честно говоря, я его подло прочитала и порвала...

Между тем жизнь потихоньку шла своим чередом. У Мирны и Брента появились очаровательные рыжие мальчишки-близнецы; Лориана родила счастливому супругу дочку. Из соседнего королевства пришло радостное известие о появлении первого наследника: это означало, что Иллара вполне поладила с собственным мужем. Но всех затмили Тео и Мора — они обзавелись сразу пятью котятами! Это стало для меня настоящим сюрпризом — я ведь была уверена, что старый ревнивый кот и молодая нахалка терпеть друг друга не могут...

— Получается, твоя кошка как-то пронюхала про «принца» из другого мира, захотела прибрать его к лапам — и осуществила свою мечту! — посмеиваясь, сказал Гор. — То есть «сказка» бывает не только человеческая, но и зверская.

— Жаль только, что мама без неё скучает. Без нас обеих... Давай отвезём им рыжего, самого толстого мальчика, ну или ту, пятнистую, хитромордую...

— Сколько лет твоей маме?

— Сорок один.

— Ну вот, она даже моложе меня... И, кстати, ровесница Лорианы. Так что пусть берёт с неё пример и не тянет со вторым ребёнком. Тогда скучать уж точно не придётся!

— Да они вроде собираются, сейчас на всякий случай по врачам ходят. Папа говорит, как же они сами до этого не додумались?

— Ха, со стороны всегда виднее! — подмигнул Гор.

— Кстати... — я замялась. — Я тут подумала... А ты сам-то не хочешь ещё раз попробовать?

Он сразу понял, что я имею в виду, и с трудом сохранил прежнее легкомысленное выражение лица.

— Почему ты спрашиваешь об этом меня, а не себя?

— Потому что... потому что я, кажется, уже ничего не имею против.

Гордин вздохнул и погладил меня по голове.

— Девочка моя, пока тебе «кажется», давай не будем слишком торопиться. Закончи сначала учёбу, получи диплом — до него уже меньше года осталось — а там видно будет. Я понимаю, все вокруг начали рожать, и вроде бы нет в этом ничего такого страшного, и мама наверняка намекает, что пора бы последовать их примеру, да?

— Да, но...

— Лер, солнышко моё, когда ты по-настоящему будешь готова, ты поймёшь это и не будешь спрашивать. Всё произойдёт само собой... А до этого — продолжай пить свои таблетки и не расстраивайся почём зря. И никого не слушай — всё это касается только нас.

Я кивнула, несколько обиженная, что мой порыв не нашёл должного отклика, и вместе с тем прекрасно понимая, что Гордин прав. Сейчас мной отчасти движет «стадное» чувство от всеобщего «бэби-бума», а главное — желание загладить ту, прошлую, вину перед ним.

Но скоро, очень скоро всё будет по-другому. Естественно, осознанно и радостно. И мы будем счастливы, как сейчас, но только ещё больше...

А пока я развила бурную деятельность по раздаче подросших котят: всучила и Марине, и её страдающему величеству, и Лориане, и, конечно, маме с папой — они попросили рыжего.

Мы с Гором жили теперь на два мира, благо временные «искривления» (или как их там?) позволяли одновременно учиться-работать в Питере и отдыхать в собственном замке. И тут, и там мы подолгу не задерживались и потому были в основном в курсе всех текущих новостей. Но одну важную всё же пропустили: у Марины внезапно умерла бабушка. Обширный инсульт... Мы припёрлись как раз к похоронам и почувствовали себя виноватыми — развлекались, когда здесь человеку плохо! Хоть мои родители помогли, и то слава Богу...

Бедная Марина вся извелась от горя — бабушка была для неё единственным родным человеком. А мы с Гором, к своему стыду, втайне вздохнули с облегчением. И, выждав сколько-то для приличия, предложили переправить её в Кальберру. Ну и пусть до конца учёбы осталось всего полгода, «корочка» для будущей королевы не главное!

Марина поплакала, пометалась... и согласилась. Мы доставили её пред царские очи и тут же были приглашены на свадьбу. Я была так рада видеть Лориана счастливым — уж он это заслужил! И моя прекрасная верная подружка, которую скоро будут называть «ваше величество королева Марианна» (это Маринкино полное имя, вполне подходящее к такому титулу!) Свадьба, к слову сказать, была организована буквально за неделю: Лориан суеверно боялся повторения прежней «накладки», устроил праздник «по минимуму» и почти не отходил от невесты. Несмотря на это, мероприятие удалось на славу. Мы веселились всю ночь напролёт — до порванной обуви и закономерной головной боли, но это ведь мелочи!

Доучивалась я, к сожалению, уже без Марины. Она решила, что в Питере её уже ничто не держит (ну, кроме меня, так ведь я её везде навещать смогу), плюнула на образование и осталась в Обероне насовсем.

Я получила красный диплом — и так и не смогла достойно ответить на подкол мужа, что мне сделать с этой бумажкой. Гордин считал, что профессия колдуньи подходит мне гораздо больше, чем историка, и я, в общем-то, была с ним согласна.

На работу по специальности я устраиваться не стала. Во время «здешнего» пребывания брала разовые заказы на тематические серии, а «там» неспеша рисовала, часто с натуры — благо замок и некоторые его обитатели служили отличнейшим фактурным материалом. Постепенно мои работы приобрели популярность, мне даже устраивали персональные выставки, да и платить стали вполне прилично. Питерская карьера Гора тоже стремительно развивалась, правда, он ушёл из преподавателей в бизнес.

Потом у меня появился совершенно очаровательный младший брат, а потом...

Кто-то спросит — а где, собственно, мораль? Что полезного можно почерпнуть из всей этой истории? Мне самой трудно судить, ещё рано делать какие-то глобальные выводы...

Но: одно я знаю совершенно точно. Не надо бояться мечтать. Не надо душить в себе то ожидание чуда, что так сильно в детстве, но потом пропадает, «задавленное» взрослой жизнью — суетной, жестокой, не терпящей никакой сентиментальности... Да, таким, как я, непросто существовать в обычном, непридуманном мире, приспособиться к его циничным правилам, научиться тщательно скрывать свой хрупкий детский внутренний мир — но ведь такие, как мы, тоже для чего-то нужны в этом мире. А если не в этом — то в каком-нибудь другом.

Можно сколько угодно не верить в эту мою историю, крутить пальцем у виска и говорить — так не бывает! Бывает. Просто редко. Не со всеми, не всегда... Но с тем, кто смог отстоять свою мечту, своё собственное, а не общественно-навязанное понимание счастья — бывает, правда. И к этому мне почти нечего добавить...

Эпилог

— Ну, скоро они там?

— Скоро, скоро... к трём обещались. Да не мельтеши ты, Олег, сядь, вон, Рыжика возьми на колени. Кирюша, а ты отстань от бедного кота, он к папе хочет!

Зоя в очередной раз смотрит на часы. Потом рассеянно оглядывает себя в зеркале. Красивая, переживающая вторую молодость женщина... Машинально поправляет причёску — и резко оборачивается. Едва заметное, но такое долгожданное колыхание воздуха тёплой волной касается её волос, нарушая идеальную укладку, но Зое уже не до того.

— Бабушка!!

— Мамочка! Папа!

— А вот и мы! Здравствуйте!

— Дин, двигайся, сейчас ещё их величества припру... придут.

— Диночка, красавица! Данечка, как ты вырос, родной!

— Ой, а Кирюшка-то как вымахал...

— Мяу!!

Все говорят одновременно, обнимаются, задают первые вопросы, ахают-охают... Среди этой весёлой неразберихи особенно чинно смотрятся вновь прибывшие гости — темноволосая статная девушка и её блондинистый супруг с младшим годовалым сыном на руках.

— Добрый день! Рады вас видеть, тётя Зоя!

Его величество Лориан спускает с рук маленького Деймара, свою точную копию, и ребёнок вслед за братом тут же уползает к старшим друзьям. Из радостно вопящей кучи стремительно вылетает чёрная кошка и устремляется навстречу своему вальяжному отпрыску. Облизывает и на всякий случай треплет за ухо.

Зоя счастливо вздыхает и смотрит на свою любимую дочку. Она по-прежнему выглядит, как юная девушка — такая красивая, что люди на улице оборачиваются и подолгу смотрят ей вслед. Рядом с ней неподражаемый зятёк, колдун из какого-то сказочного мира. Он явно постарше, но прямо-таки излучает мощный мужской магнетизм. За его руку держится девятилетняя Диночка: такие же, как у отца, густые чёрные волосы и надменный профиль, а глаза — в маму, огромные, зелёные. Лера в шутку называет её «Мура номер два». Девочка обещает вырасти в ослепительную красавицу (недаром близнецы Брента уже сейчас влюблены в неё по уши); но её саму пока больше занимает обучение магии, в которой она делает поразительные успехи. Младший Данечка — почти копия мамы и её любимчик, в отличие от серьёзной сестры, шалун и непоседа, и при этом добрый, жалостливый мальчик. Обожает животных и подолгу возится с ними, интуитивно понимая их язык и магически исцеляя несложные пока болячки — словом, в семье подрастает будущий великий магический «ветеринар». Окрестное зверьё отвечает ему пламенной любовью, и только Тео не всегда доволен: ведь он чаще всех становится «подопытным кроликом». Годы всё же берут своё, и кот в последнее время предпочитает безвылазно отсиживаться в замке, а вот его деятельная жёнушка то и дело шастает с хозяевами — проведать котят. Сколько их уже пристроено по знакомым — и не сосчитать...

Лерина лучшая подруга Марина, то есть её величество Марианна, королева Оберона, почти всё время живёт в Кальберре, и лишь изредка, как сейчас, выбирается с мужем в Питер — погулять по «местам боевой юности». Переходить из мира в мир она так и не научилась, поэтому «садится на хвост» Лере и её мужу.

Дочка в последнее время реже появляется на «исторической родине», что неудивительно — дети, семейные хлопоты, а ещё Гор хочет уговорить её родить третьего... Но, главное — она по-настоящему счастлива. Для неё «сказка» стала самой обычной реальностью; она не побоялась впустить её в свою жизнь, вопреки родительской иронии и собственным сомнениям. Она позволила себе быть смешной, по-детски наивной и упрямой — и верной своей мечте. И мечта в конце концов отплатила ей тем же — просто взяла и сбылась. Вот так...